
ОГОНЁК
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Германская Демократическая Республика.
Саксонская Швейцария.

Фото А. Гостева

На первой странице обложки: Саша идет в школу.
Фото Я. Рюмкина.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

33-й год издания

№ 36 (1473)

4 СЕНТЯБРЯ 1955

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВОЛГА ПЕРЕКРЫТА!

Волга в районе Городца перекрыта!

Могучая стена из песка и камня сковала коренное русло, и сейчас разливается, четвертое по счету на Волге, Горьковское море.

События на строительстве Горьковской ГЭС шли так: сначала затопили котлован основных сооружений и пустили Волгу по новому руслу — через железобетонную водосливную плотину и донные отверстия двух турбин. В то же время было переведено движение судов на обходный путь — по специально прорытому каналу и через шлюз № 14. После этого в коренное русло привели понтонный мост, поставили его на якоря, и множество грузовиков-самосвалов начало штурмовать Волгу. С утра до вечера шли автомобили и непрерывно сбрасывали в реку тысячи и тысячи кубометров камня и специально изготовленные из железобетона «ежи».

Двенадцать часов шла схватка строителей с Волгой. Двенадцать часов подряд обрушивался в Волгу каменный поток.

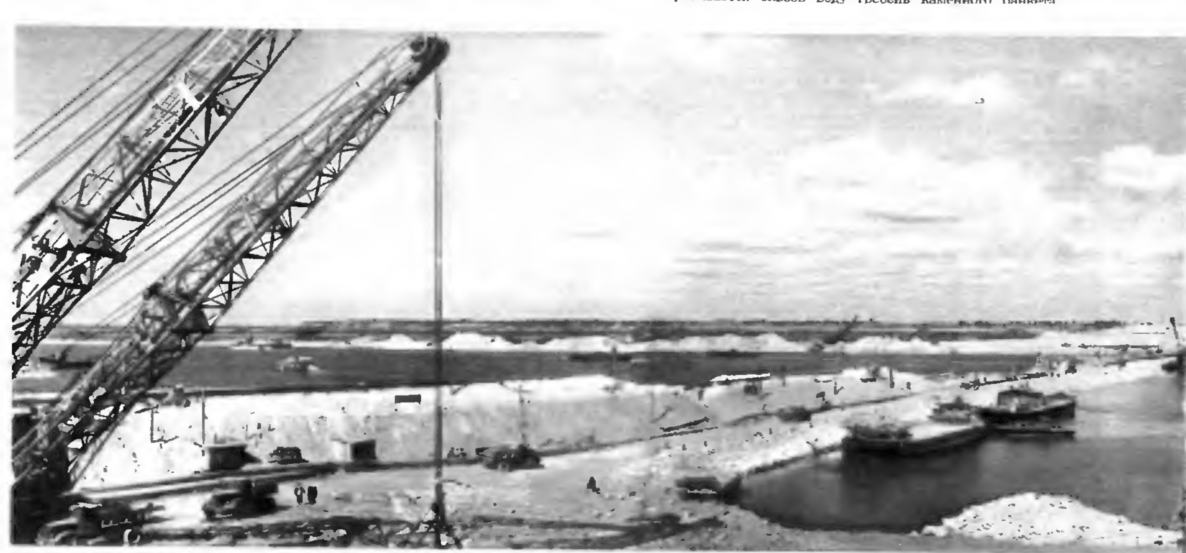
И вот плотина на веки вечные перегородила величайшую реку Европы. За ней уже наполняется новое море.

Скоро Горьковская ГЭС даст первый ток.

Специальные корреспонденты «Огонька»
Л. КУДРЕВАТЫХ, Е. РЯБЧИКОВ

Штурм коренного русла Волги. Вздымая пенистые валы, уже пробивается сквозь воду гребень каменного банкета.

Волга перекрыта. Русловая плотина поднялась там, где текла могучая река.

Фото А. Горячева.

Волга идет по новому пути — через железобетонную водосливную плотину.

На торжественном закрытии выставки картин Дрезденской галереи. Глава правительственной делегации Германской Демократической Республики заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Л. Больц выступает с речью.

Фото Е. Умнова.

Югославские гости беседуют с пионерами в лагере «Красная Пахра».

Фото Я. Рюмкина.

Закрытие выставки

Закрылась выставка картин Дрезденской галереи, которую за три с половиной месяца ее экспонирования в Москве посетило 1 200 тысяч человек.

26 августа в залах Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина собрались многочисленные представители советской общественности, главы посольств и миссий, аккредитованных в Москве, корреспонденты. На торжественный акт прибыли правительственная делегация Германской Демократической Республики во главе с заместителем премьер-министра и министром иностранных дел Лотаром Больцем, а также посол ГДР в СССР Иоганнес Кёниг. Торжественное собрание открылось речью заместителя министра культуры СССР С. В. Кафтанова. С ответным словом выступил глава правительственной делегации ГДР Лотар Больц. Затем был подписан совместно выработанный протокол о порядке осуществления передачи и приемки картин и акт о передаче первой картины из сокровищ Дрезденской галереи — «Портрета молодого человека» великого немецкого художника Альбрехта Дюрера.

Приехавшие в СССР югославские работники просвещения посетили пионерский лагерь «Красная Пахра». Гости и хозяева лагеря — дети строителей — быстро подружились.

Руководитель делегации председатель Центрального комитета профсоюза работников просвещения Югославии Миливое Урошевич рассказывает, что в новой Югославии просвещение стало общедоступным. Осуществлено всеобщее четырехлетнее начальное образование. Вводится всеобщее восьмилетнее обучение.

Преподавательница сербской литературы в 4-й белградской школе Цвета Шитин рассказывает ребятам, что во всех классах ее школы изучают русский язык и литературу. Школьники знакомятся с замечательными произведениями Пушкина, Лермонтова, Белинского, Гоголя, Чернышевского, Некрасова, Тургенева, Толстого, Чехова, Горького, Маяковского, Шолохова, Фадеева.

На пионерской линейке ребята преподнесли гостям для передачи югославским пионерам вышитый в лагере портрет юного Ленина. Выступивший на линейке руководитель делегации товарищ Урошевич сказал, что он с радостью передаст этот подарок, что ему очень понравился лагерь, понравились советские пионеры, которым пионеры Югославии будут самыми верными друзьями.

У картины Альбрехта Дюрера «Портрет молодого человека».

Этих малышей жители Лондона увидят по телевизору. Их снимает в детском саду подмосковного колхоза «Луч» корреспондент английской телевизионной компании Ронни Ринд. Он посетил этот колхоз вместе с первой группой английских туристов, которые прибыли на днях в СССР.

Фото Е. Тиханова.

«ДРУЖБА КРЕПЧЕ ЖЕЛЕЗА»

В город Первоуральск, на Новотрубный завод, где сейчас проходит практику очередная группа рабочих и специалистов с Аньшаньского металлургического комбината, пришла из Китая газета на русском языке «Дружба».

Во время перерыва, захватив газету «Дружба», в заводском сквере собрались китайские практиканты и их советские друзья. Переводчик Хань Де-синь читает вслух газету. В ней напечатано письмо первоуральцам от коллектива завода цельнотянутых труб Аньшаньского металлургического комбината. Большая группа рабочих этого завода обучалась в Первоуральске, овладела здесь передовой техникой. Китайские рабочие горячо благодарят за науку, рассказывают о своих успехах.

«В нашем народе,— пишет газета,— сохранилась притча. У одного китайского мудреца спросили: что, по его мнению, дороже золота? «Дружба»,— ответил он. А что крепче железа? «Опять же дружба». Ну, а что сильнее бури? «Дружба сильнее бури»,— в третий раз ответил мудрец».

Первоуральцы хорошо знают тех, кто подписал письмо: старших вальцовщиков Лу Дэ-синя и Ли Чжень-жэня, операторов Сюй Лянь-цзя и Сюй Чен-юя. На заводе они закончили специальные курсы, освоили новые машины, технологию.

Вскоре после того, как на Аньшане вступил в строй первый трубопрокатный завод, оттуда прибыла посылка. В ней были аккуратно упакованные образцы труб. На поверхности каждой трубы выгравировано иероглифами:

«Дарим коллективу Новотрубного завода имени И. В. Сталина в городе Первоуральске в честь дружбы между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом».

Ежедневно на первоуральский Новотрубный завод приходят практиканты. Обучаясь у советских друзей, китайцы осваивают новые профессии.

А. ГРИГОРЬЕВ

Китайские и советские рабочие читают «Дружбу».

Фото Н. Тюфякова.

9 сентября — национальный праздник болгарского народа — День свободы.

СОКРОВИЩНИЦА БОЛГАРИИ

В. ЖУРАВСКИЙ

Извилистая горная дорога с крутыми поворотами лепится над пропастью. Где-то внизу, в тесном тенистом ущелье, кипит и пенится студеная Арда.

Наш спутник — горняк Хайри Хабипов, высокий, плечистый мужчина лет сорока пяти, сохранивший молодую стать и силу. Северо-Восточные Родопы — его родина. Повернувшись вполоборота, он указал рукой на гору:

— Видите, там, вдали, белеют три низенькие сакли, будто ласточкины гнезда. Это махала Койнарци, мой родной аул. Вон та сакля, что у черной скалы, наша была, хабиповская. Теперь в махале никто не живет.

...Пологая глинобитная крыша; маленькое, как в курятнике, оконце. Вместо стекла промасленная бумага. Близ сакли на горной террасе полгектара расчищенной от валунов земли — надел Хабиповых. Лютые ветры и талые воды слизывали и без того тощий слой почвы. Каждый год отец и сын таскали на себе в плетеных кошелках землю из ущелья Арды. Хлеба не видели, спали на соломенных цыновках, жгли лучину, одевались в домотканную шерсть и овечьи шкуры, страдали от голодовок и эпидемий...

Во времена долгого турецкого владычества жители этих мест были обращены в мусульманство, но сохранили свой древний болгарский язык, свои песни, любовь к солнечной отчизне.

— Жили мы,— продолжал Хайри,— как те карликовые сухие березки по трещинам скал: не за что было корню уцепиться...

Сурова, неприветлива природа Северо-Восточных Родоп. Но недра здешних гор хранят неисчислимые сокровища.

Об этих полезных ископаемых знали еще народы, жившие до нашей эры. На протяжении многих веков тут добывали руды фракийцы, затем римляне, а за ними болгары.

В начале нынешнего столетия сюда проникли иностранные концессионеры. Они хищнически разрабатывали недра Родопского края.

Но вот пришла другая пора: болгарский народ избавился от иноземных поработителей и заботливо, разумно начал изучать и разрабатывать кладовые Родоп.

Осенью 1946 года в махалу Мадан прибыла первая геологическая экспедиция. Встречать ее вышли все 300 жителей махалы и окрестностей. Крестьяне с удивлением рассматривали приборы и буровые станки. Когда главный геолог сказал, что экспедиции требуются рабочие, женщины, придерживая паранджи, испуганно обернулись в сторону мечети, у которой в одиночестве застыл мулла, желтый от злобы.

Но Хайри Хабипов знал, с чьего голоса поет мулла. Когда еще юношей Хайри работал на строительстве дорог, он вступил в союз молодежи, потом служил в армии, повидал свет, стал разбираться в людях, научился грамоте и смотрел теперь на жизнь открытыми глазами. Поэтому Хабипов первым попросил главного геолога записать его.

Геологи работали в палящий зной, свирепую стужу и снежные бураны. Рука об руку с болгарскими геологами и рабочими шли русские специалисты, приглашенные Болгарским народным правительством. Тогда были открыты новые большие залежи руды.

Там, где девять лет назад геологи пробивались узкой горной тропой, погрузив на спины вездеходов-ишаков свои приборы и машины, теперь во все концы широкими реками разливались шоссейные дороги. В гранитной груди Родоп прорублены окна новых рудников. На пиках и куполах гор поднялись стальные ажурные мачты, а над пропастями и ущельями протянулись трассы канатных подвесных дорог. На месте безымянных аулов выросли большие промышленные центры — Мадан, Рудозем и другие. У истоков Арды, в городе Рудоземе, построена мощная обогатительная фабрика, которая оснащена первоклассным современным оборудованием, присланным в Болгарию из СССР.

Сердце Северо-Восточных Родоп — город Кырджали превращен за последние пять лет в крупнейший центр горнорудной промышленности. Здесь уже воздвигнуты корпуса первенца болгарской цветной металлургии — свинцово-цинкового завода, который в нынешнем году вступает в пробную эксплуатацию.

* * *

Шоссе, извивающееся вдоль излучины реки, врезается в горную котловину, поросшую хвойным редколесьем. На серых горных уступах амфитеатром расположились сверкающие белизной здания. Это город Мадан, самый юный в Болгарии.

— Видели город? — спросил нас директор рудоуправления Петр Тамбурджийский.— Понравился? Красавец! Как в сказке, из-под земли вырос!

Впрочем, под землей,— продолжал наш новый знакомый,— у нас больше интересного, чем на поверхности. В Родопах чуть не вся таблица Менделеева залегает. Советую спуститься посмотреть. Но сначала я познакомлю вас с одним из родопских самородков.

Самородком оказался степенный человек среднего роста в резиновых сапогах, в брезентовой спецовке и горняцкой каске.

— Хайри Ризов Мустабашев,— представился он.

— Начальник рудника,— добавил Тамбурджийский.— А пять лет назад был чернорабочим.

Хайри Ризов Мустабашев — сосед Хайри Хабипова. Судьбы их схожи, как две капли воды. Тезки ходили одними тропами, жили одними бедами. Вместе с Хабиповым Мустабашев начал новую жизнь рабочим в геологоразведочной экспедиции. Потом они стали шахтерами.

...Под буковыми перекладинами крепильных рам в сумеречную даль протянулась гирлянда электрических огней. Тяжело громыхая, из глубины вынырнул электровоз с эшелоном вагонеток, груженных рудой.

— Дальше нашим солнышком будет ацетиленовая лампа! — сказал, обернувшись, Хайри Мустабашев.

Стук перфораторов заставлял его кричать.

Хайри поднял над головою лампу, и выдолбленный взрывами свод забоя засверкал мириадами радужных блесток.

— Сплошной концентрат, а не руда!

Скреперные лебедки, приводимые в движение электромоторами, сгребали руду, отбрасывая ее сквозь стальную решетку в рудоспуски; электровозы доставляли руду на распределительный пункт подвесной канатной дороги — все здесь механизировано.

— Раньше горняка у нас считали смертником,— задумчиво говорит Хайри.— Если он не погибал под обвалом, то его сводил в могилу силикоз. Мельчайшая кварцевая пыль разъедала легкие, как моль разъедает материю. Работали без масок, в непроветриваемых забоях... А ныне свободно дышится: воздух очищается мощными электрическими вентиляторами.

Десять лет назад на весь край был один фельдшер; оборудование его «амбулатории» умещалось в походной сумке. Ныне здешний медицинский персонал — 150 врачей, фельдшеров и сестер. Трехэтажный, занявший целый квартал корпус маданской поликлиники и больницы оборудован по последнему слову медицинской техники. Рядом с ним строится большой профилакторий.

...Поздним вечером мы завернули на огонек, светившийся в кабинете директора рудоуправления.

— Присаживайтесь,— сказал директор, подняв голову от бумаг и сощурив усталые глаза.— Задержался вот. Не люблю бумагу марать, а сейчас пишу с удовольствием: рудоуправление выполнило месячный план на неделю раньше срока. Приятно такой рапорт писать.

...Спустя несколько дней мы снова встретились с Хайри Хабиповым. Он пригласил нас посмотреть свой новый двухэтажный дом на берегу Арды.

Семья горняка: жена Фатме, теща, мать и сын с молодой невесткой — была вся в сборе. У радиоприемника сидел гость — Хайри Мустабашев, только что возвратившийся с совещания в Кырджали.

Хозяин повел нас по дому. Общительная и разговорчивая Фатме, давно уже снявшая паранджу и распростившаяся с мечетью, похвалилась богатыми коврами и своим рукоделием. Сын Фехми, работающий электромехаником в Рудоземе, показал купленные недавно фотоаппарат, фотоувеличитель и мотоцикл.

После ужина перешли в гостиную. Хозяин, порывшись в книжном шкафу, достал старую книжку. Перевернув несколько страниц, он сказал:

— Полюбопытствуйте, что писали о Северо-Восточных Родопах пятнадцать лет назад: «Бедный, редко населенный, забытый край. Небольшая площадь обрабатываемой земли. Каменная пустыня, культура каменного века...»

Да, так было.

Народная власть ныне раскрыла несметные богатства Родоп. Она вызволила горцев из векового мрака, осветила им путь к знанию, труду, к творчеству. И таланты простых людей засверкали, словно камни-самоцветы родопских недр.

София, август.

Город Мадан. На заднем плане — новые жилые дома горняцкого поселка.
Фото Болгарского телеграфного агентства.

Беседа с американским сенатором г-ном Эллендером

Перед отъездом из Москвы американский сенатор Аллен Эллендер (демократ, штат Луизиана) любезно согласился принять представителей журнала «Огонек» и ответить на наши вопросы.

В гостинице «Националь», где остановился г-н Эллендер, уже собралась группа иностранных корреспондентов. Впечатления американского сенатора о Москве, несомненно, представляли интерес для представителей зарубежных газет и агентств.

Все мы довольно долго ждали сенатора: он еще днем уехал в подмосковный колхоз и там задержался.

Наконец г-н Эллендер появился. Это был невысокий, широкоплечий человек лет пятидесяти. В петлице его темного костюма большой красный цветок.

— Путешествие в Москву,— сказал сенатор,— доставило мне много удовольствия.

Американский сенатор А. Эллендер отвечает на вопросы корреспондентов.

Фото Е. Тиханова.

В день национального праздника румынского народа А. Эллендер присутствовал на приеме в посольстве Румынской Народной Республики в Москве, затем побывал в одной из московских больниц, познакомился с семьей колхозника и накануне отъезда был принят первым заместителем Председателя Совета Министров СССР тов. А. И. Микояном.

На ближайшей сессии американского Конгресса г-н Эллендер собирается внести предложение о создании комиссии (в нее войдут сенаторы и члены палаты представителей) для изучения вопроса о поездке делегации американского Конгресса в Советский Союз. Это, по его мнению, будет чрезвычайно полезно для обеих стран.

— Сегодня я очень приятно провел время,— продолжал г-н Эллендер,— в русской семье. Это было в колхозе «Ильич», недалеко от Москвы. Я говорил с хозяином дома и его женой. Когда я пришел, на столе появились картошка, масло, помидоры, огурцы, сметана и бутылочка вина. Я взял со стола кусок хлеба и должен сказать, что никогда еще не ел так вкусно и с таким аппетитом, как в этой семье русского фермера. Когда мы беседовали за столом, на экране телевизора мы увидели фильм о пребывании американской сельскохозяйственной делегации в СССР.

Сенатор Эллендер отозвался об обмене сельскохозяйственными делегациями, как о «самом лучшем деле для содействия взаимопониманию между нашими странами». Сенатор заявил также, что он стоит за поездки советских граждан в США и американцев в СССР и что именно этот вопрос он обсуждал в беседе с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР тов. А. И. Микояном.

— Красный цветок, который я ношу в петлице,— продолжал сенатор,— мне подарила русская колхозница.

Возвращаясь к московским впечатлениям, г-н Эллендер говорит, что в советской столице он увидел много интересного. Однако он хотел бы сделать критическое замечание. В московском ГУМе покупатель, выбирая ту или иную вещь, должен сначала выписать чек, затем отправиться в кассу и уж только после этого получить свою покупку. Сенатор полагает, что некоторые из этих операций можно упростить и что москвичам следовало бы познакомиться с опытом американской торговли.

— Что вы думаете о встрече, которую советские люди оказали вам как американскому сенатору и гражданину? — спросил я.

— Это была очень дружеская встреча и — неожиданно для меня — очень искренняя,— отвечал г-н Эллендер.

— Значит, вы не сожалеете, что вам пришлось увидеть Москву?

— Нет, нет! — горячо отвечал наш собеседник.— Как раз наоборот. Я очень рад, что мне привелось увидеть Москву и встретиться с советскими людьми. Скажу больше: я еще к вам приеду!

На этом интервью закончилось. До отлета самолета, отправлявшегося в Бухарест, куда собирался г-н Эллендер, оставалось несколько часов, и сенатор решил их использовать для знакомства с русским балетом.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

«Червьяна пляска».

Фото Е. Явно.

Песни горных лугов

Ансамбль называется «Лучница» — по-словацки это луговая песня. На высоких горных склонах среди душистых лугов родились трогательно-наивные, прозрачные, как горный воздух, мелодии песен и плясок словацкого музыкального коллектива. Свежестью и ароматом родных полей овеяны его поэтические песни о любви и разлуке, о новой, привольной жизни, о мире, о молодости.

Несколько лет назад юноши и девушки, приехавшие в Братиславу учиться, организовали самодеятельный коллектив танца и песни, выросший потом в один из лучших музыкальных ансамблей Чехословакии. Студенты разных учебных заведений с увлечением отдавали свободное время любимому искусству. Будущие врачи, юристы, инженеры бережно изучали народное творчество разных уголков своей страны. Сборники фольклора, собранного ансамблем, служат замечательным пособием для художественной самодеятельности. Лучшее из них вошло в репертуар ансамбля, стало особенно популярным благодаря талантливому исполнению.

Радостью жизни, теплым юмором насыщены пляски участников ансамбля. Их живописные костюмы — подлинно народная одежда, собранная по родной стране,— придают своеобразный национальный колорит каждому выступлению. Сочетание пения и танца, театрализация отдельных сцен делают программу «Лучницы» доходчивой до зрителей любой национальности. Такова народная «Ярмарка в Радване», старинная «Разбойничья пляска», прелестный «Танец дружбы», созданный в дни фестиваля молодежи в Бухаресте, полная жизни «Веселая пляска молодежи» и многие другие. В репертуаре «Лучницы» больше двухсот песен, около пятидесяти танцев.

Коллектив ансамбля составляет ныне свыше 140 человек, и он непрерывно пополняется талантливой молодежью. Многие участники закончили уже обучение в высшей школе, но попрежнему отдают свой досуг народному искусству.

Большой любовью пользуется «Лучница» в своей стране; искусство ансамбля высоко оценено на всемирных фестивалях молодежи в Берлине и Бухаресте. Тепло и сердечно встретили выступления «Лучницы» и московские зрители.

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

ХОККЕЙ ЛЕТОМ

Тренировочная встреча хоккеистов Индии и СССР (Центральный Спортивный клуб Министерства Обороны).

Фото В. Кругликова.

Когда автобус, в котором игроки сборной футбольной команды Индии совершали экскурсию по Москве, въехал на стадион «Метростроя», лица индийских гостей осветились радостными улыбками. Уже из окна машины они увидели всем им хорошо знакомую картину: на футбольном поле стояли хоккейные ворота, и две группы спортсменов с клюшками в руках гоняли по траве белый тугой мячик.

Гости спросили, давно ли в Советском Союзе начали играть в хоккей на траве. Им ответили, что всего лишь два месяца назад и как раз теперь проходят первые соревнования, в которых принимают участие восемь команд.

Конечно, среди индийских спортсменов нашлось несколько горячих почитателей этой игры: ведь в Индии хоккей на траве очень популярен. Индийские хоккеисты — неоднократные победители мировых первенств, двукратные чемпионы Олимпийских игр.

На стадионе «Метростроя» состоялись совместные тренировки индийских и советских спортсменов. Против индийских хоккеистов выступала команда Центрального Спортивного клуба Министерства Обороны СССР.

Хотя основные принципы хоккея на льду сохранены и на траве, все же игра имеет немало своих особенностей. Так, например, по мячу разрешается бить только левой, плоской стороной клюшки, оригинально разыгрываются штрафные и угловые удары, игра ведется строго по системе дублеве.

А вскоре после встречи с индийскими спортсменами команда Центрального Спортивного клуба Министерства Обороны СССР провела свой финальный матч с архангельской командой и, выиграв со счетом 3 : 0, вышла победительницей первого междугородного турнира.

А. БАСМАНОВ

Первый вуз в Сибири

Семьдесят пять лет тому назад в Томске был заложен первый вуз в Сибири.

Основание Томского университета явилось подлинным праздником для прогрессивных людей всей России. Ассигнования, выделенные на его постройку, были совершенно недостаточны. И вот по всей стране, особенно в сибирских городах и селах, стали собирать деньги на университет.

Не только деньги, но и большие культурные ценности жертвовали русские люди сибирскому университету. Так, наследники поэта В. А. Жуковского передали личную библиотеку своего знаменитого родича.

В 1885 году строительство было закончено и в университете могли бы уже начаться занятия, но напуганный убийством отца Александр III еще долго противился открытию нового вуза. Известный реакционер Катков писал в газете «Московские ведомости» в № 25 за 1886 год: «В Томске образовался целый штат социалистов, собранных со всех концов Сибири... Революционные кадры уже готовы. Ожидается только прибытие новобранцев в виде томских студентов, а может быть, и профессоров».

Лишь в 1888 году в Томском университете начали обучаться 72 студента медицинского факультета. Десять лет спустя открыли второй факультет — юридический. Здесь учился в 1909 году В. В. Куйбышев, имя которого носит сейчас Томский государственный университет.

Государственный университет имени В. В. Куйбышева.

Фото Ф. Хитриневича.

Теперь первый сибирский вуз готовит высококвалифицированных специалистов по физике, химии, математике, механике, юридическим наукам, биологии, геологии, географии, истории и литературе. Преподают в университете видные советские ученые.

Е. МРАМОРНОВ

ГОСТИ ИЗ ФРАНЦИИ

Радиограмма о выходе из Гавра польского океанского теплохода «Баторий» с французскими туристами была принята радистом Ленинградского морского торгового порта поздним вечером 25 августа. А спустя три дня у одного из причалов порта стоял готовый к выходу навстречу гостям морской буксир «Передовой». На нем вместе с представителями «Интуриста» мы уходим ранним утром в просторы Финского залива.

...Расстояние между океанским теплоходом и морским буксиром быстро уменьшалось. Вот огромный белоснежный корабль поровнялся с нами. Корабли обменялись гудками, и мы подошли вплотную к «Баторию». Французы машут платками, шляпами, щелкают затворы туристских фотоаппаратов.

Входим по трапу и оказываемся в гуще оживленных, любознательных пассажиров. Знакомство происходит быстро. Нас окружили тесным кольцом.

— Желающих своими глазами увидеть Советскую страну, познакомиться с жизнью советских людей очень много во Франции,— говорит директор французской компании «Транстур» Фаддей Оппман.— Все семьсот пятьдесят мест, которыми располагает зафрахтованное нашей компанией польское судно «Баторий», оказались проданными в четыре дня. Желающих были тысячи, и мы, естественно, не смогли удовлетворить всех.

Среди первых французских туристов, приехавших в Советский Союз, самые различные люди: депутат Национального собрания мэр города Тура Жан Менье, профессор Марсельского университета виднейший хирург Франции Фернанд Каркассон, племянник президента республики Р. Коти — Жак Эглоф, учитель Александр Гэй, президент акционерного общества грузовых автомобилей «Лякиль» Анри Блюм, формовщик металлургического завода Андрэ Буавэн.

Пробираясь через толпу, к нам подходит женщина. Это Фернанда Гетшель. Она подает руку. На ней отчетливо видны крохотные зеленоватые цифры. Это лагерный знак Освенцима, где Гетшель томилась 17 месяцев.

— Нас освободила Советская Армия. Своей жизнью я обязана советским людям. Сейчас я занимаюсь коммерцией. В Лиможе у меня своя шляпная мастерская и магазин. Французы и русские — друзья навечно.

— Наша дружба скреплена кровью,— замечает Абель Барбье. Старый учитель Барбье израсходовал все свои сбережения, чтобы поехать в Советский Союз вместе со своей супругой. Их сын Лео, летчик французской эскадрильи «Нормандия», сражался с фашистами вместе с советскими летчиками и в 1943 году погиб в Белоруссии.

У каждого туриста свои планы, свои намерения. Парижский скульптор Жозеф Гельтон говорит, что имел удовольствие познакомиться у себя на родине с советским скульптором Н. В. Томским. И теперь Гельтон хочет проведать своего знакомого в Москве, поделиться с ним творческими замыслами.

— Дух Женевы, которым повеяло в Европе, очень приятен нам, работникам искусства,— говорит Гельтон.— Взаимное общение укрепляет веру в окончательный успех борьбы за мир и дружбу всех народов.

«Баторий» — это большой плавучий город: туристы загорают в шезлонгах, играют в теннис, слушают концерты, смотрят кинофильмы, заходят в библиотеку, купаются в плавательном бассейне. На теплоходе комфортабельные каюты, салоны, рестораны, бары, гостиные, свои магазины, радио-телефонная связь.

...Теплоход медленно подходит к причальной стенке Ленинградского порта. Все туристы высыпали на палубу. Корабль украшен разноцветными флагами. Французы, облепив палубу, машут платками, раздаются возгласы. «За мир! За дружбу!» — дружно отвечает французам берег.

На капитанский мостик поднимается директор французской компании «Транстур» Фаддей Оппман.

— Большое спасибо вам и команде за приятное путешествие и прекрасное обслуживание,— благодарит он капитана польского корабля Мирослава Гловацкого.

«Баторий» приближается к стенке. Вот уже готовится к спуску трап.

Вскоре по трапу на берег сходят туристы. Они идут в город, на улицы, в театры, музеи, стадионы, а некоторые в тот же вечер направились к Московскому вокзалу, чтобы пересесть на поезд и отправиться в столицу.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева.

Туристы высыпали на палубу.

* * *

В Москву прибыла первая группа — 378 французских туристов. Их можно было встретить на многих площадях и улицах столицы. Москвичи дружески беседовали с гостями. Туристы совершали поездки по городу на автобусах. В первые же два дня они осмотрели новое здание МГУ, станции метро, побывали в Кремле и на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Помимо того у каждого французского гостя есть те или иные свои интересы. Например, инженер Жан Ледюк хочет ознакомиться с производством пластических масс.

Адвокат Жакелина Метцгер поделилась первыми своими впечатлениями. Ее поразили величие Москвы, размах нового строительства в городе.

Группа французских туристов в Москве. Осмотр Кремля.
Фото Е. Тиханова.

Профессор Марсельского университета Фернанд Каркассон.

В салоне на корабле Фернанда Гетшель (сидит вторая слева) и супруги Барбье (второй и третья справа).

Светлый путь

Кара СЕЙТЛИЕВ

Коммунист

Коммунист!
Это слово страну привело к Октябрю.
Это слово зажгло человечеству
счастья зарю.
Это слово,
как знамя,
народы к победе вело.
Так сияет оно,
что на целой планете светло!
С этим словом
на Родине нашей весна расцвела.
С этим словом
народы свершили большие дела.
Ярче солнца оно,
выше гор, что увидишь вокруг.
Сердце Ленина в нем,
сердца Сталина слышится стук.

Коммунист!
В этом слове и разум и сила земли.
С этим словом
каналы в пустыню прохладу несли.
Это слово сквозь горы пройдет,
где вода не пройдет,
Это слово преграду пробьет,
что свинец не пробьет.
Это слово
надеждой
для узника станет в тюрьме.
Это слово, как луч,
угнетенным сверкает во тьме.

Коммунист!
Так назвавшийся
страх позабудет в борьбе,
Ощутит небывалые силы
и волю в себе.

Коммунист!
Это слово
столетье назад зажжено,
Но, всегда молодое,
нам путь освещает оно.
И во всех уголках необъятной планеты моей
Это слово имеет
надежных и верных друзей.

Коммунист!
Это имя
дорогою братства ведет
И с народом России
туркменский сроднило народ.
На леса пятилеток,
к труду это имя вело.
Через все испытанья оно нам пройти
помогло.
Это имя,
как знамя,
в сражениях подняли мы.
Это имя
избавило мир
от фашистской чумы.

Коммунист!
Это слово
сближает народы всех стран.
С этим именем
в хлопок оделся
Туркменистан.
Государства хозяином стал
наш туркменский народ.
Вдохновленные именем этим,
идем мы вперед!
И канал забурлил,
где песок был столетьями сух.
Получила туркменка звезду.
Стал ученым пастух.
С этим словом
улов увеличивают рыбаки,
С ним рабочий Кунграда
преодолевает пески.
В Кара-Кумах седых это слово
заблещет волной,
Птицей нашего счастья
взлетает оно над землей.
С этим именем
тайны откроет небесный простор,
И народ разгадает секреты пустыни и гор.
И утесы и воды,
любую травинку и лист
Ты на службу народу
сумел обратить,
коммунист!
С этим именем
в небо фонтаны взметнул Небит-Даг.
И невиданной стройки
в пустыне мы подняли флаг.

Коммунист!
В этом слове так много —
всего не назвать!
В нем слились
богатырская сила и юная стать,
В нем борьба за свободу,
за счастье,
за мир
и за труд,
В нем бессмертные
Ленин и Сталин
живут!

Мальчик спит

Вечер.
Ласковый весенний небосвод.
Мальчик спит на берегу Аму-Дарьи,
Где канал, прорытый нами, понесет
К коммунизму волны светлые свои.

Мальчик спит —
Хозяин будущих времен.
Коммунистом,
Коммунистом станет он!
Перед ним отступят древние пески,
Станут рощами зеленые ростки.

А пока что сон мальчонки бережет
Мать — в селенье знаменитый
шелковод.
Охраняет хлопкороб — его отец,
У столба у пограничного — боец.

В этот час оберегают паренька
В поле пахарь и рабочий у станка.
Белый голубь осенил его крылом,
Знамя мира заслонило кумачом,
Чтоб его не потревожили бои.
Мальчик спит на берегу Аму-Дарьи.

Утро.
Солнцем озаряется простор.
Голубь мира над землей крыла простер,
В дальних рощах запевают соловьи,
И звенит, звенит волна Аму-Дарьи.

Просыпаясь, мальчик слышит перезвон,
Поднимается навстречу звукам он.
Голос утра!
Громче звуков остальных
Слышно пение московских позывных.
Входят в сердце, пробуждая ото сна,
Солнце, утро, позывные и весна.

Станок

На сердце радостно у всех:
Взамен орудий старых
К нам привезли в ковровый цех
Из Киева подарок.

Веселых девушек кружок
Звенит лукавым смехом,
Как будто это не станок,
А паренек приехал.

Хоть здесь не видели таких,
Но за станок садится
Та, что искуснее других,
Туркменка-мастерица.

Она узор сплетает свой
Из множества оттенков,
Из пестрых ниток,
Как живой,
Возник Тарас Шевченко.

И на ковре такой же взор,
Как рядом, на картине...
Туркменка выткала ковер
В подарок Украине.

Волны Каспия

Легла дорожкою луна
В полуночный часок,
Седого Каспия волна
Плескалась о песок.

И, мелкой галькою шурша,
Вздыхала до утра
Седого Каспия душа,
Спокойна и добра.

Но чья-то речь едва слышна
На темном берегу.
Седого Каспия волна
Споткнулась на бегу.

И увидала сквозь туман:
У борта челнока
Стоят вдвоем матрос Курбан
И дочка рыбака.

Так у песчаных этих кос
Девчонка подросла,
Что обсуждает с ней матрос
Сердечные дела.

По следу лунного литья
Во тьме каспийских вод,
Как белокрылая ладья,
Их лодочка плывет.

Им, молодым, шуршат пески,
И волны бьют у ног,
Подмигивают маяки,
А им и невдомек.

Как розоватый караван,
Проходят облака.
К заре плывут матрос Курбан
И дочка рыбака.

А вал, который был седым,
Порозовел и стих —
Стал даже Каспий молодым
От молодости их.

Перевел с туркменского
Анисим КРОНГАУЗ.

Тайна лиманов

В. ОШЕЙКО

Рассказ кузнеца

После вечерней зари, которую испортил разбушевавшийся «астраханец», мы выбрали около лимана небольшую впадину, развели в ней скромный огонек из сухих примятых шаров перекати-поля и под редкие вскрики потревоженных уток стали коротать степную ночь.

Ветер сердито налетал на беззащитный костер, то раздувая пламя, то прижимая его к земле,— здесь, в открытой степи, он был полным хозяином.

Вспыхивая, пламя освещало моего спутника, кузнеца местного колхоза Ерофея Кузьмича Прищепу — его угрюмое, бородатое лицо, трубку во рту, темную, подпоясанную патронташем стеганую фуфайку и блестевшие от сырости резиновые сапоги.

— С вечера подул, проклятый, теперь того и гляди на неделю растянет! — сердито проговорил Прищепа.— Вот так он и начинается, суховей. Поначалу тишь да гладь, и степь и поля — все радуется. А потом, как подует, нет от него спасения... Эх, кабы не суховей, было б теперь у нас всего вдоволь!

Ветер дул с лимана, и до нас явственно доносился шум волн. Суховей методически высасывал из огромной, с пологими краями чаши драгоценные вешние воды, собравшиеся из тысяч маленьких ручейков. Лиман испарялся.

— Дуй, дуй, «астраханец»,— разговаривал с ветром Ерофей Кузьмич,— может, еще что посеешь в новом лимане.

Я не понимал смысла его слов и спросил, что это значит.

— Как ни ругай проклятый ветер, а он иной раз пользу приносит. Через него колхоз тут миллионером стал. Трудно поверить, но факт. Правда, не только ветер тому причиной. Опять же лиман помог. Вся история из-за лимана и вышла...

Ерофей Кузьмич подбросил в костер сухой травы и неторопливо начал рассказывать историю, которая бытует в этих местах, как легенда о лимане.

— Есть у нас лиман Заячий, гектаров пятьсот будет его площадь, не меньше. А название такое дано потому, что русаки очень его любили. Трава вымахивала в рост человека. Выкосят, бывало, а она опять растет. Как только вода в лимане высохнет, вот зайцы туда и собираются со всей округи, лучшего места не найти. И зимой от холода защита. Бывало, идешь, задумаешься, а он, косой, как выскочит из-под ног, напугает, а сам тягу... Но не в этом дело.

Косили на Заячьем лимане много лет. А однажды случилось вот что. Дело было в мае, когда вода в лимане уже наполовину высохла и скатилась к середине. Смотрят колхозники: что такое? Вокруг появилась какая-то новая зелень. Стали разбираться: ива! Молодые побеги ивняка целой полосой в несколько рядов окаймили лиман. Стали думать: откуда это ива пошла? Пока думали да гадали, глядь, на том месте, где вода спала, вокруг лимана еще одна новая полоса появилась — пониже первой. Что за оказия такая? Жизнь люди прожили в степи, леса не видели, сажали — не выходило, а тут, откуда ни возьмись, сам по себе начал расти. Целые заросли поднимаются вокруг лимана, готовые полосы, а среди них — лиман в пятьсот гектаров! Что за чудеса в решете? Пошли разговоры по селу. И слушай, что дальше было...

Председатель-то их все это на ус себе мотал, мотал, а потом в один прекрасный момент — раз! — и в сводку это дело записал: вот, мол, знай наших, за одну весну облесили пятьсот гектаров полей! Ну, и пошло! Видя такое дело, и председатель райисполкома, не будь дурак, раз — и в сводку! Ну, и пошло в область. А в районе, надо сказать, перед этим как раз с планом лесопосадок неважно было. И вот, слышим, из области ему поздравительная! Шутка ли: за одну весну облесить пятьсот гектаров! А колхозный председатель козырем ходит. Вот, мол, и мы не лыком шиты. Где там деминцам — это лесоводам, значит,— с нами равняться: они десять лет на это дело потратили, а мы за одну весну трах-бах — и в героях!..

По всему району разговоры пошли про тот колхоз. Но так никто и не знал, откуда этот лес взялся. Дошли слухи до опытной станции. Приезжают оттуда ученые. Разобрались и говорят: «Это с Костычевской дачи ветром семена ивняка занесло в лиман. Проросли в сырости и дали хорошие всходы». Действительно, неподалеку есть у нас такая Костычевская дача — оазис в степи, ивняка там много растет, еще покойный агроном Костычев, говорят, сам этот лесок заложил. Но не в этом дело. Слушай, что дальше было.

Ученые-то — народ смекалистый. Вот они походили, посмотрели и говорят: «Советуем на будущий год распахать этот лиман, поля здесь отвести под пшеницу, под овощи, кормовые культуры выращивать, фруктовый сад развести. Вот вам,— говорят,— гарантированный орошаемый участок в пятьсот гектаров, да еще под защитой лесных полос. Ведь это,— говорят,— золотое дно колхоза!» Посоветовали и уехали. Колхозники долго думали, а все же сделали по их совету. Председатель у них мужик боевой, где что доброе пронюхает, не упустит.

И что же ты думаешь? Колхоз клад за кладом стал выкапывать из этого лимана. Пшеница начала давать по тридцать пять центнеров с гектара, овощами завалились, от продажи прибыль пошла, появились свои фрукты и ягоды. И опять же кормов скоту сколько угодно — свежих да сочных, а раньше на одной дикой траве сидели. И пошли и пошли доходы. Обогатил их этот лиман. Через два года колхоз миллионером стал, а на третий — уже пять миллионов имел! Вот что значит лиман...

Кузнец подбросил в костер перекати-поле, пламя ярко осветило его повеселевшее лицо.

— Слушай, что теперь наш колхоз думает делать. И у нас ведь такие лиманы есть. Вот хотя бы рядом. На Заячий-то ветер иву послал,— пусть будет так, а вот на другие лиманы мы решили теперь сами эти семена занести. И не только иву. Тополь, клен, ясень, березу решили посеять. Летом поедем семена заготавливать. Представь, что тогда будет? Чудеса в решете! Ну, а если все колхозы, совхозы да МТС за это дело по-хозяйски возьмутся, что тогда будет?..

...Все заготовленное нами топливо сгорело, костер погас, и мы решили вздремнуть до зари. И пока я засыпал, мне все мерещился этот волшебный лиман.

Позднее рассказ о лимане я услышал из других уст. И всякий раз он обрастал все новыми подробностями. Так заволжская быль превратилась в легенду.

Опытная станция

Мы стояли на берегу лимана Пришиб-Могута, что в Быковском районе, Сталинградской области.

— Площадь — пять тысяч гектаров,— объяснял научный сотрудник Валуйской опытно-мелиоративной станции Александр Григорьевич Ларионов, посвятивший уже много лет изучению лиманов.— Море воды, хватило бы на целую зону МТС. Представьте себе, люди пользуются этим лиманом уже двести пятьдесят лет, но как? Выкашиваются лишь одичавшие угодья, и то не полностью. Да разве так должны были использовать драгоценную влагу жители засушливого края? — взволнованно говорил Ларионов.

Весной, когда начинают таять снега, на просторах Заволжья, Прикаспия, Западного Казахстана, Черных земель и в других степных районах можно наблюдать интересный процесс. В отличие от вешних горных потоков талые воды этих районов медленно, почти незаметно, тысячами маленьких ручейков собираются в пониженных местах, разливаясь вширь. В степи эти разливы достигают огромных размеров. На юго-востоке нашей страны пользуются известностью упомянутые Дмитрием Фурмановым в его «Чапаеве» знаменитые Чижинские разливы, занимающие иногда очень большую площадь. В отличие от прудов и озер лиманы обычно бывают очень мелки, их можно переходить вброд. Но если над созданием прудов нужно трудиться, то лиманы создаются самой природой. Пруд — это только пруд, только влага, а лиман — это сложный комплекс: тут и влага, и полевые угодья, и кор-

ма, и овощные плантации, и фруктовые сады. Лиман — золотое дно засушливых районов.

К тому времени, когда вода в лимане окончательно испарится, почва обильно пропитывается живительной влагой, и на этом месте буйно растут травы. Летом лиман представляет собой зеленый луг в побуревшей степи, осенью,— золотистую поляну, напоминающую издали пшеничную ниву; зимой его можно определить по ровной поверхности — как будто это запорошенный снегом каток. В более глубоких лиманах после снежных зим вода задерживается иногда до июля и августа.

На юго-востоке нашей страны много естественных лиманов. Пятьдесят лет существует Валуйская опытная станция, пятьдесят лет ее работники изучают лиманы. Только в Сталинградской, Саратовской, Астраханской и Западно-Казахстанской областях, по скромным подсчетам, естественные лиманы занимают площадь более одного миллиона гектаров. Но ведь во много раз больше можно иметь лиманов искусственных!

Опыты Валуйской станции показали, что на лиманных землях удаются все культуры, от твердой заволжской пшеницы до хлопчатника, плодовых, овощных, кормовых, древесных и трав. Хорошо заряженные влагой, лиманные земли обеспечивают устойчивые урожаи в самые засушливые годы.

— Лиманы рождают целую молодую науку — лимановедение,— развивал свою мысль Александр Григорьевич.— Дело в том, что нам не просто нужно использовать естественные лиманы. Надо научиться создавать их в еще больших размерах.

Мы отправились на поля совхоза «Водянский», название которого несколько странно звучит в засушливом Старо-Полтавском районе. Казалось, что новый лиман застрял на большом пологом косогоре и не может опуститься. Так оно и было на самом деле. Скопившиеся вешние воды удерживались длинным земляным валом. Ниже параллельно тянулся второй такой вал, за ним третий. Всего было семь валов.

— Последняя новинка лиманного орошения — семиярусный лиман,— объяснял Ларионов.— Этим вот как раз и достигается высокорациональное использование даровой влаги и лиманной площади. В чем тут дело? А вот в чем. В одноярусных естественных и искусственных лиманах, чтобы приступить к севу, накопленную воду приходится сбрасывать, и ею уже больше не воспользуешься. Это невыгодно. Здесь же мы регулируем сток воды, как плотиной на реке. Вот сейчас вода стоит на втором ярусе, а недавно она была на первом. Как только почва достаточно напитается влагой, мы спустим воду в третий ярус, а во втором начнутся полевые работы, и так далее. Таким образом расширяется площадь орошения и создаются благоприятные условия для развития культур, высеваемых в более поздние сроки, когда они уже совсем уходят из-под влияния засухи. Если же речь идет о лугопастбищных угодьях, то получается самый культурный летний «зеленый конвейер». В то время, когда на седьмом ярусе еще только появятся всходы свежей травы, на первом уже можно производить уборку трав или других кормовых культур. Если конвейер пастбищный, тоже хорошо. Пока, скажем, пасется скот на первом ярусе, подрастает свежая, сочная трава на втором, третьем... Вот что такое лиманы!

Совхоз на лиманах

Первый раз я побывал в совхозе «Парижская Коммуна» в сентябре прошлого года. Вокруг все было выжжено суховеем, а владения совхоза являли собой цветущий уголок. От центральной усадьбы в разные стороны, насколько хватал глаз, расстилались полевые и лугопастбищные угодья, овощные плантации и чернобархатные участки паров. И повсюду были видны уходящие до самого горизонта земляные валы, то поросшие травой, то темневшие свеженасыпанным грунтом. Валы задерживали талые воды и создавали систему лиманов.

Директора совхоза Ивана Степановича Колодежного я встретил на зеленевших сочным разнотравьем выпасах возле стада молочных коров. Похлопывая рукой по лоснящемуся, гладкому боку Пеструхи, он говорил:

— Налиманилась...

Чувство гордости за свое хозяйство выражалось этим новорожденным словом.

— Не то еще будет, когда мы вырастим здесь защитные полосы. Вон посмотрите,— директор показал на ближайший земляной вал, вдоль которого километров на девять уже протянулась лесная полоса,— это мать всех будущих наших полос: в ней мы собираем семена для питомника... Но знали бы вы, что тут делается весной! Все эти равнины бывают покрыты водой. А птицы, сколько здесь перелетной птицы! По ночам такой шум стоит — не выдерживаю: нет-нет, да и возьмусь за ружье...

Мы шли по участку «зеленого конвейера». Стоял сентябрь, а тут цвели цветы, начинался второй укос люцерны и житняка, воздух был свеж, и солнце, казалось, не так палило, как в это же время у соседей. Первые посевы кукурузы на распаханном лимане, видно было, прекрасно удались. На стеблях в полтора человеческих роста уже полностью сформировались и дозревали большие початки. Директор сказал, что урожай будет не менее ста центнеров зерна с гектара. Да вдобавок сколько зеленой массы на участке в пятьдесят гектаров!

— Представьте, это мы получаем в самое засушливое лето,— объяснял Иван Степанович.— Без прорывки и полива. Ну, а если лето будет хорошее? Все двести центнеров!..

Колодежный направился вдоль кукурузного поля и привел меня к огромной бахче, усыпанной крупными кормовыми арбузами. Словно откормленные поросята, лежали они на земле, подставляя солнцу ядреные свои бока. На плантации им стало тесно, и они то становились «на попа», то наваливались друг на друга, как будто были только что сгружены с автомашины.

— Знаете, сколько мы определили с гектара? — вопросительно посмотрел директор совхоза.— Без малого тысячу центнеров! Думаю соседей пригласить на уборку.

Такова была животворная сила окультуренного лимана.

Второй раз мне довелось побывать здесь весной этого года.

Хороша была осень в «Парижской Коммуне», но еще больше радости принесла совхозу весна. Правда, радость входила сюда необычно: ей предшествовал период тревоги, он тянулся с февраля и до самого мая. Зимой после неожиданных затяжных дождей набухла и вспенилась степная речка Тургун. Плотина еле сдерживала напор воды. В совхозе объявили тревогу, все люди вышли на укрепление дамб. Работали и днем и ночью, несколько суток подряд. Воду задержали в главном резервуаре, отсюда она самотеком разливалась по равнинным днищам многочисленных, обнесенных валами лиманов.

Три тысячи гектаров лиманных участков, гарантированных от засухи, были засеяны кукурузой, яровой пшеницей, просом, картофелем, бахчевыми и овощными культурами. Теперь посеяли кукурузы в двадцать пять раз больше — 1 200 гектаров. А на ранее осушенных участках во второй половине мая уже выметала колос посеянная на зеленый корм скоту густая рожь, ярко зеленели гигантские ковры житняка и люцерны, на сенокосах и естественных выпасах, занимающих площадь более восьми тысяч гектаров, цвели буйно поднимавшиеся сочные травы...

И вот наступила горячая уборочная пора. С лиманных земель совхоза опять идут радостные вести: люди, проникшие в тайну лиманов, угадавшие их чудесную силу, снимают урожай.

На пастбище совхоза «Парижская Коммуна». Доярка Жармуханбетова принесла своему брату пастуху Жумадину свежую газету.

Фото К. Барыкина

Геолог

Александр ОЙСЛЕНДЕР

Словно книгу, он вчера читал,
На ночь положив у изголовья,
Эту землю, а сегодня встал
И о ней слагает послесловье,

Чтобы знали люди, где искать
Солнечные клады по Сибири.
Не беда, что нелегко таскать
Рюкзаки,
Тяжелые, как гири.

Каждый камень
На его пути,
Каждая терраса боровая —
Только вехи, где должна пройти
Вслед за ним разведка буровая.

Вымокнув до нитки, у костра
Он ухою греется и, туго
Нахлобучив шапку, до утра
Крепко спит, покуда спит округа.
В тихом Томске у него сестра,
А в Тюмени верная подруга...

Говорят, что в Тазовской губе
С нетерпеньем ждет его
начальник...
Но сегодня
В низенькой избе
Юная хозяйка греет чайник.
Только завтра
Будет самолет,
И, забрав посылку в Салехарде,
Завтра же
Товарищ мой сойдет
В пункте, не отмеченном на карте.

С другом, если встретится с
бедой,
Коркою поделится последней
И живой поделится водой
Мой товарищ
Двадцатитрехлетний.

Пусть в Батуми желтая луна
Дынею висит, а в Коктебеле,
Набегая на берег, волна
Чуть качает, словно в колыбели.
Если бы сказали:
— Выбирай...
Все равно он предпочел бы север.
Так он молод, этот старый край,
Где впервые сеют южный клевер!

В. А. Фербер. Ялта. Водовозная улица.

В. А. Фербер. Ялта, порт. «Россия»

В. А. Фербер. Бахчисарай.

ХОДОКИ

Из романа «Таврида»

Евгений ПОПОВКИН

Рисунки П. Пинкисевича.

Крым встретил ходоков из села Копаны унылым дождем, холодом.

Ефрем Гаркуша выбрался из вагона первым. Щуря в улыбке глаза с покрасневшими от бессонной ночи белками, он шутливо поддел колхозного представителя:

— Что ж это, Спиридон Аверьянович! В дороге хвалился, мол, приедем в Крым, и солнце обеспечу и тепло!..

— Это тут слякоть, а там...— Овсянкин сделал неопределенный жест,— там, должно быть, еще тепло...

Медленно плыли, косматясь, низкие облака, под сапогами хлюпала вода, грязная привокзальная площадь, заваленная бочками с цементом, грудами ракушечника, досками, выглядела неуютно.

— Оце и есть та самая жемчужина?— разочарованно протянул дед Мокрозуб, скептически покашливая и озираясь по сторонам.

— Подождите, диду, со своей жемчужиной,— отмахнулся Гаркуша.

С трудно скрываемым волнением смотрел он на толпы пассажиров, на строящееся здание нового вокзала. Снова на крымской земле, с которой у бывшего моряка связывалось так много и радостных и горьких воспоминаний!

— Побудьте момент здесь,— бодро сказал Овсянкин, кладя свой баул на вещи копанских ходоков.— Машину нашу поищу.

— А вдруг не пришла?.. Нам до вашего Яблоневого далеко ехать?— осведомился Гаркуша.

Овсянкин обиделся:

— Как так не пришла! Я специально телеграмму давал.

Он исчез, долго не появлялся и вернулся омраченным. Дряблые щеки его сердито обвисли.

— Придется на попутных добираться...

— Беда невелика,— великодушно сказал Гаркуша.

До окраины города, где, как заверил Овсянкин, «машины мотаются одна за другой», доехали трамваем.

Автомашины и впрямь мчались часто, но сколько Овсянкин ни поднимал руку, как ни ухищрялся, грузовики проносились мимо.

Дождь моросил не переставая, и дед Мокрозуб, которого уже плохо грела кровь, язвительно цедил:

— Ну, спасибо... По-хозяйски встрели.— Он зябко запахнул полы намокшей грубошерстной поддевки и обидчиво добавил: — Можем и на другой колхоз настроиться... Нам пути не заказаны... Как, Ефрем Иванович?

— Да что мы будем падать духом!— беспечно воскликнул Гаркуша.— Сейчас поедем!— Он шагнул на середину шоссе, решительно остановил первую же машину и, вскочив на подножку, вступил в переговоры с водителем. Спустя минуту покровительственно сказал нахохленным деду и Овсянкину:— Садитесь, товарищи делегаты!

Ехали в кузове, примостившись на бочках, едко пахнущих керосином, распялив над головами отяжелевший брезентовый дождевик.

Дед Мокрозуб то и дело отгибал его, ворочал головой по сторонам. Задернутые редкой пеленой дождя, едва заметно маячили на горизонте горы, в долинах клубился туман. Дед смотрел на посевы, на строения под черепицей, на одинокие кусты шиповника вдоль извилистой крымской дороги.

Эх, дороги! Разные дороги топтали натруженные ноги Прокопа Мокрозуба. И выжженные зноем шляхи Херсонщины, и крутые тропы в Карпатских горах, и пыльные проселки от одной панской экономии до другой... А сейчас, на склоне лет, едет Прокоп не к пану, не к помещику, а к таким же трудовым людям, как и сам...

Деду хотелось поделиться своими мыслями с Гаркушей, но тот стал дремать, едва город остался позади.

Километрах в шести от Симферополя Овсянкин вдруг заметил промчавшуюся мимо полуторатонку своего колхоза. Он пронзительно свистнул и забарабанил по крыше кабины.

Полуторка вильнула к кювету и останови-[illegible]

— Слезайте, товарищи,— кивнул своим спутникам Овсянкин, спрыгивая на землю.

Из кабины встречной машины неторопливо выбрался румяный белобрысый мужчина в кожанке. Узнав Овсянкина, он в замешательстве потоптался возле машины (кузов ее был полон женщин с кошелками, бидонами, чувалами), постучал зачем-то носком сапога о передний скат.

Овсянкин набросился на него коршуном.

— Ты сознаешь в себе ответственность?!— яростно шептал он.— Га?! К ночи только выбрался!.. Не стыдно тебе перед чужими людьми?!— уже повысил он голос.

Шофер в кожанке придал своему румяному лицу лениво-равнодушное выражение.

— А вам перед людьми не стыдно?— мигая белыми ресницами, с притворной и нагловатой ласковостью возражал он.— Сколько разов я про задний мост долбил?

— Ты, Федор, эти свои штучки брось!— желчно оборвал Овсянкин.— Ишь ты, вспомнил задний мост!

Гаркуша и дед Мокрозуб слушали перепалку молча, и шофер, исподлобья оглядев их, с развязным видом представился:

— Федор Андреевич Борзило... Колхозный механик.

— Разворачивайся!— глухим от раздражения голосом приказал Овсянкин.

— А как же?..

— Что как же?!

— Председатель приказал в Симферополе мешки получить.— Борзило угрюмо покосился на пассажирок в кузове.— И куда я людей дену?

— Разворачивайся! Не понимаешь, что ли? «Мешки-и»! Вижу я твои мешки!

Борзило презрительно шевельнул белесыми бровями.

— Один — одно, другой — другое...— проворчал он громко, для всех, и с деланной веселостью объявил:— Выгружайтесь, дамочки!.. Пересадка...

«Дамочки» явно базарного вида сидели с непроницаемыми лицами, словно приглашение относилось не к ним.

Борзило безразлично сплюнул сквозь зубы.

— Ладно, мамочки,— с протяжной зевотцой пригрозил он.— Повезу обратно.

— Куда мы с вузлами будем выгружаться?— визгливо запротестовала тучная женщина с большим ноздреватым носом и бурыми надутыми щеками.

— Какого лешего брал!

— Сидите, бабы,— подстрекали друг дружку пассажирки. Но, увидев, что шофер разворачивается, всполошились и стали вылезать из кузова. Толстуха с бурыми щеками зацепилась промасленной шубой за крючок от борта и, болтая огромными жирными ногами в красных шерстяных чулках, вопила: «Да божже ж мой, да тетеньки ж!»

Гаркуша, посмеиваясь, помог ей освободиться от крючка, с живым любопытством слушал, как пассажирки, гремя ведрами и бидонами, честили Овсянкина и водителя.

— Паралйк забрал ба тебя! — потрясая в сторону Борзило кулаками, кричала толстуха.— Стерва рыжая!..

— Такого у нас, в Копанах, и в престольный праздник на улице не услышишь,— ухмыльнулся Гаркуша, подмигивая Мокрозубу.— А, диду?

— Полезайте в кабину,— хладнокровно пригласил Овсянкин Прокопа Никитовича.

* * *

Председатель колхоза Лискун сидел за столом в еще неоштукатуренной сырой комнате и толковал с какими-то людьми в дорожных балахонах.

— Встречайте ходоков, Григорий Павлович,— доложил Овсянкин, переступив порог и пропуская вперед Гаркушу и деда Мокрозуба.

— Вижу...

Лискун рассеянно повел глазами в сторону вновь прибывших и, не догадавшись пригласить их сесть, продолжал разговор.

Гаркуша внимательно посмотрел на него, подумал: «А дядя не шибко вежливый». Он придвинул себе и деду табуретки, нарочито громко, слегка порозовев в широких скулах, сказал:

— Садитесь, Прокоп Микитович! Ноги у вас не такие уж молодые...

— Заготовители,— кивнув на людей в дорожных балахонах, пояснил Овсянкин и примостился с виноватой улыбкой рядом.

Гаркуша искоса наблюдал за Лискуном: тот был тучен, ему мешал живот, председатель сидел, широко раскинув под столом ноги, тяжело посапывал. Лицо его, с крупными рыхлыми чертами, было сосредоточенно угрюмо; слушал он своих собеседников, устало прикрыв красноватыми веками глаза, и лишь большие, поросшие седой щетиной кисти рук вяло двигались, бесцельно перебирая бумаги, перекладывая с места на место карандаши, металлические скрепки, зеленые желуди, невесть как попавшие на председательский стол.

«Колхоз, говорят,— миллионер, а председатель, как тот мирошник с поганого млына»,— осуждающе подумал Гаркуша, оглядывая неопрятную одежду Лискуна, небритое лицо его.

Разговор продолжался долго и, судя по унылому виду заготовителей, мало для них успешно. Потом Лискун и вовсе перестал интересоваться собеседниками и, повернув толстую, в багровых складках шею, посмотрел из-под сросшихся, уже полуседых бровей на копанских гостей.

— Добрались?— меланхолично спросил он.

Гаркуша придвинулся вместе с табуреткой к столу, общительно протянул председателю раскрытый портсигар.

— Не курю!— Лискун побарабанил пальцами по столу.— Так-то,— бросил он шептавшимся заготовителям.— Поезжайте, подумайте. Иначе не будет дела.

— Это ж нам зарез, Григорий Павлович,— жалобно пробурчал полнотелый мужчина с розовой лысиной на темени и рыжеватой бородкой клинышком.

— Так — не так, а перетакивать не будем,— непримиримо заключил Лискун и снова повернулся к копанчанам.— Отдыхать будете?.. Или... Какое настроение?

— Мы в полном боевом,— не колеблясь, ответил Гаркуша.— Отдыхать нам пока не с [illegible]

Овсянкин, склонившись над председателем, шепнул:

— Пускай люди сперва пообедают.

— Не учи! Без тебя знаю.— Лискун сгреб со стола бумаги, сунул их в ящик и выглянул в окно.— Как там, нету дождя?

— Распогоживается,— ответил Овсянкин.

— Вызывали, Григорий Павлович?— голосисто спросила от дверей чернобровая молодица в защитном ватнике.

— Я занят!— не поворачивая головы, отрезал Лискун.— Не видишь разве?

— А я с гулянки, чи как? — сердито спросила молодица.— Я тоже с работы. Конь у меня стоит.

— Подождешь... От! Никакой культуры у вас!— Лискун поднялся, взял в углу сучковатую палку, отрывисто сказал Гаркуше и деду Мокрозубу:— Пошли!.. Кой–что поглядите, а тем временем вам закусить сготовят.

Яблоневский председатель двигался по улице шаркающими мелкими шажками, выбрасывая вперед палку и сипло отдуваясь. Выгоревшее и сильно поношенное пальто его не сходилось на животе, половина пуговиц отсутствовала, но все это ничуть не смущало председателя.

Гаркуша и Мокрозуб со слов Овсянкина знали: яблоневский колхоз, куда приглашали переселяться копанчан, далеко не из бедных; здесь кроме того, что сеют пшеницу, ячмень, кормовые травы, имеют еще плантации табака, виноградники, сады, разводят какие-то особые породы свиней, птиц, собираются поливать из вырытых недавно прудов огороды.

Теперь копанские ходоки могли увидать все своими глазами. Соблюдая степенность, не давая пока никаких оценок, они неторопливо шагали за председателем.

«Ефрему абы Крым да море,— озабоченно размышлял дед Мокрозуб.— А меня не объедешь,— предупреждал он мысленно кого-то,— повидал на своем веку всего!»

Но чем дальше, тем все больше убеждались ходоки, что хозяйство в колхозе «Путь Ильича» было действительно богатое и, главное, здесь не испытывали нужды в воде.

Лискун для начала показал вместительные зернохранилища из ракушечника, строящийся большой коровник и гараж с мастерской при нем, затем, не без тайного умысла, повел гостей к пруду.

— Как, извиняюсь, у вас с кормами для худобы?— спросил по дороге Гаркуша.

— У соседей пока не позычаю,— кратко откликнулся Лискун.

Он вообще отвечал на расспросы односложно и неохотно, на самоуверенном лице его словно было написано: «Где вам еще доводилось такое видеть!»

А Прокоп Никитович, раскрасневшись от ходьбы, взбудораженный обилием впечатлений, нетерпеливо задавал вопрос за вопросом, присматривался ко всему старательно и придирчиво.

— Ну и осторожного ходока Овсянкин привез,— заметил, снисходительно улыбаясь, Лискун.— У меня такой свиновод есть, Быркин...

— Да ведь, знаете, очи да мера, то прямая вера,— с хитрецой поглядывая на председателя, откликнулся Прокоп Никитович.

— Свой глаз — алмаз, чужой — стекло,— благосклонно согласился Лискун.

За крайним в переулке двором с веселеньким, видимо, накануне лишь выкрашенным в голубую краску забором они свернули к балке, и тут дед крякнул от неожиданности. Перед ними поблескивала водная ширь, в которой отражались высокая плотина из дикого серого камня и пышные даже в осеннем уборе вербы, тополи.

Гаркуша и Прокоп Никитович, любуясь, молча смотрели на воду, на табуны гусей и уток, накатанную до блеска дорогу по гребле.

— Это как?— спросил дед с таким неподдельным и горячим интересом, который мог быть понятен только крестьянину, знающему, что такое безводье.— Ставок этот колхозу надлежит?.. Или... по казенному ведомству?

— Колхозники выкопали.

— Не соленая водичка?

— Это ж, диду, с гор бежит,— пояснил Гаркуша и поинтересовался:— Водопровод провести нету думки у вас?

— Проведу!

— Хорошее дело!— Гаркуша несколько раз затянулся папироской.

— Прудов, объясните, будьте добры, у вас... не только этот?

Лискун сердито вздохнул.

— Как пруд, так суд, как два пруда — два суда,— пробурчал он.

— Что так?

— Водострой у нас такой, мать его за ногу. Из двух ставков вода вытекла...

Неожиданно проглянуло из-за поредевших туч солнце, и, как это бывает только на юге, сразу стало почти по-летнему тепло.

Гаркуша расстегнул бушлат.

— Вот кому хорошо,— кивнул он в сторону мальчишек со школьными сумками, возившихся невдалеке от воды. Мальчуганы норовили натереть друг другу шеи обжигающими семенами шиповника, приговаривая: «Сам бог терпел и тебе велел»,— швырялись яростно извивающимся ужом, барахтались, визжали, потом, заметив председателя и чужих людей с ним, зашептались.

Краснощекий курносый парнишка с хохолком, торчащим из-под кепчонки, свернутой козырьком набок, уставился озорными глазами на синюю форменку Гаркуши с орденской планкой.

— Полу-ундра!— пропищал он, гримасничая; ребятишки засмеялись.— Моря-як без лайбы!..— крикнул польщенный смехом парнишка еще громче.

Гаркуша состроил свирепое лицо и устрашающе шагнул в сторону ватаги. Мальчишки с веселым гамом устремились куда-то вдоль истолченного копытами берега.

Прокоп Никитович, цепляясь руками за кусты, проворно спустился к воде, зачерпнул пригоршню и отхлебнул.

— Сла-адкая,— одобрил он, почмокивая губами и вытирая руки о полу поддевки.— На питье отсюда берут?

— Зачем?— благодушно откликнулся Лискун.— Из фонтанов. Отсюда для скотины беру и на полив... Рыбка водится. За раками по воскресеньям ко мне аж из города наезжают... Ну, да это ладно... Пойдем дальше.

Похвастать своим колхозом было слабостью Лискуна, и он заметно оживился, стал более разговорчивым.

— Вы вот послушайте, какими свинками я разжился,— сказал он, щурясь на освободившееся от облаков солнце.— Хряк у меня есть. «Цыган». Карпатской породы. Без малого пятьсот кило тянет.

— Это как, в своей личной собственности имеете?— спросил Гаркуша. Его стало раздражать, что Лискун все время твердит: «у меня», «мой», «я».

— На ферме... Погнали его с другими свиньями в горы, на желуди... А на другой день снег выпал. Чуть не по колени. Свиньи пригорюнились, а «Цыган» давай кататься по снегу, фокусы выделывать...

Лискун, вдруг глянув в сторону кое-как сколоченного балаганчика с вывеской «Магазин», умолк. Возле балаганчика стояла одноконная повозка, толпилось человек десять колхозников.

— Что за сборище в рабочее время?! — привычно начальственным тоном окликнул Лискун.— Делать нечего?! Ну-ка!.. Брянов... Ты что, друг? За косушкой?..

— Да я вот с Мотей воюю,— откликнулся Брянов, бригадир табачной бригады.

Ему что-то ответил возмущенный женский голос, и в тот же миг на повозку вскочила чернобровая молодица в защитном ватнике,

та, которую Гаркуша и дед видели недавно в правлении. Она стегнула по лошади кнутом и, еле удержавшись на ногах от рывка, подкатила к председателю.

— Нехай он сгорит, ваш табак!— запальчиво крикнула она, свирепо осаживая коня.— Чтоб их, ваших работников, хвороба поломала!

Лискун предостерегающе поднял руку:

— Тчш! В чем дело?

— Язык у меня купленный, чи как! — бушевала молодица.— Было б у меня десять рук, лучше б сама все сделала!.. Такое от окаянных наслухаешься, чтоб им трижды переколеть, лихоманка их забери!

— Лопочешь, лопочешь, сам бес тебя не разберет, о чем,— с досадой прервал ее Лискун.

— Да ты, Мотя, поспокойнее,— послышался сзади укоризненный женский голос.

— Не могу я спокойно, Ольга Ивановна,— несколько смягчившись, проговорила Мотя.— Привозишь на подворье табак, а дочка этого Костогляда: «Я не колхозница, не везите!» Чуть не по-матерному, короста липучая... На кой мне это надо?!

— Ну, тебя навряд кто перегавкает,— усомнился Лискун.

— ...Борзилиха, федькина жинка, та только-только что не в волосья вцепилась... А что б на вас чертяки ездили, байбаки проклятые!.. Интеллигенция сопливая!.. Скинешь табак... (Мотя пырскнула и продолжала уже вздрагивающим от сдерживаемого смеха голосом) и скорей ходу, чтоб не догнали. Нехай потом отвечают.

— Тебя на развозку и поставили как самую громкую,— сказал Лискун, кисло усмехнувшись.

— Последний день вожу, как вы там хотите! — спохватилась Мотя, стараясь вернуть себе сердитый тон.

— Мы с тобой завтра вместе по дворам поедем, если ты такая пугливая,— посмеиваясь, пообещала Ольга Ивановна, рослая женщина в пуховом кофейного цвета платке и в синем полупальто.

— Да я им, супостатинам, дармоедам сидячим, сама перекрут сделаю,— пообещала Мотя, сверкнув серыми глазами. Она смахнула с поснящегося смуглого лица пот, лихо дернула вожжами: — Но-о, Ромео! Распустил ухи, слушает!..

— Поняли, как табачок достается?— вздохнул Лискун.— Под ногами золото, а довести его до порядка рук не хватает. Курортников много развелось... Я им по дворам решил развозить. Пускай свою норму делают...

— Сразу видно казачью повадку,— сказала Ольга Ивановна, провожая взглядом повозку и ловко и уверенно стоящую на ней молодицу. Не оборачиваясь к Лискуну, сухо добавила: — При гостях неудобно, я тебе, Григорий Павлович, выложила бы, как эту практику считать... Табак возить по дворам...

— А куда я его, у дидька лысого, дену?— угрюмо спросил Лискун.— Сам низать буду?

— Так у соседей же табака не меньше... Во Фруктовом... А управляются.

Лискун сердито дернулся, но сказал сдержанно:

— А людей у них сколько?! Богатый ест котлеты да фрикассе, а бедный гуляет по шоссе... Эту присказку не приходилось слышать?.. Нам с ними не равняться...

— Догадался б познакомить с людьми,— прервала его женщина.— Вот же до чего невежливые мужчины пошли!

Лискун сделал какое-то движение, похожее на кивок головы, и отрекомендовал:

— Председатель нашего сельсовета. Товарищ Солодкая... Она же колхозный парторг.

— По фамилии определяю, землячка,— оживляясь, заметил Гаркуша.

Ольга Ивановна улыбнулась одними губами, румяными и тугими.

— Может, и землячка. С Херсонщины.

— Далековато, правда, от наших Копанов... Ну, все равно земляки,— сказал Гаркуша.

В первое мгновение Солодкая показалась ему чересчур полной, даже дородной и поэтому немолодой. А сейчас, приглядываясь, Гаркуша увидел, что нет ей и тридцати, движения ее были по-девичьи легкими, зеленовато-серые быстрые глаза на загорелом лице блестели живо и усмешливо. Рослая и пышногрудая, с каштановыми, медного отлива волосами, выбившимися из-под платка, она чем-то отдаленно напоминала Гаркуше знакомую медсестру из севастопольского подземного госпиталя, где лежал он в сорок втором году.

— Как вам наше Яблоневое? — с любопытством справилась Солодкая, переводя взгляд то на одного, то на другого ходока.

Прокоп Никитович пробормотал что-то и отвел глаза.

— Колхоз у нас богатый, да порядка мало,— сказала Солодкая.— Верно, Григорий Павлович?

Лискун только пожевал губами. У него были какие-то свои счеты с парторгом, и он предпочел отмолчаться. Но Солодкая была, видимо, не из таких, которые легко уступают.

— Не хотелось бы перед чужими людьми разговор этот начинать... А приходится,— отрывисто сказала она.— Терпение лопнуло.

— Это про детясли? — хмуро спросил Лискун.

— Я оттуда сейчас. Сколько можно водить за нос?! Ничего же не делается!

— На коровнике плотники нужны.

— Зачем же обещать? Авторитет свой перед народом терять... Послушаешь, как о правлении говорят, сгоришь со стыда.

— «Говорят», «Авторитет»! — Лискун сумрачно усмехнулся.— Мне, Ольга Ивановна, если до каждой реплики прислухаться, ого-го!.. Я вон вчера грех на свою совесть взял. Жинку свою побил... Правда истинная, побил... Узнал, что она сено колхозное в потемках для своей коровы взяла... Прихожу домой — и в ухо. «Ты что!» — кричит. «А то самое,— отвечаю,— такая это моя агитация... В колхозе осточертело о сене говорить, так еще дома...»

— Нашел чем хвалиться,— удивилась Солодкая.

— Сена пока никому ни шматка не дам! — решительно сказал Лискун и спросил ходоков: — В табачную бригаду, может, желаете заглянуть? Тут минут пятнадцать ходу...

— А гости наши обедали? — озабоченно справилась Солодкая.

— Там тетка Кравчиха стряпает,— ответил Лискун.

— Ладно, перетерпим,— сказал со вздохом Прокоп Никитович.— Заодно и повечеряем.

Гаркуша неприметно прыснул, но от Солодкой это не ускользнуло, тонкие брови ее сошлись у переносицы. Скрывая досаду за шуткой, она сказала:

— Придется председателю вечером на винцо разориться. А то еще подумают, что в Крыму привечать не умеют. Вино в колхозе наловчились доброе давить.

— Вечер свое покажет,— откликнулся деловито Мокрозуб.— А зараз давайте времени не терять...

Гаркуша, чуть отстав от Лискуна и Прокопа Никитовича, шагал рядом с Солодкой.

— Дедок председателя вашего быстро в пот вгонит,— сказал он, видя, что Лискун тяжело и сипло дышит, стараясь поспеть за легким в ходьбе стариком.— Недаром его у нас «бегунком» кличут.

— Председателю нашему полезно жирок порастрясти,— сказала Солодкая без улыбки.

* * *

Гаркуша вышагивал своей размашистой походкой, рассматривая вытянувшиеся по обе стороны широкой улицы новые домики.

Вокруг построек не было еще ни деревьев, ни заборов: поселок выглядел необжитым и неуютным. И даже бывалому, видавшему виды Гаркуше стало вдруг жалко расставаться с копанскими хатами, жалко стало старых вишневых садов, узких проулочков с увитыми голубым вьюнком плетнями, со скрипучими колодезными журавлями, такими привычными с детства!

«Переедет сюда какая-нибудь бабка с Полтавщины или Сумщины,— думал Гаркуша,— так она ж удавится с тоски!»

— Переселенцы, случаем, не тикают отсюда домой? — спросил он Солодкую.

— Есть такие, что и тикают,— откликнулась она с неожиданным безразличием.

— Летуны бегут,— сказал, оглянувшись, Лискун.— Те, что за длинным рублем по всему свету летают...

На улице, по которой они шли, и на соседней клали фундаменты новых строений, стояли уже готовые коробки домиков без кровли: около них возились люди, шуршали рубанки, визжали пилы, стучали молотки.

— Это кому же строят? — полюбопытствовал Гаркуша.

— Если переедете, то и вам особнячок будет готов,— бросил, снова обернувшись, Лискун.

— Толково!

— Забирайте свою жинку, детишек, тещу,— сказала Солодкая,— мы вас встретим, как родичей.

Гаркуша прижмурил в ухмылке глаза.

— Моей теще много надо... Зятем нужно разжиться.

Солодкая, разглядывавшая что-то в одном из дворов, не слышала его слов. Гаркуша, пройдя несколько шагов, спросил:

— Давно в сельсовете председателем?.. Ольга...

— Ивановна! С сорок шестого.

— Я тоже Иванович... Родичи... В паспорте вашем годков тридцать записано? Не ошибся?

— Года мои короткие, а жизнь длинная.— Солодкая вздохнула.

— Семья большая?

— Один сынишка.

— Мужа не считаете?

Солодкая скользнула взглядом по широкоскулому, с короткими рыжеватыми усиками лицу Гаркуши.

— К чему эта анкета?

— Вижу, нету мужа.

— А где его достать? — сказала Солодкая, заставив себя улыбнуться.— По нарядам не выдают... И давайте-ка эти разговоры оставим! — добавила она холодно.

Что-то горькое было в голосе молодой женщины, и Ефрем Гаркуша смешался. Солодкая, спохватившись, что обошлась с гостем чересчур жестко, поправила дело шуткой:

— Вот, скáжете: зацепил на свою голову... Сварливую...

Когда подходили к сараям табачной бригады, она пытливо взглянула на своего спутника.

— Что-то, чувствую, сватам наше Яблоневое не очень по душе?

— Из чего это видно?

— Тут же после немцев хотя бы кирпичина целая осталась! — объяснила Солодкая.— Одни пожарища да руины...

— Наладится! — успокоил ее Гаркуша

А сам думал: «Если бы Мария не пошла за другого, он без колебаний поселился бы с ней в любом, самом глухом углу...»

Под просторным навесом, где женщины низали листья табака, тишину нарушал лишь

неуверенный голос девочки-подростка. Запинаясь, она вслух читала:

— «...Ленивым движением, полным любовной истомы, протянула она прекрасную бледную руку барону, и тот прильнул к ней долгим поцелуем...»

— Что ты, Валя, читаешь тут?! — вздрагивающим от смеха, смущенным голосом спросила Солодкая, отбирая у девочки книжку.— Барона какого-то бог знает где выкопала... Не нашла ничего лучшего?

— Она интересная,— пробормотала девочка, украдкой косясь на незнакомых людей.— Это этот... Мопассан...

— И оце все тютюн! — изумился дед Мокрозуб, застыв перед пряными ворохами пожелтевших листьев.

— А вы на сушильной площадке не были еще? — спросил бригадир Брянов.— Здесь что! Остатки подбираем...

Высокий, угловатый, в расстегнутом коричневом пиджаке и широких, по-цыгански заправленных в сапоги черных штанах, Брянов держался свободно и независимо; легко было заметить, что и к Лискуну относился он с небрежной снисходительностью.

Женщины, сидевшие на ящиках или на разостланных по полу мешках, с любопытством прислушивались к разговору.

— В прошлом году за одни табаки получили девятьсот тысяч,— сказал Лискун. Он обращался к ходокам, но говорил громко, чтоб слышали все.— А в нынешнем мечтаем миллиончика полтора взять, не меньше.

— Оправдывает! — восхищенно подытожил дед Мокрозуб. Напялив на нос очки и уставившись в испещренную цифрами фанерную доску, он что-то молча прикидывал, подсчитывал.

— А у вас такое добро не сеют? — поинтересовался Брянов, косясь на форменку и орденскую планку Гаркуши.

— На огородах. По десяточку кустиков, себе на курево,— сказал тот.— Самосад шестнадцатого сорта: «Всё вместе, а табачок пополам».

Сидевшая у двери пожилая женщина в ситцевом перединке, наброшенном на пальто, журчащим голосом проговорила, не прерывая работы:

— Хотите, серчайте, Григорий Павлович, хотите, нет, а я сейчас наведу критику на ваши порядки...

Лискун исподлобья посмотрел на нее, сказал неприязненно:

— На собраниях у тебя и клещами слова не вытянешь. А когда не к месту, ты сходки затеваешь.

— Сколько раз обещали низальщикам столы и скамейки поделать,— продолжала женщина, не обратив внимания на реплику.— С зорьки до зорьки спину гнешь...

— Мы тут все время возле табаков, а дома и вытопить нечем,— поддержали ее женщины.

— Мало вам сушняка в лесу? — спросил Лискун, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

— Руками его не натаскаешь.

— Подводы у бригадира не допросишься,— добавила старуха с большой коричневой бородавкой на кончике носа.

— Нашему бригадиру, если дашь ведерко картошки, тогда будет подвода! — крикнула маленькая шустрая молодица в оранжевом платке.

— А ну, не орите! — сердито сказал Лискун.— Брянов, ты почему не даешь людям подводу?

— А где ее взять? — сухо ответил бригадир.— Нету!

— Найти надо.

— Никто не потерял. Нету.

— Вот всегда так,— громко возмутилась старуха с бородавкой.— Начальники спорят, а мы в холоде сидим.

— Рассказать Василию Ивановичу про вашу бюрократизму,— едко проговорила молодица в оранжевом платке.— С кормами добились до последнего...

— Нехай жены начальничков тоже работают! — выкрикнул злой высокий голос.— А то много барынь развелось.

— Наступите ей там на язык! — медленно багровея, простонал Лискун.— До вас гости с Украины... А вы свою необразованность показываете. Стыда у вас нету.

— Зато жены у нашего начальства крепко образованные,— отпарировала молодица.— Сидят в холодочке с докторскими справками.

Лискун уставился на нее колючим, ничего доброго не предвещавшим взглядом, но проговорил тихо, почти ласково:

— Это ты, Дуся, в мой огород?

Молодица промолчала.

— Не знаешь разве, чем жена болеет? — повысив голос, спросил Лискун.— Зачем болтаешь?

— А у Борзилы Федьки... его прынцесса? У шофера... тоже больная? — насмешливо задала вопрос молодица.— Или бухгалтерова женушка?.. У нее хворь от чего?.. С третьей буханкой за обедом не совладает?

Шептавшаяся в сторонке с бригадиром Солодкая прислушалась к разговору, укоризненно сказала:

— К чему ты, дуся, завела все это? Жена у Григория Павловича в самом деле хворает.

Под навесом на мгновение наступила тишина. Потом шустрая молодица проговорила извиняющимся тоном:

— Руготню не во-время затеяли, это верно... Но ты, Ольга Ивановна, сама понимаешь, как хозяйкам без топлива сидеть. И сготовить надо, и дети простужаются.

— Да хай вам лихо! — подавляя раздражение, сказал Лискун.— На этой неделе всем завезу топливо...

Ефрем Гаркуша наблюдал за происходившим молча. Нет, не нравился ему яблоневский председатель! И лицо его, все время выражавшее холодную неприступность, и манера отвечать на приветствия людей еле заметным, пренебрежительным кивком не могли вызвать к нему расположения.

Спустя полчаса, когда Лискун повел ходоков дальше осматривать фруктовые сады, Гаркуша придержал Солодкую за рукав, шагая с ней рядом, вполголоса заговорил:

— У нас, в Копанах, колхозным головой Мазуренко... Грубиян из грубиянов... А и тот к народу ку-уда душевнее!

— Наш Григорий Павлович — хозяин неплохой,— возразила Солодкая, замявшись.— За два года он колхоз из прорыва вытянул. До него в долгах были, как в репьях.

— Для хорошего руководителя это еще не все,— упрямо произнес Гаркуша.

— Может быть... Не получается у нас так с председателем, чтоб кругом был хороший...

— Добре, что он у вас хоть увертливый,— сказал насмешливо Гаркуша.— Видел я, как сегодня перед молодицами извивался... Словно уж под вилами.

— Что верно, то верно,— согласилась Солодкая, посмеиваясь.— Этот всегда выкрутится.— Она заглянула в лицо Ефрема заискрившимися, веселыми глазами.— Наши бабоньки было сговорились совсем его в отставку списать... На отчетно-выборном собрании. «Не будем голосовать за него, и конец!» Дуся Подгорная, это которая насчет жен сегодня шум поднимала, даром, что никогда раньше не выступала, а на выборах взяла слово. «Даю,— говорит,— нашему председателю отвод... Он на одной точке жизни застрял. И сам не двигается вперед и людям ходу не дает... Как в той песне: «Каким ты был, таким остался!» Собрание хлопает, все смеются... Потом в конце, после прений, встает Григорий Павлович и заявляет: «Тут песню ко мне прилаживали... Я не против... Каким я был еще в начале коллективизации, когда куркулям головы сворачивал, таким и остался... Но из песни,— говорит,— слов не выбрасывают... Чего ж ты, Евдокия Степановна, промолчала, как дальше-то поется? А поется, мол, так:

Каким ты был, таким остался:
Орел степной, казак лихой!

...Понятно? Так что,— говорит,— не прогадайте! Не сменяйте орла степного на квочку или на петушка горластого».

— Ишь ты!

— Ему еще больше, чем Дусе, хлопали. Понравилось людям, что не растерялся...

Дед Мокрозуб и Лискун ушли далеко впе-

ред и, поджидая их возле сада, о чем-то переговаривались.

Сад в колхозе был огромный, со старыми и молодыми яблонями, превосходными, невиданными дедом грушами, целыми рощами маслин и ореха, с привольно раскинувшимся виноградником, и главное, этот сад можно было расширять и дальше, по неглубокой, пустующей ложбине.

Ходоков угостили виноградом, который еще убирали, и Прокоп Никитович, уже не скрывая обуревающих его чувств, восхищенно воскликнул:

— Тут скучать нету времени! Тут... эх!

Распахнув полы поддевки, он оглядывал дальнозоркими глазами раскинувшиеся по взгорью кустарники, перекопанные картофельные делянки, обширные полосы залежной земли с выгоревшим за лето дерном.

— Тот гаек до вас относится? — показал он пальцем на лесистый холм.

— Дубки вот те, что ли? — переспросил Лискун.— Это лесничества. Да мы с ним ладим... Свиней пастись туда гоняем.

— Можно подняться, посмотреть,— сказала Солодкая.— Если не очень устали... Ой, как там хорошо!

Прокоп Никитович осмотрел свои хромовые забрызганные росой и грязью сапоги, вздохнул:

— Придется для общества пострадать... Если хозяевам тоже в охотку...

Ветер с гор покрывал мелкой рябью воду в выбоинах и в глубоких колеях, быстро сушил землю.

За селением, по сторонам извилистой тропы, стояли непролазной чащобой влажные кусты дикого терна, обильно унизанные дымчато-фиолетовыми ягодами.

— Добро какое пропадает! — огорченно заметил Прокоп Никитович.

— Девчата соберут,— откликнулась Солодкая.— Управятся с табаками, виноградом, насобирают и кизила и терна... Есть где разгуляться.

— Глотку только умеют драть,— пробурчал Лискун, все еще переживая словесную схватку в табачной бригаде.

— Правы, правы они,— сердито сказала Солодкая.

— Заступайся! Собака и на свой хвост брешет. Чуть что не по ним, чуть неуправка, галдят, как черти над горшком с горячей кашей...

— Ну, ладно! — прервала его Солодкая.— Еще будет время поговорить.

Гаркуша, вдыхая горьковатый свежий запах дубняка и слушая стариковское брюзжанье Лискуна, иронически думал: «Какого там биса орел! Вот же нудный человек!»

На краю крутого ската, поросшего буком и сосной, Лискун остановился.

— Дальше забираться нечего,— сказал он, отдуваясь.

Здесь было холоднее, чем в низине, прочно прижились пахучая сырость подлеска, тленный дух перепревших листьев и хвои. Где-то сбоку журчала в невидимой выемке родниковая вода. Вокруг виднелись на добрые полсотни километров затянутые мглистой дымкой волмогучим и древним, непривычным взору степняков нагромождением камней, гор, господствовал туманный Чатыр-Даг

Прокоп Никитович во все глаза смотрел на еле различимую в глубоком тенистом распадке отару овец; на светлую ленту шоссе, бегущую с перевала на перевал и исчезающую где-то в тополях; на далекое, затерявшееся у подножия синей горы селение с яркими черепичными крышами. Для него, старого хлебороба, нестерпимо было видеть огромные пространства пустующей и бесплодной каменистой земли с гигантскими трещинами, провалами. Кадык его на коричневой морщинистой шее судорожно дернулся.

— Позвиняйте мне,— подавленно сказал он, притронувшись к плечу Лискуна.— Что вон там блестит? Бачите, вроде седловинка, так сразу за ней...

— Тю на вас, диду! — оживился Гаркуша.— Та то ж море!

— А я соображаю, что оно такое мигает? — смущенно бормотал Прокоп Никитович.— Не доводилось моря видеть... Сиваши мы ночью проезжали. И что... вся вода в нем соленая?

— Один дядько говорил: «Наверное, потому много ее в море, что соленая, не пьют»,— сказал Гаркуша.

Ольга Ивановна вгляделась во что-то на гребне одной из вершин и, прикоснувшись плечом к руке Гаркуши, показала:

— Вон там партизанская база была... Вон, вон, где обрыв белеет...

Гаркуша собирался еще о чем-то спросить, но Солодкая, приставив руку к глазам, сказала:

— Сергеева машина... Секретаря нашего райкома.

Бойкий вездеходик с зеленым брезентовым верхом нырнул с шоссе в заросшую кустарником котловину и через минуту показался на взгорке, снова исчез в зарослях деревьев и вскоре вынырнул, приближаясь, подпрыгивая на корневищах.

— Из города, видать,— высказал предположение Лискун.— Или обратно по бригадам ездил... Никогда не угадаешь, с какого боку ждать...

Секретарь райкома, ловко выбравшись из неудобной машины, пожал всем руку, с благожелательным любопытством посмотрел на ходоков.

— Ну как, граждане-сваты, осмотрелись? — спросил он.— Подходит вам крымский воздух?

— Так это божьим птичкам главнее — воздух,— пошутил Прокоп Никитович.— А человеку добрая земелька требуется.

— Рыбкам вода, птицам воздух, а человеку вся земля,— так, что ли, народная мудрость гласит? — спросил его Сергеев и, не ожидая ответа, убежденно сказал: — Таких богатств, какие природа Крыму отвалила, нигде не ищите, диду. Не найдете!

— Хорошие места,— похвалил Прокоп Никитович.

— Василий Иванович у нас хоть и не крымский старожил, а природу нашу сильно любит,— заискивающе вставил Лискун.

Сергеев скосил в его сторону черные, с синеватыми белками глаза, недовольно проговорил:

— С тобой, товарищ старожил, разговор у нас будет особый... Как у тебя с домиками?.. Гости пусть извинят, это дела домашние... Куда будешь людей расселять?

— Разместим.

— Жаль, Ольга Ивановна здесь,— сдвинув брови, сказал Сергеев.— Я бы тебе кое-что на мужском языке изложил...

— Работают же, Василий Иванович,— оправдывался Лискун, запахивая на животе полы тесного пальто.— Шли вот мимо, работали...

— Только слон так работает... Пять часов, звонок, бревно бросил — и шабаш.

Сергеев посмотрел на свои ручные часы и нахмурился еще больше. Опираясь на палку, он направился к машине. Только сейчас Гаркуша и Мокрозуб заметили, что у него протез и что ходит секре-

— Познакомься пока, Ольга Ивановна, с одним письмецом,— сказал Сергеев, доставая из машины портфель.— Потом потолкуем...

Он как-то странно, с тревожной озабоченностью посмотрел на Солодкую, дал ей распечатанный конверт и снова повернулся к председателю.

— Выговор сегодня в обкоме из-за вас получил,— с нескрываемой досадой проговорил Сергеев.— Позор! Все соседи тебя по строительству обгоняют.

— Ну что я в силах сделать! — меняясь в лице, сокрушенно воскликнул Лискун и снова сказал: — Богатый, как говорится, ест бифштексы и фрикассе, а бедный гуляет по шоссе...

— Неостроумно... И ты не напускай тумана, не прибедняйся. Народ вы с Солодкой плохо мобилизуете, вот в чем ваша вина.

— Согласен, Василий Иванович, не охватываем всего. Завтра Овсянкина переключу на строителей... Или сам сяду им на шею.

Сергеев недовольно отвернулся от Лискуна и окинул глазами бушлат и форменку Гаркуши.

— Вижу, на флоте служил?

— Так точно! Подводник. За Севастополь дрался.

— Ну, а сейчас Крым ждет трудовых рук ваших... Каков настроение у земляков? А, диду?

— Разное настроение, если правду говорить,— отозвался Прокоп Никитович.— Мне сосед, коваль наш копанский, такую загадку загадал. «Невже,— говорит,— Микитович, надумали на старости в тот Крым ехать?» «А чого ж,— отвечаю,— може, и поиду». «А цыбули богато с собой берете?.. Там же,— говорит,— климат такый поганый... Ничого не растет, цынга замучае...» Ну, я ему: «Не пропадем! Люди ж жывуть... И мы якось прожывем...»

— Убедились теперь, что не пропадете? — Сергеев ульбнулся ходокам.— Недельку поживите. С передовиками колхозными повстречайтесь, посоветуйтесь... А не нравится, другой колхоз покажем...

— Вы с нами не пообедаете, Василий Иванович? — предложил Лискун.

— Не могу. Тороплюсь.

Наказав шоферу ехать в село, Сергеев, прихрамывая, пошел рядом с Солодкой.

— Прочитала? — спросил он.

Солодкая с неловкой торопливостью вернула Сергееву письмо, шла, глядя себе под ноги и сжав губы.

— Что молчишь?

— А что мне говорить?

— Сегодня будем все эти художества Бантыша обсуждать на бюро... Тебя ведь тоже приплели к этому делу...

— Напрасно! У меня ни обид на него, ни претензий нету,— глухо ответила Солодкая.— Я не девочка, живу своим умом.

— Эх, Ольга Ивановна, Ольга Ивановна! — с мягкой грустью сказал Сергеев.— Обидно мне за тебя.

Женщина покраснела.

— Как-нибудь переживу,— отчужденно проговорила она.

И было непонятно, что она имеет в виду: обиду Сергеева или то, что произойдет сегодня вечером на бюро райкома.

ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО СТУДЕНТА

Антифашистский комитет советской молодежи и студенческие организации Норвегии решили провести обмен студентами. В сентябре 1954 года в Москву приехал из Норвегии студент Хокон Хупе, которого дружески принял в свою семью многотысячный коллектив МГУ. Студент-химик, он занимался в университете весь первый семестр. А в начале января нынешнего года в Осло прилетел московский студент Владимир Бабкин, чтобы в течение 4 месяцев заниматься на юридическом факультете Норвежского университета.

Мы публикуем записанный корреспондентом «Огонька» рассказ советского студента о Норвегии.

Владимир БАБКИН

Из числа многих моих друзей по университету в Осло первым был Хокон Хупе. Наша дружба началась еще в Москве. Незадолго до отъезда норвежца на родину я побывал у него в общежитии МГУ на Ленинских горах. Он только что вернулся со студенческого вечера и, подойдя к окну, из которого открывался вид на залитый огнями город, задумчиво сказал:

— Вот я и покидаю Москву... Вы очень гостеприимные люди. Впрочем, гостеприимство — это не единственное, что я хотел бы отметить у вас.

Хупе стал перечислять. Его восхитило многое: оснащенность лабораторий, трудолюбие и серьезный подход студентов к изучению наук, забота государства об учащихся, стипендии, поощряющие тех, кто учится отлично. Позже, уже в Осло, я прочел в норвежском официозе «Арбейдербладет» интервью с Хупе под таким заголовком: «Стоит быть прилежным студентом в Советском Союзе».

О многом беседовали мы с Хупе в тот вечер. Мы говорили о норвежском театре, живописи. Он показывал мне репродукции картин художника К. Крога и немало удивился, узнав, что я вижу их не впервые. Мы разошлись с Хупе в оценке творчества другого норвежского художника — Эдварда Мунка, и, конечно, оба, вместе восторженно говорили о Григе. Хупе сказал:

— Мне было очень приятно, что советская молодежь так любит и ценит музыку нашего великого Грига, ценит и прекрасно разбирается в ней...

Было уже далеко за полночь, когда мы распрощались.

— До встречи в Осло!

...И вот я в Осло. По установившейся у здешних студентов традиции, прямо с аэродрома меня повезли в ресторан, где я выучил первое норвежское слово: «Скол». Когда норвежец пьет за чье-то здоровье, он провозглашает: «Скол!» Только несколько дней спустя профессор филологии разъяснил мне значение этого слова: викинги пили мед из больших деревянных чаш, называвшихся «скол». И еще одно слово из языка моих новых друзей выучил я вскоре: «Такк» — «Благодарю вас», «Пожалуйста». В Норвегии — мне это очень приятно отметить — слово «такк» слышится очень часто — в метро, магазине, кафе, на улицах, в парке.

Поздно ночью я попал в студенческий городок — «Студентбюен». Здесь мне отвели комнату в квартире, где жили еще четыре студента: два юриста, филолог и географ. Я познакомился с ними рано утром, на кухне, где мы вместе готовили завтрак.

— Приятный сюрприз,— говорил Рагнар Сулли, приготавливая кофе.— Мы, конечно, слышали о предстоящем приезде гостя в университет, но не надеялись, что он поселится у нас. Постараемся, чтобы вам здесь было уютно, удобно...

И тут же началась «атака». Рагнар Сулли, чемпион Норвегии по прыжкам, засыпал меня вопросами о спортивных сооружениях МГУ; филолог Пер Хагенес спрашивал, издают ли в России Нурдаля Грига и любят ли его пьесы; географ Петер Шьохольт просил рассказать, часто ли студенты-географы отправляются в экспедиции и верно ли, что им платят там за работу.

Наконец кто-то из друзей прервал «атаку»:

— Господа, это невежливо. Сосед не успел осмотреться, мы даже не показали ему нашего «Студентбюена», а уже замучили расспросами.

Теперь наступила моя очередь смотреть и спрашивать.

В нашей хорошо распланированной квартире пять небольших комнат. У каждого студента своя комната, где все расставлено рационально: у окна — небольшой легкий столик, над ним книжная полка, напротив — диван-кровать, в углу — маленький столик для журналов, газет. В моей комнате на следующий день дополнительно появилось кресло, обшитое красной материей. Соседи торжественно подвели меня к креслу, и один из них сказал:

— Мы знаем, что советские люди уважают красный цвет, красное знамя... Нам хотелось сделать вам приятное...

Это было наивно, но очень трогательно, и я горячо благодарил своих новых товарищей.

Студенческий городок, где живет 600 человек, расположен в западной, аристократической части Осло. Кругом особняки богачей. Недалеко знаменитая Нурдмарка, куда каждую субботу норвежцы целыми семьями отправляются в туристские походы. Место это поразительной красоты: покрытые лесами холмы, среди которых живописно раскинулись озера; по древним преданиям, здесь обитали гномы. На холмах то тут, то там мелькают туристские домики. Есть здесь и специальный домик для туристов-студентов.

Городок, в котором я поселился, — одно из трех имеющихся в Осло общежитий для студентов. Два других далеко не так благоустроены. Но и там получить место очень трудно. Проблема жилья — одна из наиболее острых проблем для нескольких тысяч учащихся высших учебных заведений столицы Норвегии Во всех трех общежитиях только 1050 мест; при этом в июне из студенческого городка всех выселяют: он становится крупнейшим в Норвегии летним отелем для туристов.

Хокон Хупе (слева) и Владимир Бабкин.

Многие студенты живут в помещениях, мало чем отличающихся от бараков,— их строили для немецких солдат в пору оккупации. После освобождения страны от гитлеровцев правительство решило снести бараки, но студенты заняли их явочным порядком и так и остались там хозяевами. Конечно, жить здесь, особенно зимой, несладко.

— Что поделаешь, если за комнату в частном доме надо платить сто пятьдесят крон! — сокрушается филолог Эрик Веа.— Это большие деньги!

Веселой гурьбой отправились мы в университет. Зимнее солнце уже поднялось из-за гранитных скал, ярко озаряя фиорды. По узким улицам давно прошли толпы школьников в пестрых свитерах и сейчас спешили на работу конторские служащие.

Вот и метро, которое только условно можно назвать подземной дорогой: лишь две из многих станций находятся под землей. Первое, что бросилось в глаза,— снаружи все вагоны имеют приспособления для крепления лыж. В субботние и воскресные дни поезда метро ощетиниваются лыжами, а внутри вагонов переливаются всеми цветами радуги вязаные фуфайки спортсменов.

Норвегия. Фиорд около селения Шьохольт.

Впрочем, здесь каждый — и стар и млад — спортсмен.

Когда мы вошли в вагон, мои спутники дружески раскланялись, как со старыми знакомыми, с кондукторами, продающими тут же, в поезде, билеты. Завязался разговор о лекциях, экзаменах. Я удивился: откуда такое близкое знакомство?

— Так это же наши товарищи по университету,— объяснил Петер.

Оказывается, многие норвежские студенты учатся и работают — кондукторами, школьными учителями, гидами (Норвегия — страна туристов). Только примерно двадцатая часть студентов получает стипендии, и притом весьма небольшие. Но следует учесть еще одно обстоятельство: зачастую родители — даже состоятельные — считают, что молодой человек, поступив в высшую школу, должен приучаться жить самостоятельно, на свои средства, и отнюдь не склонны баловать детей деньгами. Скажу откровенно, мне это понравилось.

Университет в Осло. Здания, где помещаются факультеты гуманитарных наук.

Университет в Осло основан почти 150 лет назад. На пяти его факультетах: юридическом, филологическом, теологическом, естественном и медицинском — учатся 3 500 человек. Меня любезно и дружелюбно принял ректор профессор Фред Кастберг.

— Я рад,— сказал ректор,— приветствовать представителя советских студентов, о которых слышал много хорошего. Думаю, что и вам будет небезинтересно познакомиться с нашей системой высшего образования.

Чтобы стать в Норвегии студентом, достаточно подать заявление, сделать взнос в кассу университета или института и записаться в члены местного студенческого союза. Вступительные экзамены держать не надо, но если оказалось слишком много желающих поступить на факультет, который пришелся вам по душе, тогда объявляется конкурс.

Студенты сдают экзамены, как правило, во время сессии, но вне всякого расписания, а по мере того, как подготовят предмет. Посещать лекции необязательно. Занятий в семинарах проводится мало; будущие юристы, например, за все 5 лет обучения в университете ни разу не получают возможности поработать практически в адвокатуре, суде или прокуратуре — мои друзья сетовали на это.

Мне понравилось, что студенты гуманитарных факультетов получают за время обучения полезный навык: писать краткие научные работы.

Мы долго обсуждали с ректором, как лучше организовать мои занятия. Я получил ценные советы: начать с изучения государственного права и некоторых разделов социологии, раскрывающих норвежские концепции теории права; заниматься самостоятельно и время от времени слушать лекции — для иностранных студентов их читают на английском языке, который я достаточно хорошо изучил.

Профессор порекомендовал литературу и на прощание подарил свою книгу «Норвежский образ жизни».

В тот же день я имел возможность начать изучение этого образа жизни не только по книге...

Мои коллеги привели меня в помещение, которое они назвали «самым оживленным местом» в университете. Это было кафе — аулакьелерен,— где собираются все студенты, когда проветриваются читальные залы, что делают здесь каждые два часа. В четырехугольном подвале стоял неумолчный гул. Я обратил внимание, что на стенах рядом с картинами Пикассо и Матисса (каждый год картины меняются) пестрели объявления студенческих организаций, броские рекламы напитков и спортивного инвентаря. На столиках лежали газеты, журналы. Группа молодых людей оживленно комментировала какую-то статью. Оказалось, это интервью, которое вчера вечером я дал журналистам. Те, разумеется, спрашивали о целях моей поездки в Норвегию, но больше всего их почему-то интересовало другое. «Женаты ли вы? Есть ли у вас ребенок?» Кто-то спросил: «Вы уже успели познакомиться с нашими девушками? Нравятся ли они вам?» В разговоре я, между прочим, заметил, что мне нравятся норвежские девушки потому, что все они занимаются спортом. И вот студенческий журнал «Университас» крупным шрифтом дал хлесткий заголовок: «Владимир Бабкин любит спортивных женщин, но не верит в железный занавес». Я с удовлетворением отметил, что подобная «резвость» журнала вызвала возмущение многих моих коллег.

Из кафе мы направились в союз студентов. Союз этот заботится главным образом о быте своих членов. В его ведении магазины, столовые, общежития, книжные ларьки. Он часто устраивает различные лотереи, очень популярные в Осло,— на улице столицы можно увидеть разыгрываемые в лотерее автомобиль или двухэтажную дачку с плакатом на крыше: «Она стоит 60 тысяч, но ее можно получить за одну крону».

Вступление русского студента в норвежский студенческий союз было оформлено очень быстро. Несмотря на все мои протесты, членских взносов не взяли: «Вы наш гость!»

Итак, в руках у меня студенческая карточка. Теперь, как мне сказали, я могу покупать со скидкой билеты в метро и театры и вообще чувствовать себя полноправным норвежским студентом.

Я уже представился руководителю отдела культурных связей министерства иностранных дел Норвегии профессору Кристоферсену, и мне казалось, что пора приступать к занятиям. Но выяснилось, что я еще не нанес одного важного визита — в контору иностранных студентов университета, во главе которой стоит американец, профессор Бродман: дело в том, что из 200 иностранных студентов, обучающихся в Осло, самую большую группу составляют американцы.

С некоторыми из них я подружился. Мы часто встречались в университетском кафе. За кружкой пива завязывался оживленный разговор о литературе, о том, как важен обмен культурными ценностями. Один из моих собеседников сказал:

— Американский народ хочет дружбы с Москвой. Нам надо чаще встречаться. Мы с вами случайно оказались вместе — в Норвегии. И, видите, уже нашли общий язык по ряду вопросов. А как хорошо было бы, если бы мы могли бывать в гостях друг у друга!

Среди моих американских коллег было много трудолюбивых, одаренных, очень усердно занимавшихся науками студентов. Хотя не все придерживались такого образа жизни. Мистер Бродман, например, искренне убежден, что главное, чем должен заниматься иностранный студент в Норвегии,— это развлекаться. Когда я пришел к нему, он тут же предложил: «Не хочет ли мистер Бабкин прокатиться с нашими мальчиками на китобойном судне? Уверяю вас, это будет очень весело...» Но, как и многие иностранные студенты, я решил развлекаться только в свободное от занятий время.

День в нашей студенческой квартире начинался рано утром. Мы сообща убирали комнаты, готовили завтрак. Вместе отправлялись в университет. Вначале я слушал цикл лекций на английском языке под общим названием «Норвежская жизнь и учреждения» — их читают иностранным студентам не только профессора, но и политические деятели, представители крупных фирм, спортивных организаций. Не без интереса я прослушал лекцию на тему «Лыжный спорт как норвежский образ жизни». Спорт действительно представляет важнейшую черту образа жизни норвежцев.

Занимался я в юридическом читальном зале. Здесь за каждым студентом закреплено определенное место, где он может хранить книги, тетради. Место это никто не займет, даже если студент несколько дней будет сидеть дома. Но получить такое место в читальном зале, рассчитанном всего на 250 человек, очень трудно.

К сожалению, профессор Фред Кастберг, обещавший помогать в моих занятиях, получив приглашение ознакомиться с культурной жизнью США, отправился за океан. Я консультировался с его учениками. В дружеской обстановке мы обменивались мнениями по таким острым вопросам права, как проблемы суверенитета, вопросы правовых норм, регулирующих государственное планирование. В Норвегии есть группа политических деятелей, настойчиво добивающихся включения в конституцию пункта, по которому страна может «уступить» часть своего суверенитета. Судя по беседам с профессорами и доцентами университета, из которых многие состоят в консультативных органах при правительстве, норвежские теоретики государственного права во главе с Фредом Кастбергом возражают против такого толкования суверенитета. Фред Кастберг публично заявил, что уступка суверенитета будет нарушением конституционных традиций Норвегии. Эту точку зрения, кстати говоря, разделяет и большинство студентов.

Я собирался усиленно заниматься и социологией. Но оказалось, что в читальном зале мало учебников и пособий по этому курсу, так как в Норвегии в системе юридического образования он занимает мало места.

В широком, разностороннем образовании норвежских студентов не последнюю роль играют дискуссии. Их проводят в университетских кафе, или в международном студенческом клубе, или где-нибудь в арендованном кабаре. Здесь можно услышать выступления политических деятелей, писателей, художников, специально приглашенных из других стран. Эта сторона деятельности норвежской студенческой ассоциации заслуживает внимания.

Интересно, что разыгравшаяся острая борьба за пост председателя ассоциации в известной мере была вызвана такой проблемой: кого приглашать из-за границы для выступлений перед студентами? Весной председателем ассоциации избрали молодого студента Ганса Придца, который предложил широкую программу расширения культурных связей с СССР и странами народной демократии. Вскоре из ГДР был приглашен драматург Бертольд Брехт: германская проблема очень волнует норвежцев. Как мне сообщили, ассоциация хотела бы в ближайшее время принять у себя совет-[redacted]

Студенческие организации попросили и меня выступить с рядом докладов о Московском университете, системе высшего образования в СССР, о советской демократии, о международных связях нашей молодежи. Каждый доклад обычно длился менее часа, а ответы на вопросы — 2—3 часа. Вопросы свидетельствовали о том, что норвежские студенты еще мало знают о нашей стране, а хотят знать многое. Задавали, конечно, и курьезные вопросы. В международном студенческом клубе меня спрашивали: «Верно ли, что в СССР нет сигарет и все курят самокрутки?», «Правда ли, что у вас строго наказывают студентов, танцующих западные танцы?»

Студенческий журнал «Университас» затеял напечатать запись моей беседы с Хупе — я часто встречался с ним в Осло, он продолжает изучать русский язык, читает советские газеты, журналы. Замысел был такой: я беседую с Хупе, учившимся в МГУ, между нами возникает спор. Хупе на основе личных наблюдений опровергает мои утверждения, и журнал дает сенсационный материал. На беду репортеров, ожидаемого «конфликта» не произошло. Мы как были, так и остались друзьями с Хупе, и беседа наша, протекавшая в университетском кафе в присутствии множества студентов, носила товарищеский характер. Хупе много и подробно рассказывал о том, что ему понравилось в МГУ.

В часы, свободные от учебы, я любил бродить с друзьями по узким улицам старинного города, широко раскинувшегося на берегах фиорда,— говорят, что по площади он стоит в ряду самых больших городов мира. Здесь причудливо сочетаются архитектурные стили разных эпох — готика и модерн. Ярко раскрашенные двухэтажные домики районов новой стройки соседствуют со зданиями, напоминающими времена древних викингов. По улице, ведущей к королевскому дворцу, охраняемому гвардейцами в черных шляпах с плюмажами, мчатся машины новейших марок. Среди них увидишь и «Москвич», и «Победу», и «ЗИМ» — наши машины составляют важную статью в советско-норвежской торговле.

По ночам проспекты города озаряют разноцветные неоновые рекламы банков, торговых фирм, акционерных обществ. И в то же время норвежцы с поразительной трогательностью чтут некоторые обычаи глубокой старины. Я был на студенческом собрании, которое проходило при свете... свечей. В маленьком городке Фредрикстаде, что близ Осло, трудовой день, как и сто лет назад, завершается тем, что из старинной крепости в 9 часов вечера выходит оркестр и исполняет гимн, призывающий жителей ко сну.

В этой комнате творил Эдвард Григ.

В первый же воскресный день друзья повели меня в район порта, в этот чудеснейший уголок Осло, полуостров Бюгдё. Я любовался крепостной стеной из битого камня и старинным замком на скале. Мне показали знаменитое судно «Фрам», побывавшее у Северного и Южного полюсов,— с укороченными мачтами, оно стоит здесь, на берегу фиорда, под стеклянным колпаком. Рядом с ним плот Кон-Тики, на нем группа смельчаков в 1947 году совершила путешествие из Перу в Полинезию. Вдали в полукруглой гавани чернел лес мачт океанских кораблей, без которых трудно представить себе эту страну отважных мореходов. Над берегом кроме башен древнего замка поднимаются и четырехугольные кирпичные башни ратуши, достроенной уже после освобождения Норвегии от оккупантов.

В Норвегии, как и в любой стране, молодежь любит кино. Но отечественная кинематография пока находится в зачаточном состоянии: она выпускает 3—4 фильма в год. При мне на экранах появился фильм «Пять лет» — о движении Сопротивления в пору фашистской оккупации. Картина была восторженно встречена публикой. А вышедший тогда же фильм «На улице дует летний ветер» с участием самого популярного в Норвегии актера Хенки Кольстада публика встретила весьма холодно. Почему? Создатели фильма слепо подражали худшим голливудским образцам.

Норвежцы проявляют все возрастающий интерес к культуре нашей страны. Норвежский театр поставил «Три сестры» Чехова, а Народный театр — «Вишневый сад». В самом большом концертном зале Осло, в актовом зале университета, я слушал произведения Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна. Как-то на одном из концертов зашел разговор о дружбе Чайковского и Грига, и я заметил, что в Москве мне чаще приходилось слушать музыку Грига, чем здесь, на родине композитора.

— Может быть, это действительно так,— с грустью ответил мой спутник.— Недавно один из наших театров и вовсе изменил Григу: «Пер Гюнт», вопреки традиции, был показан в сопровождении музыки не Грига, а современного композитора Северюда. Я видел этот спектакль. Мне показалось кощунством сопровождать «Пер Гюнта» музыкой, построенной на диссонансах и атональностях. И это не только мое мнение. Так считает норвежская публика.

В Бергене я побывал в доме-музее Грига. Природа вокруг маленького домика, расположенного на берегу озера, сурова и прекрасна, как сама музыка великого композитора. В одной из отвесных скал находится его могила. На скале надпись: «Эдвард Григ и Нина Григ». Зимой дом-музей закрыт. Но когда экскурсовод, живущий в этом же домике, узнал, что в музей хочет пройти советский студент, он с готовностью открыл двери, распахнул ставни во всех окнах и повел меня в комнаты. Показывая фортепьяно композитора, экскурсовод сказал: «В последние годы на этом инструменте было разрешено играть только одному музыканту — молодому советскому пианисту Мержанову...» Норвежец обратил мое внимание на пожелтевший лист бумаги, лежавший на почетном месте среди подарков, полученных Григом в связи с его 70-летием. На листе от руки красным карандашом написано: «Великому композитору от кружка любителей музыки в Рязани».

В Норвегии много музеев, и притом самых различных. Своеобразным музеем, всегда открытым для публики, является ратуша. В большом зале я любовался фигурами рабочих, изваянными Пером Палле Стормом. Подолгу рассматриваешь здесь стены светлого зала, расписанные норвежскими художниками. Привлекают внимание фрески Хенрика Серенсена. Изображенные им аллегорические сцены рассказывают о борьбе норвежского народа за независимость, о том, как эта независимость была попрана гитлеровцами и затем героически отвоевана. Норвежцы не забывают тех, кто помог им отвоевать ее.

Я встречался со многими норвежцами. И как часто лица моих собеседников, независимо от их политических убеждений и профессии, светлели, когда они вспоминали советских людей, волею судеб оказавшихся в годы войны на норвежской земле! Приглашая меня домой, некоторые из моих товарищей по университету с гордостью говорили: «Отец помогал русским военнопленным, когда они бежали из лагерей в горы».

...Я сижу у камина в квартире моего друга — студента Хокона Нюгора. После ужина меня угощают знаменитой норвежской трес-кой, приготовленной на пару. Мы курим сигареты и ведем неторопливую беседу о делах минувших дней. Отец Хокона — учитель греческого и латинского языков — вспоминает тяжкие годы войны:

— Тогда-то я узнал, что такое душа русского солдата. О, это были чудесные парни, которые умели любить и ненавидеть! Настоящий норвежец не мог не помогать им, когда они оказались в беде!..

Кто знает, может, именно в ту грозную пору и зародилась у господина Нюгора, в прошлом профессионально занимавшегося живописью, любовь к русскому искусству.

Хозяин дома хорошо знает и любит наше искусство. Он показывает бережно хранимые репродукции картин Репина, Айвазовского, Васнецова. Интерес к России у Нюгора настолько велик, что он решил назвать свою дочь русским именем Соня. Почтальон приносит в квартиру школьного учителя вместе с другими газетами и журналами издаваемый в Норвегии бюллетень «Советские новости». Не во всех новостях он может хорошо разобраться, не все, что делается в Советском Союзе, нравится ему. И, тем не менее, он говорит о наших людях не иначе, как о верных друзьях норвежского народа.

— Ведь друзья познаются в беде — так, кажется, говорят русские? — улыбаясь, спрашивает Нюгор.

Направляясь в Норвегию, я читал много книг об этой стране и ее людях. И у меня сложилось впечатление, что норвежцы молчаливы, суровы, флегматичны. Встречи с норвежцами разубедили меня в этом. Вспоминаю студенческое собрание в кабаре Круа. Как темпераментно выступали здесь люди, когда их кровно задевали слова докладчика! Докладчик — датский журналист Борген Оутце, редактор датской газеты «Информашон». Газета возникла в период Сопротивления и пытается продолжить свою прогрессивную линию. Многообещающее название доклада — «О чем молчит пресса» — собрало большую аудиторию, и не только студенческую (несмотря на то, что вход был платным).

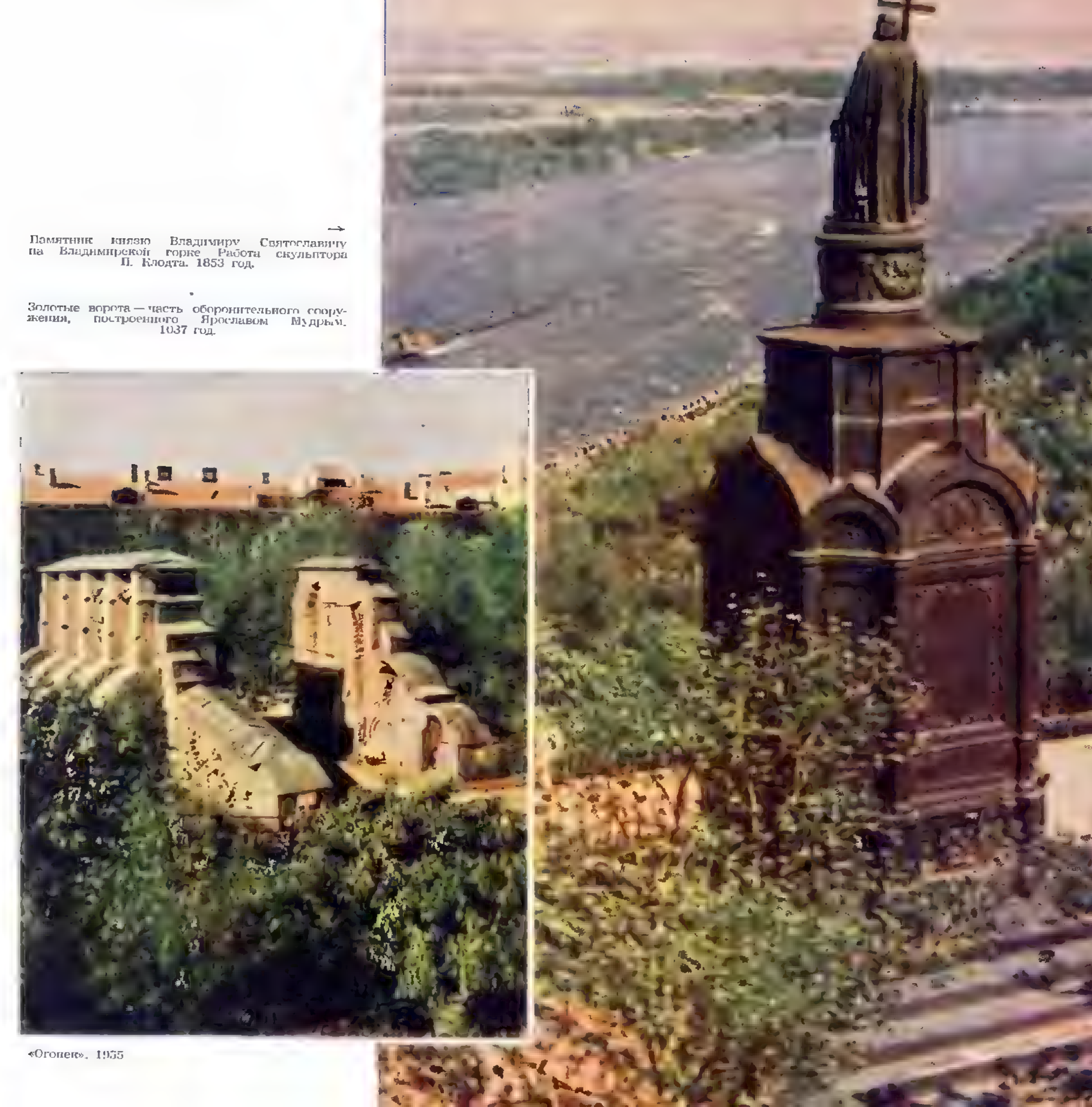
Люди сидят за столами, на которых расставлены бутылки пива и зажженные свечи, и внимательно слушают рассказ о том, как пресса иногда попадает в зависимость от бизнесменов, помещающих рекламу в газетах, или от руководителей определенных политических партий. Но вот докладчик умолк, по традиции выпил кружку пива за здоровье всех собравшихся, и началась жаркая дискуссия. И надо было видеть, как негодовала аудитория, когда в ходе дискуссии какая-то молодая женщина пыталась выступить в защиту военных преступников...

В Норвегии я не мог пожаловаться на невнимание прессы. В особенности в те дни, когда я стал собираться домой. Журналисты спрашивали: «Собираетесь ли вы, вернувшись в СССР, рассказать правду о том, что вы видели в Норвегии?» Я, не задумываясь, решительно ответил: «Да!» И я выполнил это свое слово, рассказав советским друзьям многое о норвежской молодежи, с которой нас связывает большая, день ото дня крепнущая дружба.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КИЕВА

→ Памятник князю Владимиру Святославичу на Владимирской горке. Работа скульптора П. Клодта. 1853 год.

Золотые ворота — часть оборонительного сооружения, построенного Ярославом Мудрым. 1037 год.

Блюдо медное, работы московских мастеров. Киево-Печерская лавра.

Перепоясанный голубой лентой Днепра, широко раскинулся на холмах правобережья, на низменной левобережной стороне красавец Киев, столица Советской Украины.

Следы прожитого Киевом и сегодня видны буквально на каждом шагу, особенно в его древнейшей, нагорной части. На склонах Днепра, на Владимирской горке, высится памятник князю Владимиру Святославичу, построенный сто два года назад П. Клодтом (по модели В. Демут-Малиновского, архитектор А. Тон). Немного дальше от Днепра,

Государственный архитектурно-исторический заповедник - Софийский музей. Внизу. Софийский собор. 1037 год

Общий вид Государственного заповедника-музея Киево-Печерская лавра. Внизу: Главные ворота Киево-Печерской лавры и Троицкая надвратная церковь, построенные в начале XII века.

Андреевская церковь. Сооружена по проекту великого русского зодчего В. Растрелли в середине XVIII века.

в центре древнего нагорного Киева, стоят Золотые ворота — остатки оборонительного сооружения времен Ярослава Мудрого.

Почти рядом с Золотыми воротами — величественное здание Софийского собора, заложенного Ярославом Мудрым на «поле вне града» — там, где киевляне одержали решающую победу над печенегами, напавшими на Киев. Здесь была создана первая библиотека на Руси, родились первые русские летописи. Фрески на стенах собора, сохранившиеся до наших дней, известны каждому школьнику по репродукциям в учебниках истории. По многим фрескам — на них изображены различные бытовые сцены, батали — можно составить довольно полное представление о жизни Киева XI столетия.

Ближе к Днепру, неподалеку от места, где когда-то стояла не сохранившаяся до наших дней древнейшая Десятинная церковь, высится стройное и легкое здание Андреевской церкви (1744—1767 годы) — замечательное создание архитекторов В. Растрелли и И. Мичурина.

На холмах, по другую сторону Крещатика, расположена Киево-Печерская лавра. Главное ее сооружение — Успенский собор — было до основания разрушено гитлеровскими войсками в 1941 году. Уцелели лишь ворота собора с надвратной церковью, построенной в XII веке, величественная колокольня и ряд других сооружений. В надвратной церкви сохранился резной иконостас изумительной по красоте работы черниговских мастеров, выполненный в XVIII веке.

В Лаврском музее собраны многочисленные исторические ценности, свидетельства высокого мастерства украинских ремесленников XVI—XIX столетий — дарохранительницы, блюда, художественные ткани и вышивки.

Киево-Печерская лавра, один из центров религиозной пропаганды и политической реакции в России, в то же время собирала вокруг себя замечательных архитекторов, мастеров лепных украшений, резчиков по дереву. Их работы говорят о высокой одаренности украинских умельцев. Эти работы и сегодня привлекают к себе внимание многочисленных посетителей.

Советское государство, придавая огромное значение киевским памятникам старины, объявило их государственным достоянием. Памятники киевской старины имеют мировое значение.

А. ПОЛТОРАЦКИЙ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Фрагмент деревянного позолоченного иконостаса работы лаврских крепостных мастеров XVIII века. Троицкая надвратная церковь.

ВСТРЕЧИ В ДЕЛИ

Дели. В воскресный день у развалин около башни Кутб-Минар.
Фото автора.

А. СОФРОНОВ

Однажды мы возвращались с вечера встречи деятелей искусства и литературы Индии с писателями, участвовавшими в Конференции стран Азии по ослаблению международной напряженности. В машине с нами был видный деятель движения сторонников мира Индии доктор Сахиб Синг Сокхей.

Дели по вечерам особенно хорош. Величествен архитектурный ансамбль парламента. Тихо шелестят листьями ровно подстриженные деревья, по каналам скользят легкие лодки. Жители Дели в пестрых одеждах неторопливо прогуливаются по аллеям. Заходит солнце; его уже не видно, только небо высветилось необычным, лимонно-розовым цветом.

Мы проезжали мимо памятника какому-то английскому полководцу.

— Кому поставлен памятник? — спросил я Сокхея.

Сокхей нехотя ответил:

— Не знаю... Давно пора заменить все эти памятники другими, памятниками борцам за национальное освобождение Индии. Неплохо было бы снять вот эти фигуры с мраморных пьедесталов, погрузить на пароходы и отправить в Англию в обмен на индийские сокровища, находящиеся в Британском музее.

— Да, там их много, — сказал я, вспомнив огромный отдел Индии в Британском музее.

То, что сказал доктор Сокхей, не было случайным. Великое чувство любви к родине заставляет многих и многих деятелей так резко и прямо говорить о всех, кто пытался или еще пытается посягать на ее независимость.

На одном из приемов Сокхей спросил меня:

— Как вам нравится наша страна?

Я ответил:

— Это великая страна. Изумительно красивая. Вот только немного жарко...

Стоявший рядом с нами военный в звании бригадира заулыбался.

Сокхей строго посмотрел на него.

— От жары мы можем избавиться в течение пяти часов. Стоит только сесть в поезд или автомобиль и отправиться к Гималаям, в Симлу[1]. А вот как избавить народ от голода, дать ему возможность быть сытым? Этого не сделаешь за пять часов...

Сокхей долго говорил о том, что только мир может дать возможность индийскому народу жить хорошо.

Неутомимый ученый, общественный деятель, удивительно искренний и прямой в суждениях, Сокхей полон страстной любви к своей стране. Много времени он отдает научной работе у себя в Бомбейском институте. Он рассказал нам о том, как в 1935 году к нему приезжал Махатма Ганди.

— Знаете, меня предупреждали, чтобы я не показывал Ганди своих опытов над мышами и крысами. Говорили, что это не понравится Ганди, что это противоречит его учению. И вот, представьте, приехал в институт ко мне этот великий сын Индии, я ему рассказал, что цель моих опытов — бороться с опасными болезнями. Потом решился и все показал. Ганди внимательно слушал и смотрел, а затем сказал: «Настанет время, когда люди будут жить в хороших домах и не дадут размножаться крысам». Я был с ним совершенно согласен. Ради того, чтобы люди жили в хороших домах, были сыты, избавлены от болезней, стоит трудиться!..

Несколько раз во время пребывания в Дели нам приходилось встречаться с мэром города господином Агарвалом. Это очень живой человек, приятный собеседник. Он много расспрашивал нас о жизни советского народа. Беседовали мы на аэродроме, куда мэр Дели вместе со многими общественными деятелями и членами парламента приехал для встречи китайской делегации на Азиатскую конференцию. Где-то над Сингапуром шла гроза. Самолет запаздывал. Мы сидели в просторном здании делийского аэропорта «Папам». Агарвал спросил нас:

— Бывали ли вы на индийской свадьбе?

— Еще нет, хотя издалека ви- [illegible]

Агарвал вытащил маленькую записную книжку и записал для па- [illegible]

— Вам надо обязательно посмотреть. Это я беру на себя. Индийская свадьба — очень красивый обряд. Он длится несколько дней и ночей. Особенно красива ночь, которую называют бессонной. Обычно девушки, подруги невесты, поют и танцуют всю эту ночь...

Мы встречали Агарвала и позже, и всякий раз он приветливо нам улыбался, как старым, хорошим знакомым. В дни заседаний конференции он принял всех делегатов и горячо приветствовал их как людей, несущих в своем сердце мир народам.

Тогда же, на аэродроме, нам довелось поговорить с членом парламента из штата Мадхия-Прадеш, Сардаром Сайганом. Это высокий человек с широким скуластым лицом, в высокой чалме.

— Я живу в штате, где намечено строительство металлургического завода. Известие о том, что у нас будет свой металлургический завод, было встречено нашими людьми чрезвычайно радостно. У моих избирателей в связи с этим очень хорошее настроение. В строительстве этого завода они видят искреннее, дружеское отношение советского народа к Ин- [illegible]

В том, что эта дружба существует и крепнет, мы могли убедиться буквально с того момента, когда ступили на индийскую землю. Еще в аэропорте Джодпура, первом городе, где приземлился наш самолет, летевший из Пакистана, таможенники спросили:

— Вы, случайно, не инженеры, летящие к нам на стройку металлургического завода?

Долгое время в Дели мы жили в гостинице «Империал». Это один из лучших делийских отелей с хорошо отделанными номерами и отличным обслуживанием. В нем останавливаются многие туристы и деловые люди, приезжающие из Америки, Англии, Западной Германии и других стран.

Однажды мы сидели в большой гостиной отеля с группой наших друзей. В комнате никого не бы-

[1] Курортный город в Гималаях.

ло. Только в стороне от нас с пишущей машинкой на коленях сидела молодая женщина и что-то печатала. Я узнал ее. Это была жена одного заокеанского бизнесмена. В ресторане их столик был возле нашего. Около женщины, перелезая с кресла на кресло, вертелась миловидная девочка лет десяти. Мы обсуждали повестку предстоящей конференции. Разговор шел об экономических вопросах. Нам было известно, что эти вопросы вызвали большой интерес не только индийских деятелей — участников конференции, — но и деятелей других азиатских стран. Свою точку зрения излагал доктор Гвян Чанд. Он говорил:

— Политическая независимость еще не означает полного освобождения от колониализма. В Индии, в частности, иностранный капитал старается удержаться в экономике страны и расширить сферу своего влияния. Он пытается взять в свои руки некоторые наши компании. Нам самим нужно определить, в какой степени это будет влиять на судьбу страны. Если внимательно посмотреть на методы, какими действуют отдельные иностранные компании, то увидим, что это не просто экономическая помощь. Мы должны понять зловещее значение невинно выглядящих предложений. Надо со всех сторон рассмотреть проблемы и внутренние возможности слабо развитых экономически стран. У нас есть поучительные примеры. СССР за годы своего существования показал картину огромного экономического роста, а сейчас бурно развивается самостоятельная экономика Китая. В нашей стране тоже есть богатые человеческие и экономические ресурсы. Мы, конечно, можем и должны принять международную помощь. Но мы против эгоистических целей, которые преследуют отдельные иностранные монополистические фирмы. Мы должны пользоваться инструментом экономической внешней политики в интересах наших народов, в национальных интересах. Должны разбудить людей. В наших силах уничтожить экономический колониализм. Ничто не остановит нас!

Если вначале Чанд говорил спокойно, то потом, разгорячившись, заговорил громко и страстно. Мы с интересом слушали индийского ученого.

Почти всю его речь сопровождал легкий стук пишущей машинки. Но потом он прекратился.

Женщина перестала печатать, отложила в сторону рукопись и с изумлением разглядывала нас. Видимо, она меньше всего ожидала в этой гостинице услышать слова, прямо направленные против тех интересов, которые представлял здесь ее муж.

Вечером мы были на обеде у Гвян Чанда. Он живет на окраине Дели, неподалеку от Делийского университета, в небольшом особняке. В его квартире на стенах висело много китайских картин.

— Я недавно провел с женой четыре месяца в Китае. Это замечательная страна, могучий и талантливый народ,— говорил нам Гвян Чанд.

Все новые и новые встречи расширяли наше представление о передовых людях Индии. Далеко за пределами страны известна индийская литература, ее гуманные идеи, высокая художественность, подлинная народность. Многие советские читатели знают и любят произведения великого индийского писателя Рабиндраната Тагора. Книги современных индийских писателей и поэтов, выходящие в Советском Союзе, все больше расширяют знакомство советских людей с индийской литературой.

С Мульком Радж Анандом мы были знакомы раньше по его книгам, изданным в Москве. Ананд — один из крупнейших представителей индийской литературы, один из руководителей Ассоциации прогрессивных писателей Индии, которую он организовал вместе с Прем Чандом и Саджадом Захиром. Постоянно Ананд живет в Бомбее. Встретившись в Дели на одном из заседаний, мы условились на другой день вместе пообедать.

«Мушкетерская таверна» — так называется тихий прохладный ресторан в гостинице «Империал», где мы провели с Анандом несколько часов.

— У вас в Советском Союзе вышли мои романы «Кули» и «Большое сердце». Скоро я собираюсь быть в Москве. Сейчас закончил свой новый роман, «Старая женщина и корова», он выйдет в этом году на нескольких языках. Надеюсь, что книга будет издана и в России. Меня всегда интересуют люди, всю жизнь связанные

Харен Дас. СВЕТОТЕНЬ

с землей. Земля питает всех нас, я считаю, что она в центре всей жизни. На самом деле успех или неуспех того или иного правительства, как правило, решают земельные реформы.

Ананд отлично знает историю своего народа и долго говорит о том, как различные правители Индии относились к земле и, в зависимости от земельных реформ, добивались того или иного успеха.

— Наш народ почувствовал, что он может быть сильным. Он преодолевает в себе веками прививавшуюся ему приниженность. В самом деле, чем наш текстиль хуже английского? Но из-за конкуренции мы не могли развивать нашу промышленность.

Ананд долго и хорошо говорит о Джавахарлале Неру:

— Однажды Неру попросил меня написать книгу об истории индийской почты и телеграфа. Я немножко растерялся: я не историк. Но потом подумал: это же наша родная история! И написал. Потом я позвонил Неру и попросил его написать предисловие. Неру утром улетал в Китай, однако ночью он написал предисловие к моей книге.

Вы знаете, — продолжал Ананд,— я думаю, хорошо бы нашим писателям совместно с советскими писателями и кинодеятелями уже сейчас приступить к созданию картины о строящемся в Индии металлургическом заводе. Вам известно, что еще в третьем веке наш народ добывал металл из руды? Надо показать законное право индийского народа иметь свою тяжелую промышленность. Надо постепенно, шаг за шагом, от первого колышка снимать все строительство, а затем выпустить созданную совместными усилиями картину. Я знаю, что Аббас пишет сценарий об Афанасии Никитине и его путешествии в Индию. Это замечательно! Но на этом не надо останавливаться. Мы должны продолжать и развивать нашу дружбу. Вы согласны со мной? А еще я думаю: хорошо, если бы в Советском Союзе перевели некоторые индийские пьесы и поставили их на сцене. Сейчас начинает развиваться наш индийский театр. У нас есть старая драматургия. Есть сценические варианты этих старых пьес, которые можно поставить в ваших театрах. У вас замечательные театры, я знаю их!

Ананд полон энергии и какой-то особенной живости. Ему в этом году исполнится 50 лет, но Ананд выглядит значительно моложе. Хороший, зрелый возраст для писателя.

Как-то ко мне позвонили в гостиницу и спросили:

— Не могли бы вы встретиться с индийскими писателями, пишущими на хинди? Мы хотели бы услышать рассказ о втором съезде советских писателей. Нас очень интересует, чем живет сейчас советская литература...

Через два дня мы встретились в клубе имени Ромена Роллана. У входа стоял высокий седой человек с веселыми лукавыми глазами. Это известный в Индии журналист, член парламента Бенарси Дас Чатурведи.

Клуб имени Ромена Роллана помещается в двух больших комнатах бывшей казармы американских войск, располагавшихся здесь во время последней войны. Когда мы пришли, уже собралось около восьмидесяти писателей.

Чатурведи пригласил нас во вторую комнату, в которой был расстелен по всему полу ковер и стояли два — три стула. Писатели входили в комнату, снимали обувь и усаживались на ковер. Мы собрались было последовать их примеру, но Чатурведи сказал:

— Вы наши гости, вы должны сидеть на стульях.

Видимо, желая подчеркнуть уважение к русской литературе, один из писателей принес в комнату портреты Горького и Чехова.

— Клуб наш организован недавно, — обращаясь к нам, говорил Чатурведи. — Мы присвоили ему имя Ромена Роллана: великий французский писатель интересовался индийской литературой и переписывался с нами. Лично я получал от Роллана письма...

Здесь же находился невысокого роста человек, один из известнейших современных индийских писателей, друг Прем Чанда — Джанендра Кумар. Его романы «Отставка», «Сунита», «Прошлое» пользуются большой популярностью в Индии.

Два часа продолжалась беседа. Это был живой, пытливый разговор, показавший огромный интерес индийских писателей к проблемам, которыми живет советская литература. Провожая нас, Чатурведи сказал:

— Советские и индийские писатели должны чаще встречаться друг с другом. Нам очень близка ваша литература, мы видим в ней большую любовь к человеку. Нам неприятно читать книги некоторых западноевропейских и американских писателей, в которых из человека делают животное.

Я спросил Чатурведи, не может ли он показать мне письма, полученные им от Ромена Роллана.

— С удовольствием. Каждое слово Ромена Роллана принадлежит всему человечеству.

Очень часто нам приходилось встречаться с Рамом Кумаром. Он не только писатель, но и художник. Мы познакомились с несколькими его рассказами и почувствовали, что он очень любит Чехова.

— Да, это мой любимый писатель. Он очень человечен.

Я спросил Кумара, много ли у него вышло книг.

Кумар смутился:

— Нет, я совсем молодой писатель. Недавно напечатана книга моих рассказов. Разрешите подарить ее вам? Я больше живописец, чем писатель. Может быть, вы посмотрите мои работы? На днях открывается Всеиндийская выставка. Там есть три мои картины.

Это мы сделали с тем бо́льшим удовольствием, что собирались познакомиться с индийской современной живописью. Выставку открывал Президент Индии Раджендра Прасад. В памяти у нас были чудесные картины индийских художников, показанные в 1953 году в Москве. На выставке в Дели мы тоже увидели немало хороших картин. Главные удачи художников были там, где они следовали традициям национальной индийской живописи. Особенно хороши акварели Салаца Мукерджи «Лодки», «Ветер» и другие. Эти акварели точно и любовно воспроизводят жизнь и быт современной Индии. Так же хоро-

ши акварели Бимала Дас Гупта «Рыбная ловля» и пейзажи Ранбира Сингха Бишта.

Ярким зрелищем являлась картина Д. Джоши «Туалет», на которой изображены две индийские женщины, пышущие здоровьем. При виде этой картины вспомнились живые, яркие краски нашего Сарьяна. Большое впечатление производит «Портрет в черном сари» художника М. Ачарекара.

В отдельном зале выставлены картины рано умершей индийской художницы Анриты Шергиль. В ее работах чувствуется верность традициям индийской живописи и одновременно влияние французской живописи конца прошлого века. К сожалению, некоторые картины индийских художников носят на себе след явного подражания формалистическим исканиям западных живописцев.

На выставке мы увидели Рама Кумара. Он повел нас показывать свои картины.

Рама Кумара отличает острое пристрастие к социальным темам. Его картины «Семья», «Ужасы войны», «Мать и сын» не нуждаются в особых комментариях; видно, что художник на стороне простых людей, их надежд и мечтаний. Рам Кумар, волнуясь, смотрел нам в глаза.

— Какое впечатление у вас от моих картин?

Я сказал ему честно:

— Меня очень многое в них привлекает, дорогой Кумар. Мне трудно судить, я не большой специалист в живописи, но мне ближе реалистическая манера письма. Из ваших картин лучшей мне кажется «Семья»: в этой картине есть желание изобразить человека.

— Это моя последняя картина, — сказал Кумар. — Но я с вами не вполне согласен. Не обязательно в живописи показывать все, что художник видит вокруг себя. Зритель должен домыслить то, чего художник не изобразил.

Это был уже творческий спор...

Надо сказать, что основные вопросы художественного творчества живо интересуют индийских писателей, художников, кинодеятелей. Однажды нам довелось побывать на небольшой выставке делийских художников в Фреймасон-холле. Здесь выставка также делилась как бы на две половины. Часть художников продолжала традиции старой индийской живописи, другая была представлена картинами, в которых явно нарушена композиция и преобладает пестрая гамма часто несогласованных друг с другом красок. На этой выставке нас познакомили с высоким смуглым человеком, известным художником Барада Укилом. Он был руководителем делегации художников, приезжавших в 1953 году в Советский Союз с выставкой индийских картин.

— Мне самому здесь многое не нравится, — говорил нам Укил. — Некоторые наши молодые художники следуют за уже отживающими живописными модами западного искусства. Может быть, моды и хороши в одежде, но одежда, как известно, часто меняется. Что касается меня, то я являюсь верным поклонником классического индийского искусства.

Мы остановились около картин художника Бабеша Саньяла: «Базар в Низаммундине», «Соседки», «Девушка с гор». Особенно привлекла нас картина «Соседки»: две сидящие на земле женщины и рядом с ними — лежащий на спинке, смеющийся голый ребенок. Художник сумел уловить характерные подробности быта, картина шла прямо от жизни.

К нам подошел человек в сером пиджаке и спросил:

— Понравилось ли вам что-либо из картин?

— Нам нравятся, особенно вот эти две женщины.

— Спасибо,— сказал человек.— Это моя картина.

Это и был Бабеш Саньял, профессиональный художник и, кроме того, директор детской художественной школы.

В этот вечер закрывалась выставка молодых художников. Приглашены были художники, актеры, писатели, критики. После осмотра картин завязалась небольшая, но острая дискуссия. Выступала одна поэтесса.

— Искусство должно быть понятным. Непонятной поэзией нельзя увлечь детей, почему же она должна увлекать взрослых?

И она запела вместе с дочерью какую-то очень милую песенку с четким стихотворным размером и ясной рифмой...

— Поэзия должна быть простой, чистой, музыкальной, — такими словами закончила она свое выступление.

Одна индийская певица пела песню о дожде, другая — о флейте. У певиц были удивительно мягкие движения рук. Выступал архитектор и говорил, что формы архитектуры должны быть ясны и привлекать человеческий разум и чувство. Потом выступали танцовщицы, и мы снова были пленены изумительной пластичностью индийского танца...

Во время работы конференции стран Азии специально для делегатов было показано представление Бомбейской малой балетной труппы. Коллектив труппы работал под руководством ныне уже умершего режиссера Шантида.

В представлении удивительно хорошо сочетаются танец, пение и диалог. Называется представление «Завоевать сердца друзей». И хотя героями являются птицы и звери, а человек выведен в не очень приглядной роли охотника, уничтожающего их, все же гуманная идея дружбы народов проходит через одиннадцать картин спектакля.

Действующими лицами являются мышь и черепаха, олень и ворон. Они очень бедны, но трудолюбивы и хотят совершенствоваться. Вначале было показано, как все они разобщены, как велико их недоверие друг к другу. Перед лицом опасности все они объединяются. Одним из деятельных героев является мышь Хайраньяк, предусмотрительно живущая в норе со 100 дверьми. Она помогает многим. Ворон, которому в представлении отведена роль положительного персонажа, восхищенный мышью, предлагает ей свою дружбу. Но мышь колеблется: «Мы принадлежим к враждующим родам. Как же мы можем быть друзьями?» Ворон настаивает: «Давай покончим с этими вековыми предрассудками. Если мы оба захотим, мы сможем стать друзьями». Им помогает и мудрая черепаха. Она же в трудную минуту выручает оленя. «Ты можешь жить с нами, и мы будем жить вместе», — говорит черепаха оленю. В итоге посрамленный охотник уходит из леса, лес становится снова свободным, все животные смело выходят из укрытий и веселятся. Сцена заключается словами: «Если зверям дружба приносит радость и пользу, почему ее не ценит человек, который так мудр?»

Когда представление кончилось, все делегаты конференции и сотни индийских зрителей поднялись, восторженно приветствуя бомбейских артистов. На сцену вышли присутствовавшие на спектакле Рамешвари Неру, Го Мо-жо, Пак Ден Ай, Николай Тихонов, Александр Корнейчук и многие другие. Они пожимали руки артистам и поздравляли их с успехом.

На базаре в старом Дели.

Напряженной творческой жизнью живет индийский кинематограф. Не так давно по инициативе ведущих индийских киноактеров Раджа Капура, Наргис, Притхви Раджа и других, при поддержке правительства Индии был создан «Фильм-семинар», своеобразная творческая конференция деятелей кино. Она продолжалась почти неделю. Много горячих слов было произнесено с трибуны конференции. Много хороших слов было произнесено и в адрес Советского Союза, так тепло принявшего делегацию кинодеятелей Индии. Выступал на конференции и премьер-министр Индии Неру.

Нам довелось присутствовать на заключительном заседании, на котором собрались все участники семинара и гости. О популярности отечественной кинематографии можно судить хотя бы по тому, что по дороге к Национальной физической лаборатории, расположенной за городом, где происходила заключительная встреча, стояла толпа людей, жадно высматривая в проезжавших автомобилях своих любимых артистов.

Одна из старейших киноактрис Индии, Дурга Кхоте, благодаря организаторов творческой конференции за проделанную работу, сказала:

— Нас сорок лет не признавали, теперь признали. Хочется приложить все силы, чтобы индийская кинематография завоевала мировую популярность.

Директор Академии искусств доктор Радж Аманар горячо благодарил советское посольство в Индии, предоставившее для семинара советские фильмы, и делегацию китайских киноартистов, принявшую участие в работе семинара.

О том, что индийская кинематография растет, можно судить хо-

тя бы по тому, что в Индии выходит в год до 300 художественных и документальных фильмов. Мы уже знакомы со многими из них. В Индии нам довелось посмотреть несколько фильмов и последнего выпуска и более ранних. Мы видели новую индийскую картину «Теплый пиджак». Это история о том, как один плохо приспособленный к жизни мелкий почтовый служащий, обремененный семьей, мечтал о покупке нового пиджака. Потеряв в подкладке своего старого пиджака необходимые ему 100 рупий, он хотел покончить с собой, но два верных друга спасли его. Это грустная картина, в которой есть и веселые комедийные моменты. Отлично играет главную роль Нирупа Рой. И хотя в фильме нет никаких обобщений и не показана будущая дорога героев фильма, мы чувствовали, как она близка зрителям.

Нам довелось познакомиться с одной из известных индийских киноактрис, Девикой Рани, сейчас уже почти не выступающей в кино. Она пригласила нас посмотреть фильм 1937 года «Иззат» («Честь»).

Действие фильма происходит в XVII веке. Основная тема — борьба индийских крестьян с феодалами за землю. Кроме Девики Рани, в картине играет один из популярнейших индийских киноактеров, Ашок Кумар. В фильме много музыки, хороший народный юмор, отличные натурные съемки. И хотя конец фильма печальный — оба героя гибнут, — идея фильма оптимистическая: простой человек имеет право на свободную жизнь.

— Не забывайте, что фильм снимался до провозглашения независимости. Мы не могли тогда говорить полным голосом, — пояснил сопровождавший нас индийский друг.

Мы смотрели этот фильм во время фестиваля старых индийских картин в помещении «Сапрухауза». Несмотря на то, что картина была «старая», зрители заполнили зал до отказа. Во время сеанса часто раздавались аплодисменты, а когда на экране Девика Рани запела песню, в зале начали подпевать. Картина, выпущенная в 1937 году, попрежнему любима индийскими зрителями, популярность ее не иссякла.

В Индии сейчас немало думают о том, как наладить выпуск кинофильмов для детей, поминают добрым словом детские кинокартины Советского Союза.

Уже позже, встретившись с Девикой Рани, мы пожалели о том, что она сейчас не снимается.

— Я бы очень хотела получить от наших писателей сценарий, в котором были бы изображены драматические события 1947 года, когда Индия была разорвана на две части. Я видела мертвыми тысячи ни в чем не повинных людей. Я запомнила руку мертвеца, торчащую над песком. Люди должны дружить друг с другом!..

Около отелей в расчете на иностранных туристов продаются кустарные изделия, привезенные из всех частей Индии. Чего только здесь нет! Сверкающая под солнцем медная и бронзовая посуда, кубки из рогов, ожерелья, браслеты. Сюда, в Дели, поступают изделия из предгорий Гималаев и предгорий Тибета, здесь можно увидеть изделия кашмирских мастеров и работы мастеров юга Индии. Это — изумительное по красоте народное творчество, мастерство, переходящее из рода в род.

И когда сейчас вспоминаешь все, что видел в Индии, восстанавливаешь в памяти беседы с самыми различными людьми, — отчетливо возникает прежде всего то изумительное чувство прекрасного, которое живет в индийском народе. Вспоминаются люди, с которыми виделся и подружился, люди, поставившие целью своей жизни служение делу мира и прогресса на земле.

На одной из пресс-конференций, на которой присутствовало около сотни журналистов из разных газет, один юркий корреспондент спросил Рамешвари Неру:

— А кто же все-таки является организатором этой конференции?

Внимательно посмотрев на шустрого молодого человека спокойными и умными глазами, эта замечательная индийская женщина сказала:

— Я знаю, что индийские матери и жены скажут нам большое спасибо за то, что мы заботимся о мире и пытаемся удержать развязывание новой войны.

Ее устами говорила мудрость индийского народа.

Рамешвари Неру выступает на Конференции стран Азии по ослаблению напряженности в международных отношениях.

Фото П. Н. Шарма.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА РОМЕНА РОЛЛАНА

«Совестью Европы» называли Ромена Роллана. Подобно тому, как он в своей юности обратился к великому Толстому с письмом, в котором взволнованно спрашивал, как ему жить и работать, так и к нему самому много лет спустя с разных концов земного шара обращались люди с таким же вопросом.

Огромное эпистолярное наследство Р. Роллана, собранное и опубликованное лишь частично, имеет большую ценность для изучения богатого духовного мира знаменитого писателя, эволюции его воззрений, авторской оценки собственных произведений.

В этом смысле представляют несомненный интерес впервые публикуемые ниже два письма Ромена Роллана к старейшему индийскому журналисту и члену парламента Бенарси Дас Чатурведи.

О. ЛОЗОВЕЦКИЙ

I

Вильнев (Во). Вилла Ольга, 18 декабря 1936.

Дорогой господин Бенарси Дас Чатурведи, благодарю Вас за Ваше письмо. Я весьма польщен Вашим намерением написать мою биографию; я охотно предоставляю себя в Ваше распоряжение и готов дать Вам все сведения, которые вы пожелали бы от меня получить. Однако не так легко помочь Вам в этой задаче.

Действительно, не существует ни одной моей биографии, которая освещала бы с достаточной полнотой первые сорок — сорок пять лет моей жизни, ибо я никого не посвящал в события этого периода; друзей среди писателей я приобрел только в канун великой войны 1914 года. О моей жизни в довоенное время они писали лишь на основании слухов, которые часто искажают факты. Только моя сестра может быть свидетельницей этих лет.

Том моей переписки с Мальвидой фон Мейзенбуг (опубликованный мною лишь на немецком языке в издательстве «Энгельхом, наследники», — Штутгарт) — единственный источник, который может непосредственно восстановить события короткого периода моей юности — студенческие годы в Риме 1889—1891 гг.[1].

На протяжении всей жизни я вел дневник, но он останется неопубликованным до моей смерти.

Что касается периода войны (1914—1919), то лучшей книгой обо мне, помимо Цвейга, является работа П. Ж. Жува «Ромен Роллан в жизни» (издатель Альбен Мишель, Париж). Жув, бывший в то время моим частым собеседником, очень точно воспроизвел многое из наших разговоров и моих писем.

Что касается послевоенного периода моей жизни, то его идейный итог мною подведен в обширном предисловии к тому моих статей, озаглавленном: «15 лет борьбы», и опубликованном в 1935 году, в издании Ридера, в Париже. У моего дорогого друга Калидаса Нага есть экземпляр — Вы могли бы его одолжить.

Посылаю Вам последнюю книгу, выпущенную мною в этом году. Это — сборник литературных очерков, озаглавленных: «Спутники». Очерки эти отчасти носят автобиографический характер. Надеюсь, что Вы там найдете что-нибудь интересное для себя.

Поскольку для меня совершенно невозможно дать Вам всеобъемлющие сведения о моем жизненном пути, было бы лучше всего, если бы Вы прислали мне список точных вопросов, на которые я мог бы коротко ответить (к сожалению, у меня очень мало времени, моя жизнь перегружена общественными делами и я едва могу урвать в течение дня час для моей собственной работы). Калидас Наг также мог бы сообщить Вам много полезного: в дни, проведенные вместе, я много ему рассказывал о своей жизни и делился своими мыслями.

Прошу Вас, передайте нашему общему другу К. Ф. Эндрьюсу лучшие мои чувства и верьте моей самой сердечной симпатии.

Ромен Роллан.

Позвольте предложить Вам одну из последних моих фотографий. Она была снята летом 1935 года в Москве, у Максима Горького, у которого я тогда гостил.

II

Швейцария, Вильнев (Во).
Вилла Ольга, 24 января 1937.

Дорогой господин Бенарси Дас Чатурведи.

я получил Ваше письмо от 11 января.

1. Я ничего не писал о Кропоткине и не знаю хорошей его биографии, написанной во Франции.

2. Мой том статей «15 лет борьбы», вышедший в 1935 году в Париже, объяснит Вам мою нынешнюю позицию в вопросе о непротивлении. Оно могло бы быть действенным только в том случае, если бы в него глубоко поверил целый народ. В Европе такая вера живет сейчас лишь в немногих сердцах. В этих условиях требовать от народов высшей жертвы непротивления насилию было бы не только бесполезным с точки зрения задач борьбы, но и просто бесчеловечным, так как в их глазах такая жертва была бы неоправданной и напрасной. Я призываю их сейчас на Западе сопротивляться всеми силами варварскому нашествию фашизма, несущему порабощение и смерть, угрожающему поглотить всю нашу цивилизацию.

3. «Что поддерживает меня в дни отчаяния?» — Поток жизни, который наполняет меня, постоянно обновляет, обгоняет, который является частью всеобщего бытия. Начиная с юности, не было дня, когда я прервал бы эту постоянную связь с потоком жизни.

4. Жизнь моя изобиловала испытаниями, и мне трудно назвать самое горестное из них. Я потерял много дорогих мне людей. Многие друзья предали меня. Но из всех печалей самый глубокий след в моем сердце оставила смерть матери (в 1919 году). Она была для меня больше, чем матерью — моим спутником в бедствиях, советчиком, лучшим другом.

5. Нет и не будет до самой моей смерти издания моих писем на французском языке. Я только опубликовал на немецком языке первый том моей переписки, в бытность мою студентом в Риме, в 1889—1891 гг., с великой немецкой «идеалисткой» Мальвидой фон Мейзенбуг, которая была моим другом моей юности. (Издание Энгельхом в Штутгарте. Французского перевода не было.)

6. Стефан Цвейг, преследуемый националистами и фашистами, вынужден был покинуть Австрию. Его теперешний адрес — Лондон, W1, Халлэм Стрит, 49. Однако он часто путешествует. С тех пор, как появилась посвященная мне книга Цвейга, опубликованы и другие на французском языке. Лучшая из них — профессора Кристиана Сенешаля, Париж. Вот его адрес: 6 авеню Поль Аппель, Париж XIV. Я думаю, что он мог бы предоставить Вам много интересных документов. С другой стороны, ему тоже было бы не бесполезно познакомиться с Вами в связи с его новой работой, — о Жане Кристофе и распространении этой книги по всему миру.

Сердечно преданный Вам

Ромен Роллан.

[1] Эта переписка с моей давнишней немецкой знакомой, которая была также другом Вагнера, Ницше, Мадзини и других, продолжалась до 1903 года; я собирался опубликовать ее полностью. Но гитлеровская контрреволюция в Германии запретила мои книги, и издание было приостановлено. (Примеч. автора.)

ВЫСТАВКА В ПЕКИНЕ

Чжоу Чан-гу (род. в 1929 году). ДВА БАРАШКА. Цветная тушь.

Дун Си-вэнь (род. в 1914 году). ВЕСНА ПРИШЛА В ТИБЕТ. Масло.

У ЦЗО-ЖЭНЬ,
заместитель председателя Союза китайских художников

Павильоны Второй Всекитайской художественной выставки в Пекине этим летом были постоянно заполнены посетителями. Они приходили сюда знакомиться с успехами, достигнутыми китайским искусством за последнее пятилетие. Около тысячи работ было представлено здесь. Выставка наглядно свидетельствовала о возросшем мастерстве художников. Особенно знаменательно успешное выступление молодых художников: работа каждого из них проникнута свежим дыханием юности.

Богата и разнообразна история китайского изобразительного искусства. Живопись маслом — новая, по существу, для нас форма — в течение почти полувека развивалась мало; не менялось и ее содержание, предопределенное традициями. Зато современные живописцы, оставаясь верными национальному стилю, посвящают свое искусство жизненно важной тематике. Полотна наших живописцев отражают пафос самоотверженной борьбы трудящихся за построение социализма.

Развитие городского строительства вызвало расцвет монументальной и декоративной скульптуры. И здесь бережно сохраняются и развиваются дальше замечательные традиции древних китайских мастеров.

Лубочные картины всегда пользовались огромной любовью многомиллионных масс китайских трудящихся, в особенности крестьян, украшавших лубком свои жилища. Ныне многие лубочные картины, плакаты, карикатуры, гравюры тесно связаны с жизнью народа и подчас играют роль острого революционного оружия, разоблачая все, что мешает росту нового.

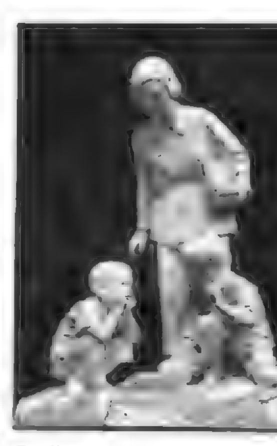
Смотр изобразительного искусства, оценка его народом вдохновляют китайских художников на еще бо́льшие успехи в будущем.

Пекин.

←
Ци Бай-ши (род. в 1860 году). СОКОЛ НА СОСНЕ. Тушь.

У Цзо-жэнь (род. в 1908 году). ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА ЦИ БАЙ-ШИ. Масло.

Пан Хао (род. в 1926 году). ПОСЛЕ УРОКОВ. Гипс

Ли Ху (род. в 1918 году). ГОСТЬЯ НА СТРОЙКЕ. Цветная тушь.

Писатели и книги

«Ястребовы»

В Курске под этим названием вышел роман. Имя автора — Михаил Обухов — мало кому известно. «Ястребовы» — первая его книга. Прежде Обухов был учителем, потом журналистом. Он принадлежит к тому поколению, которое в ранней юности участвовало в гражданской войне, а потом в трудных и сложных классовых битвах двадцатых годов. Этот период и отражен в романе.

Ястребовы — русские крестьяне. Два брата и мать. А в более широком смысле это миллионы советских людей, поднявшихся благодаря социалистической революции из самых низов к культуре и знаниям. Для многих советских людей старшего поколения роман воскресит их трудную, овеянную революционной романтикой молодость. Они найдут в «Ястребовых» частицу своих чувств, дум, тревог и ожиданий, увидят свои лишения, скорби и радости. Они узнают в романе самих себя.

В книге несколько пересекающихся сюжетных линий, общих и частных. Ястребовы и примыкающие к ним по идейным устремлениям герои противостоят Бородиным и Благосклоновым, яростно отстаивающим позиции старого мира. А между этими воюющими лагерями такие, как Федор Донсков с дочерью Параней, Константин Васильевич и Валентин Евгеньевич... Честные люди, они мучительно ищут свой путь в будущее и иногда, сами того не желая, невольно помогают врагам.

Сюжет острый, напряженный, занимательный. Автор правдиво показывает огромные трудности и лишения, которые приходится преодолевать его героям на пути к знаниям, к счастливой и светлой жизни. Наша молодежь, прочитав этот роман, будет лучше ценить то, чем она пользуется ныне как принадлежащим ей по праву.

В отличие от других романов о коллективизации действие в «Ястребовых» происходит и в деревне, и в городе — в университете. Острая классовая борьба показана на широком фронте: в сельском хозяйстве, в науке, искусстве, литературе, в партийной и комсомольской жизни.

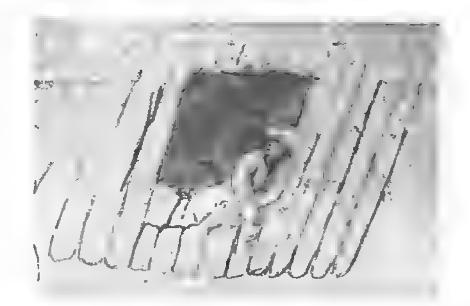
В романе есть немало волнующих сцен и живописных картин, свидетельствующих о художественном даровании автора. Таковы, например, страницы, где изображаются безработица, комсомольские собрания, сцены в доме кулака Бородина. Хороши некоторые диалоги.

К сожалению, в романе немало пустых мест, повторений. В частности, очень слабо и растянуто начало произведения. Надо надеяться, что, переиздавая роман «Ястребовы», автор основательно над ним поработает.

М. Обухов. Ястребовы. Роман. Курское книжное издательство. 1955 год. 580 стр.

М. ШПЕРИН

Неизвестный рисунок Д. Веневитинова

В сентябре этого года исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося русского поэта XIX века Дмитрия Веневитинова (1805—1827). Литературное наследие поэта состоит не только из лирических стихотворений и нескольких оригинальных прозаических произведений. Им переведен ряд отрывков из «Фауста» и «Эгмонта» Гете, из повести Гофмана. Веневитинов опубликовал критические статьи о Пушкине и Байроне, несколько специальных работ по философии. Он отличался также талантами в музыке и живописи.

Среди вновь найденных в Государственной библиотеке СССР имени Ленина рукописей и рисунков Д. Веневитинова представляет интерес карандашный набросок, сохранившийся в бумагах племянника поэта, Михаила Алексеевича Веневитинова, бывшего директора Румянцевского музея. Рисунок был сохранен Бутеневым, подарившим его впоследствии М. А. Веневитинову. Приложенная к рисунку записка Бутенева гласит: «Мужик на крыше кабака, смотрящий на погребальное шествие при перевозе тела имп. Александра 1 из московского Кремля в СПбург. С натуры. Рисовано Дмитрием Веневитиновым в моей комнате на квартире дяди Алексея Петровича Титова, на углу Тверской и Палашевского пер., дом купца Ладыгина, зимой 1825—1826 года».

Из дневника М. П. Погодина от первых чисел февраля 1826 года мы знаем, что «жители ...старались отличить дни сии не только сердечным умилением и всеобщею тишиною, но даже и наружным убранством домов своих». Тем более «умилительной» выглядит на этом фоне зарисованная Веневитиновым фигура крепостного, наблюдавшего за процессией с крыши кабака.

Б. СМИРЕНСКИЙ

ПО ТАЙГЕ И СТЕПЯМ ЗАБАЙКАЛЬЯ

И. МОНЧАДСКАЯ

Фото Ф. ЛАТЫПОВОЙ.

Самолет идет из Читы на север, в Каларский район — центр забайкальского оленеводства и промысловой охоты на пушного зверя. Далеко внизу проплывают островерхие горы, дремучая тайга, петляют бурливые северные реки.

Когда-то сюда добирались только на оленях или на лодках. Путь длился месяц. Теперь через три часа после вылета из Читы мы уже у цели, в поселке с поэтичным названием Чара. Это центр Каларского района.

Среди встречавших у самолета мы заметили маленькую девочку-эвенку верхом на олене. У нее узкие черные глаза, смуглое лицо.

— А тетя моя не прилетела? — спрашивает она.

Евдокия Прокопьевна Габышева, тетя шестилетней Наташи, должна была вернуться с сессии областного Совета, но задержалась в Чите.

— Улетела без меня и вот не возвращается,— недовольна Наташа.— А я из детского садика отпросилась, чтобы ее встретить.

Наташа любит путешествовать. В прошлом году летом она вместе с Евдокией Прокопьевной ездила в Ленинград.

В нынешнем году земляки второй раз избрали Габышеву депутатом Читинского областного Совета. К ней идут за помощью, за советом жители каларских сел, и во дворе ее небольшого домика в Чаре часто можно увидеть упряжку оленей, привезших посетителя.

Е. П. Габышева заведует Каларским районным отделом народного образования. В ее ведении шесть школ с интернатами. Здесь живут на полном государственном обеспечении ученики, родители которых проводят зиму в тайге или кочуют в горах с колхозными стадами оленей.

Богата и разнообразна охота в Каларской тайге. Шустрая белка, забавный полосатый бурундук, горностай, золотистый колонок, ондатра, чей мех славится удивительной мягкостью, соболь — мечта промыслового охотника — и многие другие звери водятся в таежных дебрях. В прошлом году охотники Каларского района сдали государству более 60 тысяч беличьих шкурок, 366 шкурок колонка, 167 — горностая.

В Чаре мы видели двух приятелей-охотников: эвенка Степана Пав-

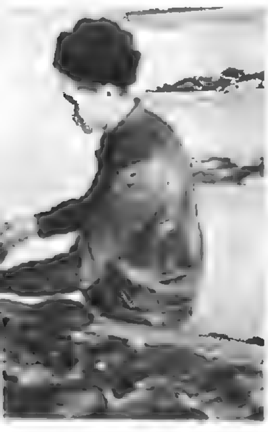

лова и якута Николая Павлова из колхоза имени Ворошилова. Весь сезон охоты они пробыли в тайге, добыли несколько тысяч белок и шестнадцать соболей. Охотовед конторы Заготживсырье Ф. Кутюшев, которому они принесли меха, высоко оценил добычу охотников.

Ф. Кутюшев и его жена товаровед-меховщик К. Хаустова в прошлом году окончили техникум в Сходне под Москвой и приехали в этот далекий северный поселок.

Наряду с охотой основным занятием каларских колхозников является оленеводство. Некоторые стада оленей насчитывают до ты-

сячи голов. Бригада оленеводов, чаще всего одна семья, перегоняет стадо с одного пастбища на другое, выбирая, где побольше ягеля — серо-зеленого лишайника, который служит кормом животным.

В селении Кюсть-Кемда, где находится центральная усадьба колхоза «Красный таежник», мы познакомились с семьей оленевода Тимофеева. Лишь накануне Тимофеевы спустились с гор. В колхозе они получили деньги — аванс за выработанные трудодни, запаслись продуктами и необходимыми веща-

ми и снова отправились в горы, к оленьему стойбищу.

В горах оленеводы эвенкийских колхозов живут в юрте. Ее удобно перевозить при перемене пастбища, она легко и просто складывается и вновь устанавливается. Легкая железная печка с выведенной кверху трубой дает достаточно тепла. На новых местах оленеводы обязательно устанавливают настоящую юрту и в метрах пятистах от нее фальшивую, которая служит ориентиром для оленей. Олени не убегают в лес, если поблизости видят людское жилье. Отойдя в поисках ягеля подальше от жилой юрты, они видят палатку и прибиваются к ней...

Из оленьих шкур выделывается самая лучшая, самая нежная замша, шьются унты, дохи, рукавицы, коврики, украшенные орнаментом. В эвенкийских селах немало искусниц, сделанные ими меховые вещи прочны, удобны, красивы.

Вот в одном из домиков Чары собрались в кружок рукодельницы. Справа, в темной косынке, сидит Ольга Федоровна Кириллова. Она приехала в гости к родным из селения Средний Калар, за 250 километров отсюда. Сейчас она занята чисто женским делом — шьет рукавицы из оленьей замши. А зиму и начало весны Ольга Федоровна провела в тайге, охотилась. На приемный пункт Кириллова сдала белок и колонков на восемь тысяч рублей.

...Обширность территории и разнообразие природы Читинской области ощущаешь особенно остро, если из районов крайнего севера сразу отправишься на юг. Несколько часов в самолете, и перед нами уже не горные вершины и синяя тайга, а безбрежная желтая Агинская степь с мягкой, волнистой линией сопок на горизонте. Вольный ветер доносит сюда сухое и горячее дыхание пустыни Гоби. Едешь по степи и, точно мираж, видишь вдали силуэты верблюдов. Бурят в национальном костюме — тырлыке, похожем на халат, в остроконечной, отороченной овечьим мехом шапке, проскачет на низкорослом забайкальском коньке. На обочине дороги мохнатым столбиком сидит вылезший из норы на солнышко тарбаган. На склонах сопок то тут, то там темнеют, словно разостланные шерстяные ковры, овечьи отары.

По необозримым землям агинских колхозов разбросаны овечьи кошары — постройки, где овцы ягнятся, укрываются во время зимней пурги. Иногда десятки километров отделяют кошары от колхозных селений. Месяцами не бывают чабаны у себя дома. Но они не заброшены, не забыты. Передвижные красные юрты сельских Советов регулярно объезжают дальние кошары, привозят чабанам журналы

и книги, проводят для них лекции и беседы, оказывают медицинскую помощь.

В красной юрте Зугалайского сельского Совета встретились старший чабан колхоза имени Ленина Дарма Балданов и председатель Зугалайского сельского Совета Цыбегмит Гомбоева. Она приехала, чтобы посмотреть, как идут дела в отаре.

Возвращаясь в Зугалай, мы увидели в стороне от дороги постройки, огороженные высоким плетнем. Это ферма колхоза имени Ленина. Начало ей было положено около двадцати лет назад, когда сюда привезли телочек-симменталок из Смоленщины, с Сычевского племенного рассадника. В результате последующих скрещиваний получилось высокоудойное стадо, не боящееся злых байкальских морозов.

За молодняком заботливо ухаживает телятница Долгоржап Базарсадаева. В прошлом году она вырастила 48 отличных телят. По ее предложению на ферме введен холодный метод воспитания молодняка. Базарсадаева получила право поехать в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

ЛАГЕРЬ АЛЬПИНИСТОВ

Алексей Лыжин (внизу) и Александр Кузнецов совершают подъем по отвесной скале.

Фото И. Кенарского.

Узкая горная тропа, вьющаяся среди альпийских лугов над бурной, словно кипящей, речкой Средний Талгар, приводит нас на большую поляну, сплошь покрытую ковром пестрых цветов. В горах Заилийского Ала-тау на высоте 2600 метров расположен альпинистский лагерь металлургов «Талгар». А со всех сторон его окружают вершины, названия которых говорят о том, что мы находимся в гостях у альпинистов-металлургов,— пик Металлург, перевал Тагильцев, вершина и ледник Копр.

Каждое лето сюда съезжаются доменщики и сталевары Кузнецкого и Магнитогорского комбинатов, металлургических заводов Челябинска, Златоуста, Чусовой, медеплавильщики Балхаша и Краснотурьинска.

В лагере спортивного общества «Металлург» побывают за сезон более 400 рабочих, мастеров, инженеров. Они изучают технику лазания по скалам, учатся рубить ступеньки во льду. А в заключение — многодневный поход и восхождение на вершину горы Юбилейная высотой в 4 тысячи метров.

Мы встретились в лагере с бригадиром теплосилового цеха Металлургического завода имени Серова уральцем Сергеем Соболевым. Семь лет он увлекается альпинизмом и за это время совершил немало интересных и сложных восхождений.

Вместе с Соболевым в горы приехали его ученики: электрик Юрий Ермолаев, наладчица Любовь Савельева, слесарь Игорь Созин.

Несколько лет тому назад в лагере «Талгар» впервые побывал электрик Чусовского металлургического завода Павел Шумихин. Молодому уральскому рабочему пришлась по вкусу живописная природа Тянь-Шаня, суровый, но увлекательный альпинистский спорт. Он за эти годы окончил школу инструкторов альпинизма ВЦСПС, совершил ряд трудных восхождений на вершины Главного Кавказского хребта. В этом году Павлу Алексеевичу Шумихину присвоено звание мастера спорта СССР.

Молодого мастера спорта мы также встретили в лагере. Он готовился к траверсу Талгарской подковы — сложному восхождению, куда входит подъем на вершину Краульчит-тау по северной стене, восхождение на вершины Чекист, пик Саланова, Актау, Копр и спуск по северо-западному гребню вершины Металлург. В этом маршруте 12 вершин, из которых 3 вершины особо трудные.

Вместе с Шумихиным к этому восхождению готовится целая группа воспитанников лагеря «Талгар»: вальцовщик сортопрокатного цеха Кузнецкого металлургического комбината Шерстюк, инженер рудника Мундыбаш, М. Меняйлов, мастер Златоустовского металлургического завода А. Лыжин и бригадир, инструктор Челябинского цинкового завода А. Кузнецов.

Вечереет. В палатках и домиках альпинистского лагеря зажглись электрические лампочки. Светло и в клубе. Здесь собрались альпинисты. Они слушают рассказ руководителя предстоящего штурма на пик Победы мастера спорта Владимира Шепилова о прошлогоднем восхождении на вершину Тянь-Шаня — Хан-Тенгри.

А. ШАФРАН

Инструктор альпинизма Сергей Соболев показывает своим ученикам, как надо подниматься по камину.

Французские художники

Внимание передовой общественности Парижа привлекла в 1954 году выставка произведений двух художников — Бориса Таслицкого и Мирей Мьель, посвященная современному Алжиру. В своих работах художники рассказали о мужестве людей, борющихся за свободу, счастье. Такую благородную цель Таслицкий ставил перед собой уже много лет назад, когда рисовал участников митингов Народного Фронта, бастующих рабочих на заводах, делал наброски портретов заключенных, запечатлевал сцены человеческого страдания в тюрьмах — нацистской каторге.

Проникновение вглубь народной жизни, участие в решающих ее событиях, желание познать и полнее отобразить действительность обусловили реалистический метод рисунка и живописи, сказались на всем мастерстве Таслицкого.

За полтора месяца, проведенные в Алжире, Борис Таслицкий и Мирей Мьель сделали около 400 этюдов и набросков — портреты, массовые сцены, пейзажи. Работы художников лишены какого-либо привкуса экзотики. Художники не только видели жизнь алжирского народа своим острым глазом, но и ощущали ее сердцем, открытым навстречу страданиям тружеников, их чаяниям и стремлениям. Эти произведения волнуют страстным отношением авторов к своей теме, любовью и уважением к изображенному человеку.

Мирей Мьель имела возможность жить и работать среди женщин, к которым доступ Таслицкому был закрыт: алжирские женщины все еще скрывают свои лица под густым покрывалом. Мирей Мьель присутствовала на собрании алжирских женщин в защиту мира и создала на эту тему картину. Неграмотные вместо подписи прикладывают к бумаге палец, зачерненный сажей. Сколько в этом произведении волнения, ощущения пробуждающегося единства в борьбе за мир!

Страстным протестом против эксплуатации детей и подростков на полях алжирских помещиков проникнута картина Мирей Мьель «Юные сельскохозяйственные рабочие».

С суровым реализмом изобразил Б. Таслицкий повседневный быт трудового люда в картине «Семья горнорабочего из Бени-саф».

В картине «Подпольное собрание сельскохозяйственных рабочих в горах» Таслицкий показал растущую спаянность, рост сознания масс. Правда, сам художник ставит себе в вину недостаточно глубокую психологическую разработку характеров людей, изображенных в этой картины.

Творчество прогрессивных художников Франции отмечено стремлением к реализму, к народности и идейности искусства.

К. КРАВЧЕНКО

Мирей Мьель. Собрание алжирских женщин в защиту мира.

Мирей Мьель. Юные сельскохозяйственные рабочие. Алжир.

Борис Таслицкий. Подпольное собрание сельскохозяйственных рабочих в горах. Алжир.

Борис Таслицкий. Семья горнорабочего из Бени-Саф

У МОРЯ

Рассказ

Леонид ВОЛЫНСКИЙ

Рисунки П. Караченцова.

Раннее апрельское утро. По центральной аллее санаторного парка идут двое. Впереди, тяжело опираясь на суковатую палку и за каждым шагом подтягивая ногу, медленно движется невысокий человек в куцем коверкотовом пальто и несмятой, стоящей торчком велюровой шляпе травянисто-зеленого цвета. Второй — краснолицый, также небольшого роста, морячок в бушлате и сбитой на затылок бескозырке — идет в двух шагах позади.

Под старым, кряжистым каштаном человек в шляпе останавливается, цепляет рукоятью палки нависшую над аллеей ветку, притягивает ее к себе и, подняв голову, долго нюхает набухшую, коричневато-зеленую почку. Морячок стоит сзади и хмуро глядит в сторону. Наконец человек в шляпе отпускает ветку; она распрямляется, роняя росу. Одна крупная капля повисает у него на шляпе, другая скатывается по щеке.

— Лицо утрите...— угрюмо говорит морячок.— Щеку...

Человек в шляпе утирает платком щеку и влажный от напряжения лоб.

Вскоре аллея заканчивается, и за невысоким каменным парапетом открывается море — жемчужно-серое, дымящееся, сливающееся у горизонта с небом и от этого совсем беско-[redacted]

Человек в шляпе усаживается на стоящую у парапета скамью, осторожно протянув вперед негнущуюся ногу и поставив палку между коленями. Морячок останавливается сзади, за спиной. В тишине слышно, как внизу, под обрывом, шелестит и слабо плещет прибой. Проходит пять, десять, пятнадцать минут... Человек сидит неподвижно, сгорбившись, опершись подбородком о кривую рукоять палки, глядя вдаль прищуренными зеленоватыми глазами из-под нависших выцветших бровей. Морячок переминается с ноги на ногу, нащупывает в кармане пачку, осторожно вытягивает из нее смятую папиросу и закуривает, кашлянув в тот момент, когда загорается [redacted]

— Федченко! — произносит человек, не отрывая подбородка от палки.— Папиросу!

— Товарищ адмирал...— говорит морячок.

Скуластое лицо его еще больше краснеет; он надламывает гильзу и зачем-то поворачивает ее огоньком вовнутрь согнутой ладони.

— Ну?..— произносит адмирал.

Федченко видит, как под шляпой темнеет, наливаясь кровью, его затылок. Он вздыхает и достает из кармана пачку. Адмирал, не оборачиваясь, берет папиросу и спички.

Постепенно парк наполняется отдыхающими. Поодиночке и группами они проходят мимо, здороваясь. Адмирал приподнимает шляпу и долго смотрит каждому вслед.

Наконец у столовой звонят на завтрак. Частые удары железной палки по обрубку рельса звучат, как сигнал пожарной тревоги. Парк быстро пустеет; в тишине снова слышно, как шелестит прибой и как в столовой стучат посудой.

— Завтракать...— говорит Федченко.

Адмирал сидит еще несколько минут, опершись подбородком о палку. Затем делает усилие, чтобы подняться. Федченко, прикусив губу, берет его сзади подмышки и, натужившись, приподнимает.

Вскоре после завтрака приходит врач.

— Ну-с, как нам спалось? — весело спрашивает он, сбрасывая на стул накинутое поверх халата пальто.

— Отлично,— говорит адмирал.

Доктор потирает руки, усаживается против адмирала, упираясь в его колени своими, достает большие серебряные часы, протягивает руку за пульсом, произносит «так-с» и считает

про себя, приподняв брови и глядя на секундную стрелку.

Адмиралу нравится доктор. Ему нравится его смуглое лицо, умные черные глаза, седая бородка клинышком, мягкие, чисто вымытые руки с коротко остриженными ногтями; ему нравится его круглая белая шапочка, старинные часы с двойной отскакивающей крышкой. Нравится ему и то, что доктор в свои семьдесят шесть лет не ходит, а бегает и еще посмеивается над молодыми. И поэтому не хочется говорить о том, что спалось сегодня далеко не отлично, и что ночью снова немели, набухая, мочки ушей, и что голова наливалась горячим, и казалось, все вот-вот начнется сна-[illegible]

— Ну-с, превосходно,— говорит доктор, прищелкнув крышку часов, хотя знает, что вовсе и далеко даже не превосходно.— А теперь разденемся...

Он помогает адмиралу снять пиджак и рубашку, достает из кармашка деревянный стетоскоп и принимается выслушивать.

Федченко видит, как адмирал дышит, глядя поверх склоненной докторской головы напряженными, тревожными глазами. Он отворачивается и выходит на цыпочках, осторожно притворив за собой дверь.

Просторная, выложенная оранжевыми плитками терраса залита солнцем. Федченко закуривает и стоит, комкая в пальцах папиросную гильзу и часто затягиваясь.

Станислав Иваныч, санаторный садовник, высокий худой старик в брезентовом фартуке и с прокуренными висячими усами, подходит к террасе, держа в руке жиденький букет.

— Дома? — спрашивает он, приподняв сшитую из кусочков черной кожи фуражку.

— Нельзя до него,— хмуро отвечает Федченко.

— Хотел, это самое, цветочков занесть,— говорит садовник и приподнимает букет над перилами.

— Давай,— говорит Федченко. Он, не глядя, берет букет и кладет его на перила.

Станислав Иваныч, отвернув фартук, достает из кармана кисет и неторопливо сооружает самокрутку.

— Хотел, это самое, повеселее нарезать,— говорит он, послюнив готовую цыгарку и огладив ее корявыми, в земле пальцами.— Так нема уже, пустая оранжерея, одни белые астры та цикламенты поставались...

Он закуривает, распространяя вокруг запах махорки.

— Я вообще оранжерейный цветок не уважаю,— говорит он.— Для меня он вроде неживой...

Федченко молчит, хмурясь и глядя через плечо старика вдаль, на кусты и деревья, одетые серо-зеленой дымкой нераспустившейся листвы. Станислав Иваныч внимательно взглядывает на него, покашливает и тихо спрашивает, кивнув на дверь:

— Ну, как ему тут, у нас? Получшало?

— Хорошо ему,— усмехается уголком рта Федченко, все еще глядя вдаль.— Лучше и быть не может.

— Да-а!..— понимающе вздыхает Станислав Иваныч и дует на самокрутку, роняя крупные махорочные искры.— Кондратий, дело такое... Как говорится, первый звонок...

— А ну, папаша, довольно баланду травить,— неожиданно говорит Федченко.— Давай, топай отсюда!

Он сильно краснеет и, взяв с перил цветы, уходит обратно в дом.

К полудню море впитывает всю синеву неба. У самого берега оно еще слегка желтоватое, в кружевной оторочке пены, а чуть подальше — лазоревое и густосинее.

Адмирал сидит на своей скамье, сняв шляпу и подставив лысеющую голову мягкому апрельскому солнцу. Легкий, неслышный ветерок ерошит его светлые, зачесанные набок волосы. Спутанные, они падают прядями на лоб, и тогда лицо его становится совсем таким, каким оно было тридцать пять лет тому назад: лицом флотского весельчака с щелочками-глазками и носом-картофелиной...

Он убирает растрепавшиеся волосы, надевает шляпу и сразу стареет с виду. Юноша в синем спортивном свитере и светловолосая девушка в легком пыльнике идут вдоль парапета, оживленно переговариваясь и смеясь; завидев его, умолкают и проходят, замедлив шаг. Девушка кланяется ему, он отвечает, приподняв шляпу, и долго смотрит им вслед. Они, не торопясь, доходят до лестницы, а повернув на нее, тотчас срываются в бег — вниз, к морю. Девушка обгоняет, пыльник ее вздувается и трещит, как парус...

Адмирал улыбается грустной улыбкой, расстегивает пальто. На солнце уже совсем тепло. Он откидывает голову, закрывает глаза. Вот так слышнее становится запах весны.

Чем же она все-таки пахнет? Согретой землей, каштановыми листьями, морем? Он глубоко вздыхает, еще и еще раз. Чем же?..

Слышен легкий скрип гравия. Кто-то подходит и останавливается. Он сидит еще секунду с закрытыми глазами и открывает их. Какой-то высокий незнакомый, в накинутом на плечи габардиновом плаще, стоит у парапета и смотрит на море. Адмирал хочет снова закрыть глаза, но тут высокий оборачивается и говорит, улыбаясь:

— Такое синее, и вдруг черным назвали...

— Да-а...— улыбается в ответ адмирал.

— Разрешите?

— Пожалуйста.

Высокий, аккуратно подобрав плащ, садится, поправляет пальцем очки.

— Поверите,— говорит он,— стыдно признаться, но вот впервые в жизни вижу море.— Он смеется, обнажая крупные желтоватые зубы.— Волжанин я,— прибавляет он, как бы оправдываясь.

— Ну, значит, земляки,— говорит адмирал.— Я ведь тоже волгарь. Сормович... Только и не помню уж, какая она, Волга...

— Давно не бывали?

— Давненько,— усмехается адмирал.

Он смотрит, прищурясь, вдаль, словно еще может увидеть те давние годы.

— Ну как? — спрашивает адмирал.— Нравится вам здесь?

— Для меня,— говорит высокий,— как для человека, в основном здорового, самое ценное в отдыхе — это, так сказать, новые впечатления. Ну и вот...— Он снова притрагивается пальцем к очкам и, помолчав, прибавляет: — Очень красивое море... Предчувствуешь это, готовишь себя, но когда в первый раз видишь воочию...

— Да, это верно,— соглашается адмирал.— Уж на что я, и то, бывает, залюбуюсь... И в самые тяжкие дни, случалось... Вот видите, коса? — Он указывает палкой.— Теперь там рыбачий поселок. А в сорок первом там у нас береговая батарея стояла. А командный пункт по ту сторону был. Там берег вот так идет...

Он наклоняется и с усилием чертит палкой извилистую линию, вспарывая гравий и обнажая влажную, темную землю.

— Так вот, здесь был командный пункт...— Он чертит палкой крестик.— А вот здесь другая батарея. А вот тут немцы пытались высадить десант...

У здания столовой дробно стучат по обломку рельса.

— Андрюша! — слышится певучий женский голос.— Андрей Михайлыч! Обедать!

— Иду! — откликается высокий.— Извините...

— Пожалуйста,— отвечает адмирал.

Он сидит несколько минут неподвижно, нахохлившись, затем принимается тщательно зачеркивать палкой извилистую линию.

После обеда, в час отдыха, он засыпает. Том Станюковича, выпавший из рук, лежит у него на груди. Федченко подходит на цыпочках, осторожно снимает книжку, стараясь не видеть лица адмирала, на котором сквозь привычные черты проступает какое-то новое, совсем чужое выражение.

Он кладет книжку на стул, опускает шторы и выходит, стараясь не скрипнуть дверью.

На террасе он осматривает себя, сдувает с бушлата пушинку, сбивает бескозырку на затылок и направляется через парк к небольшому, в четыре окна, одноэтажному домику, крытому черепицей. Из трех окон доносится сухой треск биллиардных шаров. Из четвертого — разит одеколоном.

Федченко еще раз осматривает бушлат, закидывает наперед одну ленточку и входит.

Парикмахерша Валя правит на ремне бритву, равнодушно глядя в окно, а в кресле сидит намыленный клиент. Федченко цепляет бескозырку на вешалку, приглаживает ладонью волосы и усаживается, краснея. Валя бросает на него беглый взгляд, приподнимает тонкие, нарисованные брови и спрашивает у клиента:

— Не беспокоит?

Федченко берет со столика старый номер «Крокодила» с завернувшимися уголками и принимается рассматривать картинки, которые давно уже знает напамять.

— Массаж? — спрашивает Валя.

— В обязательном порядке,— отвечает клиент.

Федченко краем глаза видит, как она мнет ему щеки и гладит их своими длинными пальцами с яркокрасными ногтями. Потом она прикладывает к его лицу дымящуюся салфетку, прыскает одеколоном и пудрит. Клиент наклоняется к зеркалу, щупает подбородок.

— Как молодой бог,— говорит он.— Теперь, пожалуй, можно и шарики погонять...

Он рассчитывается и выходит.

— Прошу,— говорит Валя, сдерживая улыбку.

Сидя в кресле, томясь от валиных прикосновений, Федченко говорит:

— Вы вечером сегодня что делаете?

— А что? — отвечает она.— В город поеду.

— А вы не ездите. Дело есть.

— Не разговаривайте, обрежу... А какое дело?

— Поговорить надо.

— А вы сейчас говорите.

— Обстановка неподходящая. Еще и взаправду обрежете.

— Одеколон?

— Брызните трошки. Ух, пекучий, дьявол!.. Так вы после отбоя приходите к лестнице.

— Постараюсь. Пудры?

— Не надо, ну ее к лешему! Так придете?

Федченко выходит из парикмахерской бодрый. В биллиардной стучат шарами и разговаривают. Он закуривает и не спеша, вперевалочку идет по центральной аллее, жмурясь от солнца.

Адмирал просыпается в половине шестого. На спущенных шторах лежат расплывчатые, неподвижные тени ветвей. Федченко сидит у стола и читает, беззвучно шевеля губами.

Адмирал несколько минут смотрит на него задумчивым взглядом, едва заметно улыбаясь, затем хмурится и говорит:

— Одеваться. Душно.

Федченко помогает ему влезть в рубашку, подает пиджак, приподнимает левую руку и вкладывает ее в рукав.

— Может, пальто не надевать? — спрашивает адмирал.

— Нельзя! — строго говорит Федченко.

Он надевает на адмирала ненавистное куцее пальто... Порой ему всерьез кажется, что в этой одежке — все горе...

Они выходят в парк. Со стороны волейбольной площадки доносятся бухающие удары по мячу. Они сворачивают туда.

Несколько минут адмирал стоит, глядя на играющих.

— Что ж это вы не по правилам? — говорит он.— Этак-то не годится. Вот вы сейчас потеряли подачу, а подаете...

— Судьи нет,— смеется светловолосая девушка.

— Я бы посудил,— нерешительно говорит адмирал,— да мне на вышку не взобраться. Тяжеловат стал.

— А вы снизу. Ну ее, вышку.

— Ладно,— улыбается он.— Попробуем. А свисток?

— Алеша, дай свисток.

— Ну, раз и свисток есть...

Он живо ковыляет к скамье, садится, снимает шляпу.

— Что ж это девять? — говорит он.— Пять на четыре не годится. Федченко, давай на ту сторону!

Он свистит. Разыгрывает подачу. Еще свисток. Федченко подает сильно, низким пушечным ударом. Никто не поспевает к мячу. Он ударяется о площадку и, перепрыгнув через подстриженные кусты туи, катится дальше. Девушка срывается в бег, но Федченко обгоняет ее. Он поднимает мяч и видит в конце аллеи высокую женщину в белом просторном пальто и мальчика, которого она ведет за руку.

— Товарищ адмирал,— говорит он, вернувшись бегом на площадку.— Наталья Ивановна там... И Валерик.

— Где? — Адмирал шарит рукой по скамье, нащупывая шляпу.— Помоги-ка подняться... Извините, товарищи...

— Держите! — Федченко бросает мяч девушке и направляется вслед за адмиралом.

Мальчик, вырвав руку у матери, мчится по аллее навстречу.

— Ого! — говорит адмирал.— Чуть не свалил! Ну, слезай, брат, слезай, дай с матерью поздороваться...

Федченко хмурится и старается идти как можно медленнее. При виде жены адмирала его всегда одолевает тяжелое, недоброе чувство. Ему неприятно в ней все. И то, что она выше ростом и моложе мужа на целых двадцать лет; и то, что вся она какая-то точеная и пахнет духами; и то, что ей трудно приноровиться к натужной хромоте адмирала, а она все же приноравливается и идет рядом, чуть-чуть склонившись и нежно взяв его под руку.

Первая жена адмирала утонула вместе с сыном и дочерью в сорок первом, при эвакуации, тут же, на рейде. Федченко не мог ее знать, и никогда ему не удавалось как следует рассмотреть пожелтевшую фотографию, которую адмирал носил в нагрудном кармане кителя, а теперь держит в бумажнике. Но ему почему-то кажется, что та непременно была одного роста с адмиралом, и даже, быть может, поменьше, с простецким лицом и мягкими, материнскими руками...

— А у меня ленточки правдашние, как у тебя! — говорит Валерик. Он подбегает и протягивает Федченко свою бескозырку с черно-оранжевыми ленточками, золотыми якорьками и надписью: «Военно-морские силы».

— Ну, теперь ты настоящий моряк,— говорит Федченко.

— Ага. А покажи, где в волейбол играют?

— Идем, покажу.

Он берет мальчика за руку и, хмурясь, идет с ним назад, к волейбольной площадке.

Узкая полоска вечерней зари еще не угасла, а в дымчатом сиреневом небе уже висит тонкий серп луны, и на море едва заметно теплится переливчатая дорожка.

В санаторном клубе начинается киносеанс. В парке пусто, только на скамье под старым каштаном сидят двое. Вспыхнувшая спичка на секунду озаряет красноватым светом смуглое лицо с седой бородкой клинышком.

— Я понимаю, доктор,— слышится низкий, грудной женский голос. — Спрашивать об этом нелепо и смешно. Но все же...

— Милый вы человек, Натэлла Ивлиановна,— отвечает доктор.— Ничего смешного здесь, к сожалению, нет. Это очень печально и тягостно — сознавать, что от тебя ждут больше, чем ты можешь дать. Одному говоришь — гуляйте перед сном, другому — не ешьте мучного, третьему — пейте эту микстуру три раза в день. Иногда это помогает. А что прикажете сказать Тихону Иванычу? Возвращайтесь, милый, на флот? Дышите полной грудью? Только смотрите, дорогой, впредь избегайте волнений, не простужайтесь?

Он умолкает, снова чиркает спичкой.

В тишине слышно, как где-то вдали негромко играет духовой оркестр.

— Впрочем,— сердито говорит доктор,— в настоящий момент непосредственной опасности я не вижу.

— Поверите, ни о чем другом не могу ни говорить, ни думать. Кажется, если б могла отдать свою жизнь...

— Ну, знаете, милая...— совсем уже сердито бормочет доктор.

Ему хочется сказать, что все это дамская чепуха, глупости, все равно, подарите ему хоть десяток жизней, и что такого человека стыдно жалеть, им надо восхищаться, и еще многое другое. Вместо всего этого он бубнит:

— Я ведь сказал: никакой опасности в данный момент не вижу...

Они сидят еще некоторое время молча. В густеющей темноте тлеет, разгораясь и угасая, оранжевый глазок папиросы. Валерик вприпрыжку бежит по аллее, цокая языком за лошадь и за всадника.

— Тпр-р-р!..— произносит он, остановившись и вглядываясь.— Ма-ам, где ты? Поехали домой, машина пришла...

Через час уже совсем темно. Люди расходятся из клуба, в санаторных домиках одно за другим гаснут окна. Федченко сидит внизу, под лестницей, на каменистом пляже, швыряя в мягко всплескивающую воду гладкие, теплые на ощупь голыши. Валя сидит рядом, охватив руками колени.

— Тоже специальность,— вздыхает она,— по морям, по волнам...

— А мне, может, ваша специальность не нравится,— говорит он.— Вот вы сегодня брили одного...

— Ну и что?

— Шкерт...— Он с силой швыряет тяжелый плоский, как блин, голыш.— Видеть не могу, до чего рожа противная!

— А по-моему, ничего, довольно интересный мужчина.

— То-то вы ему все щеки облапали... И еще за нос брали.

— А без этого побрейте, попробуйте.

— Я б его побрил! Здоровый, хоть в плуг запрягай, а по санаториям ездит.

— А вы, небось, больной...— тихо смеется Валя.

— Я-то при чем...— мрачнеет Федченко. Он сидит несколько минут молча, вертя в пальцах камешек.— Меня, между прочим, адмирал уже три раза прогонял. «Иди,— говорит,— в училище или давай демобилизуйся — одно из двух...» Срок-то у меня ведь кончился...— Он вздыхает и, помолчав, говорит: — Тяжелый это вопрос...

— Значит, так и будете при нем? — осторожно спрашивает Валя.

— Не знаю,— глухо роняет в темноту Федченко.— Мне в училище охота...

— Пойдемте,— говорит она немного погодя.— Холодно.

Федченко молча сбрасывает бушлат и накидывает ей на плечи.

— А вы-то как? — спрашивает она.

— Ничего. Я привычный.

— Еще, чего доброго, простынете, а я отвечать буду...

Через полчаса они сидят, близко придвинувшись друг к другу, придерживая поделенный на двоих бушлат. Федченко что-то шепчет ей, и она тихо смеется в ответ.

Наутро море снова дымится, сливаясь у горизонта с небом. В перламутровом струящемся мареве, словно бы в воздухе, висят длинные, узкие, как ножи, громадины с отклоненными назад тяжелыми коленчатыми башнями. На рейде бросила якорь эскадра.

Отдыхающие толпятся у парапета, передавая из рук в руки бинокль. То и дело слышатся замечания:

— Третий справа — линкор.

— Видели вы линкор!..

— Крейсеришко обыкновенный...

— Люблю этих специалистов!

— Три эсминца и два крейсера, точно вам говорю...

У столовой звонят на завтрак, но почти никто не уходит — стоят, вырывая друг у друга бинокль. Наконец у столовой звонят вторично. Постепенно все расходятся; только адмирал все еще сидит на своей скамье, сгорбившись, протянув вперед ногу, опершись подбородком о кривую рукоять палки.

— Завтракать, товарищ адмирал,— тихо говорит Федченко.

— Иди,— отвечает он.— Не хочется мне.

— Товарищ адмирал...— еще тише произносит Федченко.

— Иди, говорю...

Он видит, как под зеленой шляпой темнеет адмиральский затылок; вздохнув, он поворачивается и уходит. Адмирал сидит все так же неподвижно, глядя вдаль немигающими глазами из-под нависших бровей. Серые, расплывчатые силуэты кораблей неподвижно висят в туманной дымке.

Если всмотреться как следует, можно различить тонкие струны лееров, зачехленные стволы орудий, снующие по палубам фигурки... Приборочка, что ли? А может быть, все это вовсе не видно, а только угадывается?..

Вот из-за крайнего слева корабля показался маленький, как скорлупка, катерок. Оставляя за собой длинный бурун, он бесшумно скользит к берегу и исчезает за песчаной косой...

Адмирал сидит еще немного, затем осторожно, налегая всей тяжестью тела на палку, встает и медленно идет по аллее к дому.

У старого каштана щелкает метровыми ножницами Станислав Иваныч. Завидев адмирала, приподнимает фуражку.

— Доброго здоровьичка,— говорит он.— Я там цветочков занес.

— Спасибо, спасибо...

Он долго смотрит адмиралу вслед и, покачав головой, принимается снова щелкать. Перистая зелень туи дождем сыплется на обочину.

К обеду бордюр центральной аллеи почти закончен. Станислав Иваныч критически оглядывает сделанное, смотрит из-под ладони на солнце, закидывает на плечо ножницы и направляется к оранжерее. На повороте аллеи он почти сталкивается с молодым щеголеватым морским офицером.

— Прошу прощения,— говорит он, сверкнув зубами.— Не скажете ли, где здесь находится контр-адмирал Жучков?

— А вот,— поспешно и почему-то обрадованно говорит Станислав Иваныч, указывая ножницами.— Видите корпус? Вот через верандочку первая дверь по коридорчику будет налево...

— Благодарю,— сверкает еще раз зубами офицер.— Товарищи! — кричит он, обернувшись.— Координаты установлены!

Лирика

Ахмед ЕРИКЕЕВ

* * *

Когда, джигит, о званье генерала
Мечтаешь ты, нам дорог твой успех.
Но, знаешь ли, для этого сначала
Ты должен быть солдатом лучше всех.

Не кланяйся ни холоду, ни зною
И в трудный день живи грядущим днем.
Железо, чтобы саблей стать стальною,
Проходит испытание огнем.

* * *

Жизнь бывает тусклой и пустой,
Даже солнца свет ей не поможет,
Если поделиться теплотой
С человеком человек не может.

Перевел с татарского
Семен Липкин.

Сумбуль

Мимо дома моего,
В платье легкое одета,
Промелькнула ты, Сумбуль,
В розовых лучах рассвета.

Свежий ветер на лугу
Тронул шелковые косы.
Прямо под ноги тебе
Бросились живые росы.

Счастьем юности дыша,
Вспыхнули румянцем щеки,
И душевной чистотой
Светится твой взор глубокий.

Жаворонок сам не свой,
Зависть мучает зорянку
Оттого, что на лугу
Ты запела спозаранку.

И напрасно я, Сумбуль,
Кинулся тебе вдогонку:
Ты, как молодость моя,
Убегаешь с песней звонкой.

Перевела Вера Потапова.

Из-за поворота высыпают еще пятеро; вся аллея наполняется черно-бело-золотым сверканием. Станислав Иваныч стоит и смотрит, как они все, один за другим, поднимаются на террасу и исчезают в дверях.

Через час, вернувшись с обеда, садовник видит, как они спускаются с террасы и как адмирал идет среди них и что-то оживленно и быстро говорит, смеясь и неловко взмахивая рукой. Маленький, в кургузом своем пальто, он почему-то сейчас кажется Станиславу Иванычу выше всех остальных. И движется он вроде быстрее, совсем не так, как утром. И то, что все эти рослые, стройные, темнолицые, крепкие идут за ним почтительным полукругом и молча слушают, тоже очень нравится Станиславу Иванычу.

— А як же...— бормочет он, глядя им вслед.— Как ни говори, а все-таки оно... да-а...

Он не находит более слов и, притушив самокрутку, принимается стричь.

Они выходят к парапету. Дует порывистый низовой ветерок, и на потемневшей изумрудной воде пасутся тысячи белых барашков. Линия горизонта обведена густой зеленоватой синью. Корабли слегка покачивает. Теперь в прозрачном, прохладном воздухе они кажутся выпуклее и ближе. Все останавливаются и молча смотрят.

— Третий справа, товарищ контр-адмирал,— почтительно наклоняется белозубый офицер.

— Вижу,— негромко отвечает он.

Другой офицер, высокий, с пышными рыжеватыми усами, покашливает и укоризненно смотрит на белозубого.

— Вы что же, товарищ капитан-лейтенант,— протяжно произносит адмирал, не отрывая прищуренных глаз от кораблей,— думаете, зрение у меня ослабело?

Все молчат. В тишине усатый покашливает еще раз.

— Хорош! — нарушает молчание адмирал.— Красавец...

Офицеры облегченно улыбаются, словно только и ждали этой оценки. Прищурясь и не мигая, адмирал смотрит и смотрит, пока от ветерка не начинают слезиться глаза.

— Разгуливается,— говорит он, отвернувшись в сторону и вытаскивая из кармана платок.— К вечеру заштормит...

Эскадра снимается с якоря в девять вечера. Люди толпятся у парапета, глядя, как корабли один за другим разворачиваются, тяжело переваливаясь на крупной волне. Быстро темнеет. На кораблях зажигают сигнальные огни. Шквалистый ветер налетает порывами, свистит в вершинах деревьев, несет с моря рваные облака и первые редкие капли дождя. Внизу, у кромки берега, вскипает и с грохотом рассыпается длинная полоса прибоя. Две темные фигурки бегут вдоль берега к лестнице.

— Полундра! — кричит Федченко.— Глядн, искупает!

— Духу не хватит! — смеется Валя.

Следующая волна почти настигает их. Они отбегают назад, прижимаются к обрывистой ноздреватой стенке. Еще одна волна обдает их влажной, холодной пылью. Федченко расстегивает бушлат, прикрывает им Валю.

— В кильватер построились,— говорит он.

Они молча смотрят на далекие, взлетающие вверх и вниз огоньки.

— Горе ты мое,— вздыхает она.— И на что я только с тобой повстречалась?.. Вот так ведь и буду всю жизнь — у моря счастья выпрашивать. Всю жизнь...— повторяет она и прячет лицо у него на плече.

— Ладно тебе,— хмуро бормочет Федченко. Крупная капля попадает ему на лоб, за ней вторая и третья. Он смотрит вверх и уводит Валю в сторону, под нависшую глыбу ракушечника.— Вот тут, пожалуй, не намочит,— говорит он и неумело гладит в темноте ее влажные, спутавшиеся волосы.

А наверху, у парапета, все уже пусто. Только адмирал, придерживая рукой низко надвинутую шляпу, стоит, опершись на палку, и, щурясь от сильного ветра, долго вглядывается в ныряющую, едва уже видную цепочку зеленых и красных огней.

Ровно в десять раскрываются двери, и одиннадцать нотариусов начинают прием.

Мы находимся в самой большой московской нотариальной конторе, которую ежедневно посещает более пятисот человек, а в горячие дни — и до тысячи. Сейчас именно такая сезонная пора.

Как сами нотариусы не похожи на памятных нам персонажей из классических романов, так и посетители отнюдь не напоминают купцов, скреплявших казенной печатью выгодные сделки. За столами сидят молодые мужчины и женщины, и даже старшим нотариусом является женщина — Александра Александровна Шальварова. Среди клиентов много молодежи.

Но сядем за стол рядом с нотариусом и послушаем, какие нужды приводят сюда советских людей.

Святослав Чугунов подает аттестат № 434083 об окончании им в 1955 году средней школы № 1 в Порт-Артуре.

— Самолетом прибыли?

— Конечно!

Молодая женщина просит снять копии сразу с двух ее дипломов: она инженер и театровед.

— Уж не в третий ли вуз поступаете?

— Нет, хватит! — смеется она.— Это для отдела кадров.

— Снимите лучше фотокопию,— советуют ей.

— Что это такое?

В комнате стоит большой фоторепродукционный автомат. В шутку его называют «нотариальным комбайном». Оператор П. И. Бодунков поворачивает рычажок, и через восемь с половиной минут машина подает шесть готовых отпечатков. Тут уж не только гарантируется точность копии, но и сохраняется внешний вид документа.

Мы просматриваем бумаги, которые лягут под объектив. Вот архивная справка о том, что Клавдия Александровна Голикова принимала в 1918—1919 годах участие в боях партизанских отрядов против Колчака, состояла членом военно-революционного штаба и членом областного повстанческого комитета Западной Сибири. Другой документ подтверждает, что Институт нейрохирургии Академии медицинских наук СССР получил в дар от наследников известного ученого Н. Н. Бурденко ценную медицинскую библиотеку. Далее мы знакомимся с материалами исторического архива, из которых видно, что Г. Л. Голубев, работая в январе 1917 года наборщиком в типографии, достал полтора пуда шрифта для подпольной работы, участвовал в нелегальном собрании и был арестован.

На столе другого нотариуса лежат документы, написанные на иностранных языках. Они переведены на русский, и здесь заверяется подпись переводчика.

Обращаем внимание на лист бумаги, испещренный китайскими иероглифами, украшенный изображениями кумачовых знамен с пятью звездами, гирлянд из зелени и цветов, двух голубей с ветками в клювах. Это — брачное свидетельство, выданное в прошлом году в Китайской Народной Республике двум советским гражданам. В нем приведена выдержка из китайского закона о браке:

Нотариус Е. А. Горохова принимает посетителей.

Фото М. Савина

ОДИННАДЦАТЬ НОТАРИУСОВ

Я. МИЛЕЦКИЙ

«Муж и жена должны любить друг друга, взаимно уважать и помогать друг другу, материально поддерживать друг друга, жить в мире и согласии, трудиться на производстве, вместе воспитывать детей, бороться за семейное счастье, за построение социалистического общества».

Далее мы рассматриваем американское брачное свидетельство. Много лет назад, еще до революции, поженились молодой литовец и литовка, жившие тогда в Соединенных Штатах Америки. Теперь им понадобился перевод этого документа, и вот он перед нами со множеством печатей. Одна из надписей на свидетельстве гласит:

«Удостоверяю, что документ, при сем приложенный, имеет печать штата Иллинойс. В подтверждение чего я, Джон Фостер Даллес, Государственный Секретарь, приложил печать...»

Потом нотариус заверяет подпись переводчика на румынском свидетельстве об окончании ремесленного училища, на дипломе Варшавского института педагогики, на справке, полученной из Греции, о трудовом стаже советского гражданина, вернувшегося на родину, в Армению.

Между тем нотариусы продолжают прием посетителей. Одни оформляют покупки и продажи дач, автомашин, мотоциклов, другие делают исполнительные надписи о взыскании квартирной платы со злостных неплательщиков, третьи заверяют подписи под доверенностями.

К столу подходит маленькая седенькая старушка. Нотариус встречает ее, как знакомую.

— Здравствуйте, зачем опять пожаловали?

— Да все за тем же. Приезжайте к нам оформить доверенность на получение мужниной пенсии. Он все еще болен.

— Ведь в прошлом месяце он подписал такую доверенность сроком на три года!

— Ее забрали в банке. Говорят, каждый месяц новая доверенность нужна.

— Что ж, придется поехать...— вздохнул нотариус, давая этим понять, что банковские работники затеяли волокиту.

Да они ли одни! Нотариусы приведут вам множество примеров, когда органы связи, народного образования, социального обеспечения, жилищные и другие учреждения заставляют людей без необходимости обращаться в нотариальные конторы и зря тратить время...

Мы садимся за стол другого нотариуса. С ним почему-то посетители беседуют полушепотом. Клиенты — люди пожилые. Они говорят о своих завещаниях «на всякий случай». Долго и подробно расспрашивают, потом придут еще не раз, пока наконец не подпишут свое последнее завещание. Но это до поры до времени дело тайное, и мы не будем его касаться.

Зато нотариус рассказывает нам о некоторых завещаниях, которые печальная необходимость вынуждала вскрывать.

Профессор-микробиолог любил живопись. Он и сам рисовал, но дальше семейного альбома его творчество не шло. Прожил он жизнь долгую. Не удивительно, что у него собралась в конечном счете ценная коллекция картин. Были в ней и Айвазовский, и Поленов, и Верещагин, были и произведения выдающихся голландских и итальянских мастеров. На склоне лет стал он подумывать, как лучше использовать собранное богатство. Правильно ли будет оставить коллекцию в четырех стенах квартиры? Профессор решил завещать картины музею. Но все тянул: не хотелось думать о смерти. Так и пришлось оформить завещание у него на квартире, когда он заболел и сомнений в роковом исходе уже не было.

— И такие завещания часто встречаются?

— Бывают. Вспоминается такой случай. Бухгалтер оказался большим книголюбом, собирал книги по истории. У него оказалась библиотека в несколько десятков тысяч томов. Он, вероятно, знал историю лучше, чем бухгалтерию... Всю жизнь мечтал быть историком, но так и умер бухгалтером. Всю библиотеку он завещал родному уральскому городу.

Нотариусу не раз приходилось оформлять завещания, и не на малые суммы, на имя детских домов — для детей, чьи родители погибли в Отечественную войну.

Случается, за столом нотариуса сталкиваешься и с недостойными поступками людей. Вот, например, осталась без родителей пятнадцатилетняя Нора. Умер и дед ее, владевший дачей. Казалось очевидным, что дача будет принадлежать внучке. Но на беду старик перед смертью женился, и молодая жена решила прибрать к рукам все его наследство, включая и дачу. А чтобы начисто отстранить девочку, предприимчивая женщина заявила, что Нора вовсе не внучка покойного... В дело вмешались соседи, пришли в нотариальную контору, а затем помогли разыскать документы о рождении матери Норы. Алчной вдове пришлось потесниться.

И в каждом случае, когда нотариус встречается с бесчестными намерениями дурных людей, можно быть уверенным, что восторжествует справедливость.

«Разлюбил...»

Иван ГОРЕЛОВ

Рисунки Н. Лясогорского.

Аллочка волновалась. Пятый день не звонил Геннадий Кузьмич.

Сегодня пришла она в поликлинику рано, почти за час до начала работы, неслышно, одними пальчиками приоткрыла дверь и на цыпочках подошла к комнате дежурного. Сердце ее беспокойно запрыгало, будто ему стало вдруг тесно.

За стеклянной перегородкой, куда вела узенькая ковровая дорожка, горела единственная лампочка, затененная бумажным абажуром. Дежурная сестра Серафима Васильевна, уронив на колени книгу, вздремнула у телефона на короткую минутку. Аллочка хотела было разбудить ее, но не решилась. С укоризной посмотрела на черный силуэт телефонного аппарата и, стараясь ступать на ковровую дорожку, неслышно взошла на второй этаж...

За окном прощально помахивала кому-то кленовая ветка, тронутая ранней позолотой. Было синее спокойное утро, и тишина навевала такое уныние, что хотелось заплакать.

Аллочка надела накрахмаленный, хрустящий халатик, так приятно оттенявший ее розовые щеки и черные брови, и принялась кипятить инструменты, чтобы хоть капельку отвлечься от своего горя. Она все же приоткрыла дверь и, затаив дыхание, стала прислушиваться. Но телефон в дежурке молчал.

Вдруг справа, у стены, что-то тоненько звякнуло, будто чай в стакане ложечкой помешали. В недоумении Аллочка разгладила ладошкой локоны на виске, и все, к сожалению, кончилось: просто зазвенело в ухе.

А стрелка часов ползла и ползла вверх, отмеряя быстролетные минуты. В коридоре рассаживались уже первые пациенты, дробно позвякивали ключами уборщицы.

Аллочку неудержимо влекло вниз, дежурка, словно магнитом, притягивала. Серафиму Васильевну, конечно, уже разбудили, и хотелось спросить у нее: может, линия на Москву повреждена или телефон испортился?

Было уже начало девятого. За дверью кто-то нетерпеливо покашливал и шуршал подошвами, робко напоминая о себе. Пора начинать прием. Аллочка распахнула дверь и извинительно поклонилась седовласому пенсионеру Егору Ивановичу — соседу по улице.

— Пожалуйста, Егор Иванович, заходите,— чуть слышно прошептала она сухими губами.

Егор Иванович привычно сел в кресло, разгладил на груди чистую белую бороду и искоса посмотрел на сурово сведенные аллочкины брови.

— Пятым нижним займемся, Егор Иванович? Или на верхнюю челюсть перекочуем? — тихо спросила она, не переставая прислушиваться.

— Пятый, соседушка, добьем... Чего ж отступаться? Час добрый, голуба! — простодушно улыбнулся старик, надеясь, видимо, вызвать ответную улыбку.

Но Аллочка была угрюма. Молча включила она бормашину, достала наконечник и принялась обрабатывать больной зуб.

Она немного отвлеклась работой, забылась, как вдруг из дежурки донеслось прерывистое дребезжание телефона. Едва успев извиниться перед Егором Ивановичем, Аллочка громко хлопнула дверью и, словно на крыльях, слетела на первый этаж.

— Не он, пташечка моя... Не он... Сводку из райздрава требуют,— мягко остановила ее Серафима Васильевна, ладонью прикрывая черную трубку.

Когда Аллочка возвратилась в кабинет и уселась на круглый белый стул, Егор Иванович грустно вздохнул и произнес вполголоса:

— Проходимец несчастный...

— Кто, Егор Иванович?

— Да этот... Командированный... Чтоб ему ни дна, ни покрышки!..

— Какой командированный?

— Мы, Алла Максимовна, все знаем. Земля слухом полнится... Хоть обижайтесь, хоть не обижайтесь, а не стоит он вас... Голову только заморочил, «столичный житель»... А Петю Лютикова, бывшего жениха вашего, понапрасну в тоску вогнали. Хоть и юнец Петя, а правильный человек, открытая душа. Не чета этому седовласому чародею!

Аллочка стыдливо наклонила лицо и долго не могла закрепить бор. Ей захотелось побыстрее отпустить Егора Ивановича.

Наконец все было подготовлено. Она растерла серебряную амальгаму, и первая порция ее в виде крохотной горошинки была уже поднесена к зубу...

Но внизу снова раздался пронзительный телефонный звонок. Рука Аллочки в нерешительности повисла в воздухе. Было так стыдно покидать Егора Ивановича второй раз!..

— Идите, идите, Алла Максимовна,— участливо кивнул головой пенсионер и рукой указал на дверь.

И она побежала вниз, зажав в кулачке миниатюрный никелированный штопфер.

— Какой вам гараж! Звонить не умеете... Это поликлиника! Людей тревожите ни за что, ни про что! — сердито кричала в трубку Серафима Васильевна.

Заметив Аллочку, старушка ухватила ее за руку, посадила рядом и запричитала по-матерински:

— Ах ты, голубенок мой необлетанный, неразумный!.. На глазах ведь сохнешь. А он, дьявол бесстыжий, будто сквозь землю провалился. Ни слуху, ни духу. Я уж, милая, сама эту Москву каждочасно жду. Неужто провода обрезали? Ведь скажи на милость: почитай, месяц изо дня в день трезвонил, поцелуи слал.

Помолчав с минуту, она добавила:

— А может, выкинешь его из головы? В отцы ведь, почитай, годится. Жалко? Привыкла? Ну, подождем. Улетел куда-нибудь в командировку...

— Разлюбил, Серафима Васильевна, а не улетел! — неожиданно всхлипнула Аллочка и поспешно закрыла глаза тонкими пальчиками. На белый халат ее обильно скатывались частые слезы.

...День тянулся бесконечно долго, и пациентов, как на грех, было много. Сильно стучало в висках. Руки порой становились чужими, вялыми. Неутолимо хотелось пить. Аллочка то и дело опрокидывала графин и пила из стакана маленькими глотками, так, как утоляют жажду в пустыне.

А за окном уже по-осеннему шумел ветер. Глухо скрипела старая ива у пионерского пруда и как бы выговаривала тягучие грустные слова:

— Ррраз-лю-бил... Ррраз-люробил...

Наконец пробило три. Пришла сменщица и укорительно сообщила о том, что Егор Иванович заходил к директору поликлиники Евдокии Гавриловне и на очередной прием записался к другому врачу.

Аллочка ничего не ответила. Ей было все равно. Положив на стол пачку медицинских карточек, она коротко попрощалась со сменщицей и, сославшись на головную боль, торопливо сошла вниз...

Домой Аллочка шла через парк, мимо высоких пирамидальных тополей и реденьких облетающих кленов. Под ногами шуршали сухие листья, в воздухе пахло дубовой корой и свежим сеном.

У одинокого шатрового дубка виднелась голубая скамейка. Кусты сирени поредели и как бы расступились, словно для того, чтобы Аллочка непременно увидела эту скамейку.

По привычке она свернула к дубку и присела на край скамейки...

Здесь не раз встречала она вместе с добрым и внимательным Геннадием Кузьмичом восход южной луны, похожей на спелую дыню. С упоением слушала она его увлекательные рассказы о жизни, поучительные истории и забавные, смешные анекдоты.

Это было совсем недавно... Первый раз Геннадий Кузьмич пришел в поликлинику с запиской из райздрава. Просил удалить зуб, который вечно мучил его в командировках. Аллочка осмотрела приезжего пациента и от крайней меры воздержалась: лишь положила мышьяковистую пасту.

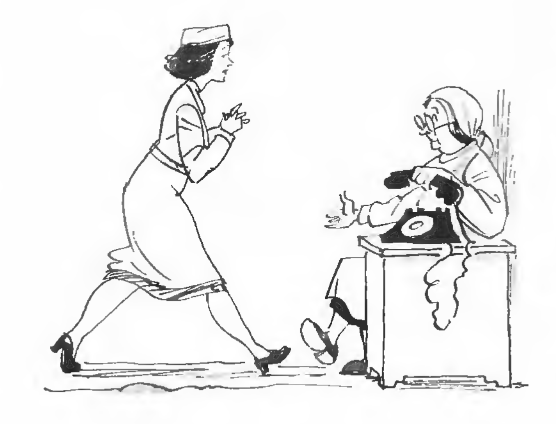
Через день Геннадий Кузьмич в знак благодарности принес ей большую коробку шоколадных конфет и назвал «очаровательной юной волшебницей». Аллочка была приятно удивлена.

Затем, кажется, через неделю, он встретил ее у ворот поликлиники, встретил будто невзначай и робко попросил разрешения проводить домой. Пришлось позвонить Пете Лютикову и перенести свидание с ним на... неопределенное время. Несколько раз были они с Геннадием Кузьмичом в кино, один раз на концерте. По речке Тихой часами катались на выпрошенной у садовника лодке. И каждый вечер допоздна бродили по городскому парку.

Однажды Геннадий Кузьмич всерьез пожаловался на свое затянувшееся одиночество. Рассказал о неудачной женитьбе, о своей молодой душе, сетовал на рано пробившееся на висках предательское серебро.

До этого никто не говорил с Аллочкой так откровенно и так ласково...

Геннадий Кузьмич добился даже продления командировки, чтобы еще несколько вечеров встречаться с Аллочкой на уютной скамейке под желтой южной луной.

В пылу откровенности он рассказал о своей работе, пригласил в Москву и даже начертил план, как найти его главк от метро «Красные ворота». Честно предупредил Аллочку, что писем писать не любит, и обещал часто звонить. И действительно, звонил каждое утро, кроме томительных воскресных дней.

...Прошло два месяца. Аллочка стала уже забывать о Геннадии Кузьмиче. С Петей Лютиковым дружба ее так и не возобновилась: обиженный юноша уехал работать в станицу Крыловскую... Но вот однажды Евдокия Гавриловна вызвала ее и объявила:

— Придется вам, Алла Максимовна, покинуть наш провинциальный Тихорецк на целых три месяца. В столице вы ни разу не были?

— В Краснодаре? — не поняла Аллочка.

— Нет, в Москве...

— Ни разу.

— Жребий на вас пал: на курсы освоения новых методов поедете! — восторженным голосом сообщила Евдокия Гавриловна.

Аллочка хотела поблагодарить директора, но подкатившийся откуда-то изнутри комочек сковал челюсти. Она растроганно заморгала ресницами, обхватила седую голову Евдокии Гавриловны и поцеловала ее в холодную щеку.

И когда, получив в канцелярии документы, она возвращалась домой, ноги ее безвольно подкашивались. В сердце снова затеплился какой-то таинственный огонек. Даже дышать стало легче...

Скорый поезд прибыл в Москву в семь утра. Аллочка сдала чемоданчик в камеру хранения и по совету проводницы поехала осматривать станции метрополитена. Долго бродила она по облицованным гранитом туннелям, поднималась наверх, снова опускалась по живым лестницам, садилась в первый попавшийся поезд. И вдруг на одной из остановок услышала знакомые слова: «Красные ворота!». Аллочка вспомнила, что где-то поблизости находится главк, и бросилась к поезду, чтобы немедленно покинуть это место. Но двери вагона закрылись раньше, чем она добежала, и поезд стремительно понесся в туннель...

Аллочка призадумалась. А что, если только взглянуть на то здание, в котором работает Геннадий Кузьмич? Взглянуть и уйти...

И она поднялась наверх. Город уже проснулся и шумливо гудел металлическими голосами. Аллочка прошлась вдоль улицы, с любопытством рассматривая громады незнакомых домов.

Нет, Геннадий Кузьмич не обманул ее. Тополем взметнулось против станции метро высотное здание. Садовое кольцо шумело, проплывало мимо конвейером автомашин и троллейбусов. Блестел стеклом угол Орликова переулка... Все в точности, как рассказывал этот вежливый и внимательный человек. Но она не зайдет к нему, нет! Слишком огорчительна обида. Она только узнает: почему он перестал звонить? Забыл почему?..

У облицованного гранитом парадного под толстым зеркальным стеклом четкие золотые буквы: Союзное министерство. Аллочка прошла в вестибюль, сдала в гардероб пальто и по широкой лестнице поднялась на третий этаж.

Черные двери и на них круглые, сияющие бронзой ручки, словно начищенные пуговицы на мундире. У одной из дверей — тоже под стеклом — золотыми буквами написана фамилия Геннадия Кузьмича...

Аллочка дважды прошлась мимо двери, стараясь подавить нахлынувшую робость... Вот кто-то вышел и оставил дверь приоткрытой. Видна приемная. Ореховый стол, белокурая секретарша со строгим лицом, диван под свежим парусиновым одеянием.

Аллочка решительно вошла в приемную и мягко спросила:

— Простите, пожалуйста, когда принимает Геннадий Кузьмич?

— По какому вопросу? — не отрывая глаз от бумаги, буркнула белокурая голова.

— Мне нужно... Нужно передать ему одно поручение... Из Тихорецка...

— Ах, из Тихорецка!.. Сейчас! Сейчас узнаю.— Дама моментально преобразилась, сменила угрюмую маску на щедрую напускную улыбку, вспорхнула, словно мотылек, и мягко хлопнула дверью кабинета.

Вскоре крашеная голова ее показалась из-за портьеры:

— Одну минуточку, девушка... Он с Анастасией Филипповной по телефону говорит... С супругой... У старшей дочери день рождения завтра... Хлопоты!

Аллочка постояла несколько минут в нерешительности, затем круто повернулась на каблучках и вышла в коридор. Ей захотелось немедленно удалиться отсюда, убежать... Она завернула за угол и остановилась среди колонн в небольшой нише. Тут же висела министерская стенная газета...

И почему-то сразу бросилась в глаза зеленая крупная карикатура. Похожий на Геннадия Кузьмича человек, опутанный проводами, словно дубок хмелем, сидел у телефонного аппарата с выразительно нарисованной цифрой «823». И над ним буквы с крылышками, похожие на ласточек: «Тихорецк». А сверху заголовок: «Дорогая романтика».

В коротенькой заметке остроумно высмеивался заместитель начальника главка... Геннадий Кузьмич... Он обязан уплатить в кассу министерства восемьсот двадцать три рубля за частные переговоры.

Аллочка прочитала заметку и дрожащими ладонями сдавила свои виски. В них неуемно стучали острые молоточки.

— Гражданка из Тихорецка! Девушка! Прошу вас! — громко неслось по коридору.

Аллочка спряталась за колонну и замерла. Затем, услышав приближающиеся шаги, метнулась к лестнице и стремглав понеслась вниз.

— Девушка! Что с вами? Остановитесь!.. Геннадий Кузьмич просит вас! — летело ей вдогонку.

Но Аллочка не остановилась.

...Вечером она отказалась идти в кино с новыми подругами. Оставшись в общежитии одна, Аллочка улеглась в постель и стала раздумывать о случившемся. Она чувствовала, что немного успокоилась... Но было очень обидно. Может, и в сердце от этого больно покалывало. Было до слез обидно за то, почему его имя, имя криводушного Геннадия Кузьмича, написано у дверей чистыми золотыми буквами!.. Почему?

ТУРНИР В ГЕТЕБОРГЕ

22 АВГУСТА. В это время года в Швеции, как правило, бывает дождливая погода. Лето подходит к концу. Однако в этом году здесь настолько жарко, что шведы говорят: «Последние пятьдесят лет такого не было».

В помещении душно, и участники турнира непрерывно пьют оранжады и лимонады; часто выходят на улицу, чтобы освежиться, пока противник обдумывает ход. В такой, чуть ли не тропической, жаре хорошо чувствуют себя только аргентинцы.

Г. Пильник нанес первое поражение одному из лидеров турнира — опасному А. Фудереру. Переговоры во время партии М. Найдорф — К. Гимар велись на испанском языке. Но всем было понятно, что Найдорф в худшей позиции предлагает ничью. Однако ему не удалось уговорить К. Гимара. Аргентинский гроссмейстер был очень недоволен: «45 раз я выиграл у К. Гимара в Аргентине, а тут, прилетев в Европу, теряю с ним очко». Д. Бронштейн легко выиграл у Х. Доннера и захватил лидерство в турнире.

23 АВГУСТА. Шестой тур протекал спокойно. В нем пострадали только два участника, два гостя из далекой Аргентины и Венесуэлы.

За последние годы в Югославии появились молодые талантливые шахматисты. Один из них — А. Фудерер, мастер с блестящим стилем игры. А. Фудерер может выиграть или проиграть, но в его партиях всегда происходит что-то оригинальное. Сегодня в результате головоломных осложнений А. Фудерер нанес еще одно поражение М. Найдорфу. Позиция Найдорфа в турнире не вызывает восторга даже у аргентинского гроссмейстера, одного из самых уверенных шахматистов в мире. Но впереди еще много туров, и Найдорф может поправить свои дела

25 АВГУСТА. В зале, где происходит турнир, висят портреты всех чемпионов мира. Все они побывали в Швеции в прошлом. Гениальный А. Алехин играл свой первый международный турнир в возрасте 18 лет. Б. Спасский — не Алехин, но ему тоже 18 лет, и он в Швеции играет в турнире, который может иметь для него важнейшее значение. У талантливого мастера есть все шансы вернуться в Москву уже гроссмейстером — для этого достаточно попасть в девятку. Сегодня Б. Спасский освободился от стесненного положения и энергичной игрой переиграл Г. Иливицкого.

От советских шахматистов всегда ожидают не только высоких спортивных результатов, но и создания красивых шахматных произведений. В этом отношении сегодня блеснул Д. Бронштейн. С полным спокойствием он создал настоящий фейерверк, пожертвовав одну пешку, затем вторую и фигуру. Зрители, затаив дыхание, следили, как Бронштейн преследует короля П. Кереса. Керес израсходовал максимальное время, но не смог избежать полного разгрома. Чешский мастер К. Опоченский, любитель острой комбинированной игры, так был восхищен игрой Д. Бронштейна, что в гостинице вручил Бронштейну вазу из чешского хрусталя.

Весь тур протекал в напряженной борьбе. Радио и газеты подчеркивают высокие спортивные и творческие способности советских шахматистов и тот факт, что они не жалеют друг друга, когда встречаются между собой.

26 АВГУСТА. По результатам жеребьевки первые шесть номеров имеют советские шахматисты, и каждому иностранному участнику приходится играть шесть трудных партий день за днем. Иностранцы называют этот ряд «мельницей».

Неожиданно проиграл чемпион СССР Геллер Иливицкому. В примерно равной позиции Геллер переоценил свои возможности, и Иливицкий прекрасно использовал неточность противника. «Вчера Борис Спасский заматовал меня, и сегодня я рассвирепел»,— шутит обычно добродушный, мирно настроенный свердловский мастер.

— Хорошо, что скоро выходной день в турнире. Я очень устал от защиты своих позиций,— говорит симпатичный двадцатилетний аргентинец О. Панно, который после восьми туров является ближайшим конкурентом для лидера турнира Бронштейна.

Сало **ФЛОР**

Гетеборг.

СЛОНЯТА ИЗ ИНДИИ

В Одесский порт прибыл теплоход «Ставрополь», доставивший двух слонят из Индии — подарок премьер-министра Республики Индии Джавахарлала Неру советским детям. Слонята Рави (Солнце) и Шаши (Луна) помещены в городской зоопарк и вызывают большой интерес у посетителей.

На снимке: слонята в вольере зоопарка.

Фото А. Фатеева (ТАСС).

Цветы Москвы

У стенда голландских садоводов.

Фото Е. Умнова.

В яркие чарующие краски нарядились на днях подземные залы старой станции метро «Арбатская»: здесь открылась традиционная осенняя выставка цветов. На ней представлено более 100 тысяч различных цветов и декоративных растений.

Прекрасные коллекции тропических и субтропических цветущих растений представил Главный ботанический сад Академии наук СССР. Умелым подбором цветов — летников и астр — порадовала сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева. Ботанический сад МГУ показал в натуре коллекции комнатных цветов.

Свыше двухсот разновидностей растений, так называемых цехоустойчивых, продемонстрировал завод «Калибр».

В выставке впервые приняло участие «Объединение предприятий декоративного цветоводства и озеленения» Голландии. Голландские цветоводы привезли десятки сортов роз, махровых гвоздик, хризантем и других цветов.

П. АРХИПОВ

Томаты Корнеева

«Посылаю вам кисть корнеевских томатов. Она средняя как по величине, так и по количеству их».

Кисть томатов, присланная в редакцию «Огонька» А. П. Корнеевым, жителем села Сосновки (Бековский район, Пензенской области), весит два с половиной килограмма. Плоды темнорозовой окраски, мясисты, приятны на вкус. На каждом кусте, как правило, вырастает шесть — восемь плодов по пятьсот — восемьсот и более граммов, не считая мелких.

Такие крупноплодные томаты были выведены отцом А. П. Корнеева в результате тридцати лет упорного труда, за что местными жителями томаты и названы «корнеевскими».

Эти замечательные томаты А. П. Корнеев старается распространить за пределы своего села.

Корнеевские томаты можно встретить теперь у любителей в Сибири, на Урале, в Архангельской области, в Поволжье, под Москвой, в Краснодарском крае.

П. ЧУМАК

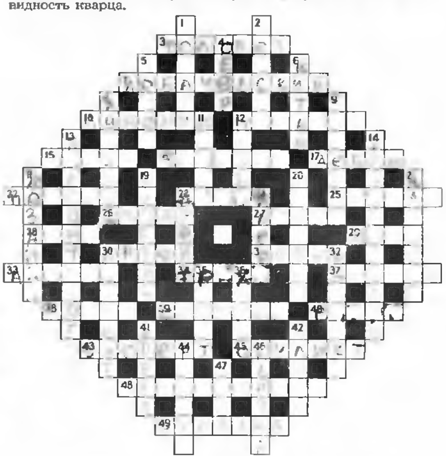
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Танец. 7. Великий русский математик. 10. Громкоговоритель. 12. Равенство, равное отношение. 15. Тяжелый шпат. 16. Застежка. 17. Места, заросшие непроходимым лесом. 22. Манера писать. 23. Молодое, непривитое плодовое растение. 25. Млекопитающее из группы антилоп. 26. Стихотворение А. С. Пушкина. 27. Род оптического стекла. 28. Таджикский советский писатель. 29. Младший матрос. 30. Герой древнегреческой мифологии. 31. Небольшая гора, холм. 33. Сочетание музыкальных тонов. 34. Плата за перевозку груза по водным путям. 37. Щелочной металл. 38. Конец электрической цепи. 39. Русский певец. 40. Резкое увеличение темпа движения при беге. 43. Специалист, дающий заключение. 45. Специальность врача. 48. Русский художник. 49. Опера А. С. Даргомыжского.

По вертикали:

1. Область Африки. 2. Река Мариинской водной системы. 4. Французский композитор. 5. Рыба семейства кефалей. 6. Страна в Азии. 8. Гриб. 9. Река в Забайкалье. 11. Остров в Тирренском море. 12. Род картины. 13. Специальность ученого. 14. Русский мореплаватель. 18. Вид изобразительного искусства. 19. Советский скульптор. 20. Растение семейства тутовых. 21. Народная республика. 23. Движение льдов. 24. Лесная птица. 30. Аспирант высших военно-учебных заведений. 32 Стихотворная стопа. 35. Гавань на Атлантическом океане. 36. Порт в Финляндии. 41 Музыкально-драматическое произведение. 42. Клейкая жидкость, применяемая в хирургии. 44. Город в Бирме. 46. Прозвище. 47. Разновидность кварца.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

7. Ванкпот. 8. Колодец. 9. Карузо 11. «Гамлет». 12. Дилемма. 13 Трепанг. 16. Симптом. 18. Орхидея. 19. Аккомпаниатор. 21 Квинтет. 24. Терраса. 25 Ремарка. 27. Нейтрон. 29. Начало. 30. Огород. 31. Актиний. 32. Бологое.

По вертикали:

1. Нашатырь. 2. Округ 3. «Бородино». 4. Болгария. 5. Норма. 6. Берестов. 10. Неожиданность. 14. Пунктир 15. Громова. 16. Селигер. 17. Пеночка. 20. Петрарка. 21. Ксенолит. 22. Технолог. 23. Скоморох. 26. Памир. 28. Повод.

Из почты «Огонька»

Женщина и медведь в лодке

Случилось это на берегу Подкаменной Тунгуски, впадающей в реку Енисей. Люди, занятые покосом, услыхали с другого берега женский крик. Вглядевшись, они увидели, что за женщиной гонится медведь.

Женщина, добежав до реки, с ходу прыгнула в большую весельную лодку. Но мгновение спустя в этой же лодке оказался и медведь.

Лодку начало относить течением от берега. Женщина не растерялась. Она взялась за весла и изо всех сил гребла к противоположному берегу, где находились люди. Медведь встал на задние лапы и пытался приблизиться к ней. Тогда женщина принялась раскачивать лодку, пытаясь таким образом свалить стоявшего зверя в воду. Но мишка, видимо, не имел намерения искупаться и сел, держась лапой за борт лодки.

Стрелять нельзя было, так как на линии полета пули оказывались и женщина и медведь. Когда лодка повернулась, между женщиной и зверем образовалось расстояние. Воспользовавшись этим, один из охотников метким выстрелом с берега уложил медведя наповал.

Ф. СИЛАНТЬЕВ

В этом номере на вкладках: две страницы репродукций акварелей В. А. Фербера, две страницы репродукций картин М. Мьель и Б. Таслицкого и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление В. Епанешникова.

А 04641. Подп. к печ. 30/VIII 1955 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 697. Заказ 2107. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.